

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 14(1) • 2021

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе и международному сотрудничеству МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Research and Global Engagement MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief.

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Head of Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,45 усл. п.л. Заказ № 183.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 14(1) • 2021

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

История международных отношений

- 7 Печатнов Вал. В., Печатнов В.О. – Русский епископ в Америке «позолоченного века»
- 31 Кудрявцева Е.П. – Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе

Национальная идентичность и политика памяти в международных отношениях

- 48 Royce Dylan Payne – Polonization as a Determinant of National Identities of Ukraine and Belarus
- 94 Ведерников М.В. – Формирование национальной идентичности в современной Словакии

Европейский союз в мировой политике

- 126 Кавешников Н.Ю. – Обычная законодательная процедура в ЕС как пример кооперативных практик

Мировая экономика

- 148 Гусев А.Б., Юревич М.А. – Глобализация занятости на фоне пандемии COVID-19
- 174 Калашников Д.Б. – Роль зарубежных малых и средних предприятий Китая в модернизации национальной экономики

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 197 Пичков О.Б., Уланов А.А. – Повлияет ли робототехника на рынки труда?

Table of Contents • 14(1) • 2021

RESEARCH ARTICLES

History of International Relations

- 7 Pechatnov V.V., Pechatnov V.O. – Russian Bishop in Gilded Age America
31 Kudryavtseva E.P. – The Greek Revolution of 1821 and Russian Policy in the Eastern Question

National Identity and the Politics of Memory in International Relations

- 48 Royce Dylan Payne – Polonization as a Determinant of National Identities of Ukraine and Belarus
94 Vedernikov M.V. – Formation of National Identity in Slovakia

European Union in World Politics

- 126 Kaveshnikov N.Yu. – The Ordinary Legislative Procedure in the EU as an Example of Cooperative Practices

World economy

- 148 Gousev A.B., Yurevich M.A. – Globalization of Employment Amid COVID-19 Pandemic
174 Kalashnikov D.B. – The Role of Chinese Small and Medium TNCs in the Modernization of the National Economy

BOOK REVIEWS

- 197 Pichkov O.B., Ulanov A.A. – Will Robotics Affect the Future of Work?

Русский епископ в Америке «позолоченного века»

Вал.В. Печатнов, В.О. Печатнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена американскому периоду жизни епископа Николая (Зиорова) в бытность его главой Алеутской и Аляскинской епархии РПЦ (1891–1898 гг.). Деятельность этого иерарха, направленная на укрепление епархии и распространение в Америке православия, подготовила последующий расцвет епархии при его преемнике епископе Тихоне (Белавине). Исследование базируется на использовании малоизвестных документов Св. Синода из Российского государственного исторического архива и российских дипломатических представительств в США из Архива внешней политики Российской империи. Особое внимание уделено восприятию американской действительности глазами образованного православного священника, отражённому в его дневниковых записях, которые до сих пор практически не использовались исследователями, и в путевых заметках епископа о путешествиях по Америке, в том числе – о посещении Всемирной выставки в Чикаго в 1893 г. В статье показано, что в этом восприятии церковно-православная традиция сочеталась с общерусской культурной матрицей. В результате в процессе этой своеобразной межкультурной коммуникации восхищение экономическими и техническими достижениями американской цивилизации соседствовало с острым неприятием материализма, индивидуализма и политических ценностей американизма. Впечатления епископа Николая представляют пример того, как образ Америки в качестве конституирующего «другого», противопоставление «русской идеи» «американской мечте» органично входило в русский менталитет.

Ключевые слова: РПЦ, Алеутская и Аляскинская епархия, епископ Николай (Зиоров), Св. Синод, Всемирная выставка в Чикаго 1893 г.

В истории русской духовной миссии в Америке есть славные имена: неподобный Герман Аляскинский из числа первых русских миссионеров конца XVIII в., «апостол Аляски» Иннокентий (Вениаминов) – глава Аляскинской епархии в 1841–1867 гг., епископ Тихон (Белавин) – будущий Патриарх Московский, возглавлявший Алеутскую и Американскую епархию в период

УДК: 271-9

Поступила в редакцию: 12.01.2021 г.

Принята к публикации: 04.02.2021 г.

её расцвета (1898–1908 гг.). Другие миссионеры менее известны и едва ли не позабыты. Один из них – епископ Аляскинский и Алеутский Николай (Зиоров), возглавлявший самую обширную заграничную епархию РПЦ в 1891–1898 гг. Это был незаурядный церковный и общественный деятель, богослов, педагог и духовный писатель, оставивший после себя заметное литературное наследие. Его дневники и путевые заметки интересны не только картиной состояния епархии, но и наблюдениями за Америкой периода «позолоченного века» со всеми её язвами и достижениями. Образ США того времени отложился во многих впечатлениях российских путешественников, рассмотренных в отечественной литературе (Журавлёва 2012; Куропятник 1981; Павловская 1998). Но в данном случае речь идёт об одном из считанных живых свидетельств российских священнослужителей об американской действительности того времени.

Михаил Захарович Зиоров родился в 1851 г. в Херсонской губернии в семье местного протоиерея. Учился в Златопольской дворянской гимназии, затем – в Одесской духовной семинарии, где обучался «наукам богословским, словесным, историческим, физико-математическим и языкам – греческому, латинскому и французскому»¹. Завершил образование в Московской духовной академии, которую окончил в 1875 г. по историческому отделению со степенью магистра богословия. После этого работал преподавателем, а затем – инспектором в нескольких провинциальных духовных семинариях. В 1887 г. после пострижения в монахи был назначен ректором Могилёвской духовной семинарии, два года спустя возглавил Тифлисскую духовную семинарию, в которую через несколько лет поступит сын сапожника из Гори Виссариона Джугашвили. Осенью 1891 г. архимандрит Николай был отозван в Санкт-Петербург и хиротонисан во епископа Аляскинского и Алеутского. После утверждения на кафедре сорокалетний архиерей, получив полное архиерейское облачение и митру из кабинета Его Императорского Величества, отбыл по месту нового служения².

Заокеанская епархия к тому времени пребывала в плачевном состоянии. После продажи Аляски Соединённым Штатам в 1867 г. работа Русской православной церкви в Америке заметно осложнилась. Перестав быть духовной миссией на окраине Российской империи, епархия оказалась в иностранном государстве, законы и обычаи которого существенно отличались от российских. Если раньше можно было опираться на туземное население и русских поселенцев Аляски, то теперь предстояло бороться за приверженность далёких от православия американских граждан. Большая часть русского населения и священнослужителей покинула Аляску, куда нахлынули протестантские и католические миссионеры, занявшиеся не только обращением в христианство местных жителей-язычников, но и прозелитизмом среди православных. Финансовая поддержка епархии,

¹ Послужной список Преосвященного Николая, Епископа Алеутского и Аляскинского. *Российский государственный исторический архив (далее РГИА)*. Ф. 796. Оп. 178. 1897. Д. 3549. Л. 21.

² Богданова Т.А., Миронович А. Николай (Зиоров) 2018. *Православная энциклопедия*. Том 50. Москва. С. 322–323.

ранее осуществлявшаяся упразднённой Русско-американской кампанией, резко пошла на убыль.

К этим объективным трудностям добавилась и деградация местного православного духовенства, лишившегося своих лучших кадров, которые были заменены либо случайными выходцами из России, либо доморощенными клириками из числа местных креолов – потомков от смешанных браков русских с туземцами. Участились случаи бытового разложения и пьянства, доходившие до самого Св. Синода. Так, в 1884 г. Св. Синод разбирает дело диакона кафедрального собора в Сан-Франциско Василия Кашеварова, «исключённого из духовного звания» Духовным управлением епархии «за нетрезвость и происходящую от сего неисправность по службе». Подавший апелляцию диакон был переведён сначала в Якутскую епархию, а затем во Владивосток, но каждый раз незаконно возвращался в полюбившийся ему Сан-Франциско, где «предавался пьянству и буйству, позорящим русское духовенство». В конце концов Св. Синод лишил его сана и передал «в распоряжение подлежащей светской власти»³. Российский консул в Сан-Франциско в обход епархиального начальства напрямую обращался к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву с просьбами отозвать очередного провинившегося священнослужителя, возлагая часть вины и на епархиальное руководство: «Благодаря слабости епископов..., – писал он, – приходы наши наполнены людьми безо всякого образования и по большей части нетрезвого поведения, и если мы не примем мер к удалению этих лиц, то мы окончательно загубим Православие в Америке»⁴.

После гибели епископа Нестора (фон Засса) в 1882 г. Св. Синод нашёл ему замену лишь в 1888 г., но она оказалась неудачной. Молодой и горячий епископ Владимир (Соколовский-Автономов) не смог наладить отношения с российской диаспорой в Сан-Франциско, где было немало нигилистов, анархистов и других противников православия и самодержавия. С одним из них – Русселем (Судзиловским) – у епископа произошла настоящая вендетта. Руссель публично обвинил еп. Владимира в разнообразных грехах. Тот, со своей стороны, предал нигилиста-народника анафеме за «двуежёнство, клевету и возмущение православных прихожан против епархии». Конфликт попал в газеты, дело дошло до суда и сведения Св. Синода. Оно грозило «окончиться крупным скандалом, в который будут замешаны не только личность Епископа, но и честь и достоинство нашей Церкви», – предупреждало Победоносцева российское консульство в Сан-Франциско⁵ (Emmons 1997). Епископ рассорился и с консульством, которое, на его взгляд, мало помогало ему в затянувшейся тяжбе. В конечном итоге еп. Владимир был отозван с ущербом для репутации русской церкви. В Св. Синоде

³ Указание Св.Правительствующего Синода Аляскинскому Духовному управлению, 9.2.1884. *Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ)*. Ф. 279/1 (Генконсульство в Сан-Франциско). Оп. 1. Д. 297 1884 г. Л. 81-82.

⁴ Там же. Д. 484. 1886-1893 гг. Л. 3-4.

⁵ Там же. Л. 94-95 об.

даже обсуждался вопрос о закрытии Алеутской юрисдикции и присоединении всех американских церквей и приходов к одной из сибирских епархий. Но обер-прокурор Победоносцев и митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) сумели убедить Св. Синод дать многострадальной епархии ещё один шанс, назначив туда нового архипастыря. От него во многом зависела её дальнейшая судьба. Итак, новый архиерей получил тяжёлое наследие.

В этом он наглядно убедился в ходе первой инспекции по православным приходам Аляски летом 1892 г. Проехав за два с половиной месяца двенадцать тысяч верст по морю и суше, владыка Николай послал в Св. Синод подробный отчёт о своих впечатлениях с общим выводом: «Из всего виденного и услышанного мною во время путешествия заключаю, что Аляскинская епархия находится в печальном положении». Духовенство опустилось: «служат очень редко (только по воскресеньям днём, – и то не всегда...)», делают это «небрежно, с пропусками и сокращениями», «вместо церковного дела занимаются посторонними делами»; «школы почти не существуют», «церковное хозяйство ведётся из рук вон плохо», отчётность заброшена. Между тем «инославные миссии год от году умножаются и усиливаются на счёт Православия», а местные власти им потворствуют «в целях поскорее обамериканизировать население Аляски. А наше духовенство сидит сложа руки. «Народ дичает от вашего духовенства», говорят мне американцы в оправдание своих действий. И это ничуть не вымысел: народ действительно в эти двадцать пять лет страшно одичал. Признаками этого служит свобода в блудливых отношениях мужчин и женщин; проституция в самых широких размерах распространилась по островам и на Аляске»; «к церковным обычаям охладели; постов вовсе не соблюдают – не только мирские, но и духовные». «Если оставить дело в таком виде, как оно есть сейчас, – подводил неутешительный итог епископ, – то ... через другие двадцать пять лет от Православия в Алеутской епархии останется только историческое воспоминание»⁶.

Архиерей не обольщался насчёт стоявших перед его миссией трудностей. Массовое обращение прагматичных и своенравных американцев в православие с его строгими правилами представлялось ему непосильным делом в виду межкультурной дистанции: для этого «необходимо, чтобы американцы перевернули вверх дном всю свою культуру, отказались от благ, с которыми они так свыклись и чем они так гордятся... Скорее Америка обратится в католичество, нежели станет Православной, – и это понятно, почему: католицизм способен скорее подчиниться культуре американской, чем Православие». Да и российскому клиру трудно тягаться с католическими и протестантскими священнослужителями: «Бороться нашим миссиям, состоящим из невоспитанного и невысоко просвещённого духовенства, с высокообразованными проповедниками и учи-

⁶ По рапорту Преосвященного Алеутского с донесением о положении Алеутской епархии и о тех мерах, какие оказываются необходимыми для улучшения её состояния. РГИА. Ф. 796. Оп. 173 (1892 г.). Д. 2762. Л. 2-7.

телями католических, епископальных и пресвитерианских миссий – дело более чем трудное»⁷. Тем не менее владыка предложил набор мер по исправлению ситуации: усилить поддержку епархии со стороны российских дипломатических миссий перед правительством США, «сменить всё наличное духовенство Алеутской епархии и заменить его новыми способными силами, с образованием, а главное – с добросовестностью и любовью к своему делу», создать в России миссионерское общество для помощи епархии в учреждении школ, богаделен, приютов и т.п., организовать распространение православной литературы на туземном и английском языках, готовить свои кадры священно-церковнослужителей, для чего посылать наиболее способных учеников местных приходских школ в сибирские и дальневосточные духовные семинарии, а в будущем – создать свою духовную семинарию в Америке. Для большей наглядности еп. Николай приложил к отчёту рапорты аляскинских священников с изложением нужд и забот своих приходов.

В Св. Синоде с пониманием отнеслись к рекомендациям преосвященного Николая, многие из которых постепенно начали воплощаться в жизнь. Так, уже в 1894 г. решением Государственного совета по представлению Св. Синода финансирование епархии было доведено до 74 770 руб. в год, включая ассигнования на школы в Ситке и Уналашке. Были одобрены новые штаты священников и причта, предложенные еп. Николаем, а также рекомендация епископа о создании двух благочиний на Аляске (Ситкинской и Уналашкинской) «в видах надлежащего надзора за поведением клириков»⁸. Административный талант и способности нового епископа по достоинству оценил и обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. «Слава Богу, в первый раз там явился епископ разумный и заботливый, и потому дело оживилось», – писал он Александру III (Акимов 2020: 210). Успешное начало американской миссии еп. Николая в 1893 г. было отмечено орденом Св. Анны первой степени «во внимание к отличному усердному служению»⁹.

Разобравшись с обстановкой на Аляске, владыка Николай на следующий, 1893 год, отправился в большую поездку по континентальной Америке. Он решил не только объездить православные приходы, но и побывать на открытии Всемирной выставки в Чикаго – важнейшем событии того года в жизни страны. Во время путешествия склонный к литературным занятиям епископ вёл подробный дневник, вскоре опубликованный в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» (официальному органу Св. Синода), а затем вышедший и отдельной книжкой (Николай (Зиоров) 1894). Это, наиболее известное, произведение епископа Николая даёт яркое представление не только об американской жиз-

⁷ Там же. Л. 9.

⁸ *Церковные ведомости*. 1894 г. № 11. С. 105-108; РГИА. Ф. 796. Оп. 173 (1892 г.). Д. 2762. Л. 80.

⁹ Послужной список Преосвященного Николая, Епископа Алеутского и Аляскинского. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. 1897. Д. 3549. Л. 30.

ни – предмете его наблюдения, но и о самом её наблюдателе. Помимо всемирной выставки, его влекло желание (как пишет он сам) «ближе ознакомиться и с другим миром, миром инославным – в его чувствах, стремлениях, идеалах...»¹⁰. Эта любознательность, живая восприимчивость, открытость к новым впечатлениям сделали владыку Николая чутким и зорким наблюдателем, подмечавшим самые разные стороны американской действительности.

Поездка заняла почти пять месяцев: сопровождаемый иеромонахом Николаем и поваром, епископ преодолел тысячи миль поездом через пол-страны, побывав, кроме Чикаго, в Филадельфии, Питтсбурге, Нью-Йорке и многих других городах и местностях США. После размеренного пребывания в Сан-Франциско это стало для него настоящим открытием Америки через погружение в бурную стремнину американской действительности. «Жизнь забила ключом, впечатления вторгались такими массаами и в таком иногда хаотическом беспорядке, что порой подавляли собою; жизнь текла как будто в каком-то калейдоскопе, сменяясь ежедневно массой новых впечатлений, интересов, забот, хлопот, стремлений и целей»¹¹. Что же в первую очередь привлекало внимание автора в этом калейдоскопе?

Как и многих других российских путешественников, его удивляли комфорт и технические достижения американцев, их трудолюбие, энергия и практическая сметка. Из Сан-Франциско в Чикаго он ехал четверо суток в знаменитом пультмановском вагоне первого класса (доступном в полцены для священнослужителей всех вероисповеданий), не уставая восхищаться этим «великолепнейшим изделием американской железнодорожной мануфактуры»: «...жёлтое лакированное дерево, на подобие карельской берёзы, светло-коричневый бархат с затканными по нему шёлковыми цветами, бронза, позолота, электрическое освещение, всюду электрические звонки, чтобы звать прислугу, превосходная вентиляция, всевозможные мелочи, придуманные для удобства пассажиров – всё это производило самое приятное впечатление». Даже Солт-Лейк-Сити, столица глубоко чуждой православию мормонской религии, посреди безжизненной степи Юты поражала «громадностью и богатством построек, превосходно возделанными персиковыми и другими плодовыми плантациями». «Надобно удивляться, – писал епископ, – трудолюбию, упорной энергии в борьбе с природой, а ещё больше – победе над природой этих странных людей! Непроходимые пустыни они обратили в цветущие сады, бесплодные солончаки – в прекрасные поля, голые скалы и топкие болота – в место прекрасного города!» Проезжая чернозёмные земли Среднего Запада, он замечал: «Как возделаны поля! Видно, видно по всему, что живёт здесь народ не праздный, а трудолюбивый и умный, любящий свою пашню и свою соху. Отсюда, из этих хлебных штатов, и нам была

¹⁰ Прибавление к *Церковным Ведомостям*. 1894. № 11. С. 349.

¹¹ Там же. С. 356.

послана помощь хлебом во время нашего неурожая»¹². На чикагской выставке он тщетно уговаривал участвовавших в ней российских агрономов поехать в эти места, чтобы на практике поучиться культуре земледелия у американских фермеров: «А как бы много можно было и в самом деле заимствовать и для нашего отечества всем нашим соотечественникам во время поездки сюда, на Колумбийскую выставку!» Чикаго впечатлил епископа своей основательной архитектурой, в которой он увидел отражение «народного духа»: «Янки – здоровый, коренастый, прочный, более практический, нежели идеалистический человек... Но зато какая роскошь и какое качество в деталях отделки домов, какая изумительная чистота и какой порядок во всём домашнем обиходе! В Европе я этого не замечал...».

В то же время Николай понимал, какой ценой построена американская цивилизация, покорившая весь громадный континент. В мормонских степях он испытывал «жалость при виде их [индейцев – *Авт.*] убожества, их грязи, их лохмотьев, их злокачественных язв и струпуев... Неужели это потомки тех бесстрашных и страшных героев, описанием которых полны книжки Майн Рида и Купера? – Да, это они, и не их, конечно, вина, что они таковы... Это американская цивилизация сделала из них таких жалких людей, это она загнала их в эти пустыни и лишила всего того, чем они владели и что делало их героями!»¹³

Не укрылись от епископа и другие социальные язвы американского общества, прежде всего – обострение рабочего вопроса в условиях поразившего страну экономического кризиса 1893–1894 гг. По улицам Чикаго маршировали многотысячные колонны безработных под красными и чёрными (анархистскими) знамёнами и с палками в руках: «Достаточно было взглянуть на эту массу людей и прислушаться к их говору, чтобы почувствовать, что перед вами стоит сила – и сила грозная, с которою должно, так или иначе, считаться современное общество». Похоже, размышлял епископ, что «к великой заатлантической республике приближаются времена римской республики, времена братьев Гракхов, Мария и Суллы, когда в римском обществе, вследствие неравномерного распределения богатств, образовались только два класса общества – оптиматов и пролетариев, и тогда последние, недовольные первыми, производили ужасные потрясения в государстве. Признаки социального разложения уже наметились и – довольно сильно». Одну из причин этого он видел в «неограниченном приёме эмигрантов, который снизил нравственный уровень страны – «рассиропилось», по удачному выражению, старинное пуританское население социалистическим и анархистским элементом». Владыке Николаю явно более по душе «коренные янки – строгие пуритане и пресвитериане с почтенными традици-

¹² *Прибавление к Церковным Ведомостям*. 1894. № 11. С. 351-353. Имеется в виду масштабная кампания помощи России во время голода 1892 г., организованная благотворительными и религиозными обществами США. См. подробнее (Журавлева 2012).

¹³ Там же. С. 356, 352.

ями прошлого», тип, «который создал величие Соединённых Штатов». Но эта соль земли американской сохраняется преимущественно в глубинке, отступая под натиском чужеродных пришельцев («с характером космополитическим и со сравнительно большею лёгкостью во нравах»), заполонивших большие города и западные штаты¹⁴.

Действительно, на рубеже XIX–XX вв. Соединённые Штаты накрыла гигантская волна эмиграции из Восточной и Южной Европы, пополнявшая ряды неквалифицированного рабочего класса, в котором остро нуждалась быстро растущая американская промышленность. Среди них было немало социалистов и анархистов, в том числе из России. Эта волна несла с собой и новых православных выходцев из Австро-Венгрии – карпаторосов, русинов, буковинцев, румын. По церковной принадлежности они были униатами, и оседали в основном в горнодобывающих районах Среднего Запада. Отвергнутые католической иерархией США, они стали тянуться к Русской православной церкви, которая принимала их в своё лоно. В начале 1890-х гг. они начали целыми приходами переходить в православие, став основным пополнением православной Америки (Печатнов 2017: 141; Акимов, Минкова 2018). Одна из целей поездки епископа Николая как раз и состояла в том, чтобы вникнуть в этот процесс и дать ему направление. Ради этого он посетил штат Пенсильвания, где было особенно много униатов, и лично обращал их в православие. «Что сказать теперь обо всём этом униатском движении? – размышлял он в своём дневнике после близкого с ним знакомства. – Конечно, трудно сказать совершенно определённо о будущем; но настоящее пока убеждает, что можно надеяться на благие плоды в будущем, если только прибудет из России контингент людей вполне надёжных, то есть первее всего искренно верующих, во-вторых, готовых не ради прогонов и жалованья ехать сюда, а ради спасения своего и ближних своих, и, наконец, если люди эти будут всегда снисходительно смотреть на некоторые недостатки в быту и нравах сих братьев наших»¹⁵.

Пастырский визит еп. Николая в Пенсильванию был прерван срочной телеграммой вице-адмирала Н.И. Казнакова – командующего русской военной эскадрой, прибывшей в США по случаю 400-летия открытия Нового Света. Адмирал просил епископа прибыть в Филадельфию для посещения русских моряков перед переходом в Нью-Йорк. Владыка с готовностью согласился повидать и благословить дорогих соотечественников. Его ожидания полностью оправдались – моряки, начиная с самого адмирала и кончая матросами, встретили священника очень радушно и гостеприимно. Среди встречавших офицеров флагманского корабля, броненосного фрегата «Дмитрий Донской», выделялся

¹⁴ Прибавление к Церковным Ведомостям. 1894. № 14. С. 449; там же. № 15. С. 492-494.

¹⁵ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. № 14. С. 455-456. Подробнее о деятельности Николая по обращению униатов см. [Акимов 2020: 210-212].

своим ростом и породой Великий князь Александр Михайлович – двоюродный дядя и близкий друг наследника престола, посвятивший жизнь морской службе и служивший на корабле простым лейтенантом. «Его высокая и стройная фигура, его мягкий взор и точно улыбающиеся глаза, его сходство с Государем, – записал в дневнике владыка Николай, – всё это невольно приковывало к нему внимание и заставляло желать скорее выйти из катера и взойти туда, где стоял он – Сродник Царёв... Великий князь встретил меня повоенному, – под козырёк; точно так же другие офицеры, расставленные невдалеке один от другого». Еп. Николай произнёс прочувствованную проповедь перед выстроившимся на палубе экипажем, напомнив о важности сохранения самодержавия и православия – «этих духовных начал», без которых Россия «может стать таким же игралищем страстей, борьбы партий и личных, эгоистических стремлений, какими страдают современные европейские государства, и которым не чужда и та страна, праздновать 400-летний юбилей которой приехали, между прочим, и вы»¹⁶. После торжественного молебна и трапезы в адмиральской каюте «Донского» Владыка с большим радушием и почтением был встречен и на корвете «Рында». Из Филадельфии вернулся «как будто обновлённый и духом и телом», – записал Николай в дневнике¹⁷. Русские корабли по прибытии в Нью-Йорк оказались в центре внимания американской публики. На «Дмитрии Донском» был дан приём с участием президента США Г. Кливленда и российского посланника в Вашингтоне князя Г.Л. Кантакузена. Русские военные моряки отличились и на праздничном параде иностранных экипажей: «Наши прошли молодцами, – общал в Санкт-Петербург Кантакузен, – и чрезвычайно поразили здешних жителей стройностью маршировки, большим ростом и бодрым и здоровым видом матросов»¹⁸.

И вот, наконец, Чикаго, который епископ проезжал год назад на пути из России и видел территорию будущей выставки – болота, «пустырь, поросший бурьяном». Теперь он не верил своим глазам: «... на бывшем пустыре открывалась великолепнейшая панорама как будто из «Тысячи и одной ночи»: дворцы, башни, статуи, портики, храмы, парки, цветники, гондолы, десятки тысяч людей всяких возрастов, званий, состояний, племён и народностей, снующих взад и вперёд, – груды золота, серебра, камней и всякого рода драгоценностей... Казалось, какой-то волшебный гений снёс со всего мира всё лучшее сюда – всё, над чем трудился человек в течение всего своего исторического существования, над чем думал, ломал голову, волновался, мучился – всё, всё, что только может свидетельствовать, что он есть существо не самослучайное, не просто машина, а действительная разумная и свободная сила! Всё здесь было: от величайших произведений величайших гениев мира до самого незатейливого произведения

¹⁶ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. №12. С. 388, 390.

¹⁷ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. №13. С. 393.

¹⁸ Г.Л. Кантакузен – Н.П. Шишкину, 24апреля/6 мая 1893 г. АВГРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 101. Л. 41 об.

дикаря. “Дивны дела твои, Господи”, думалось не раз мне при созерцании всего этого»¹⁹.

Описание не было преувеличением чрезмерно впечатлительного человека. Чикагская выставка поражала современников своим масштабом и величием (Журавлева 2012; Соколов 1984). Российский посланник К.В. Струве, представлявший Императорское правительство на освящении зданий будущей выставки осенью 1892 г., писал товарищу министра иностранных дел Н.П. Шишкину о предстоящей выставке как о «величайшем архитектурно-инженерном и промышленном предприятии XIX столетия». Он сожалел только о том, что из «великих государств самая великая держава, наше отечество, не имеет ещё своего павильона. Обаяние России и особенно дружественное её отношение к Соединённым Штатам могли бы, казалось бы, оправдать не столь большой расход (каких-нибудь 70–100 тыс. рублей) на постройку отдельного павильона в изящном русском стиле»²⁰. Своего павильона на выставке Россия так и не построила, но российские экспозиции в отраслевых павильонах произвели сильное впечатление своей самобытностью и художественными достоинствами.

Выставка открылась 1 мая при огромном (около 200 тыс. чел.) стечении народа. После нескольких ораторов слово взял президент Кливленд: «Замечательно громким и внятным голосом произнёс он своё приветствие, прерываемый постоянно шумными возгласами толпы, – описывал в своём отчёте посланник Кантакузен. – По окончании речи президент надавил электрическую пуговку и в одну секунду задвигались машины, заиграли фонтаны, взвились флаги и раздались пушечные салюты – оркестр играл национальный гимн – всемирная выставка в Чикаго была открыта»²¹. Очевидцев поразило, как поворот крохотного рубильника разом привёл в движение множество машин и механизмов.

Выставка была задумана её организаторами как заявка Америки на своё научно-технологическое лидерство и демонстрация достижений всей человеческой цивилизации. «Мы надеемся, – говорил на церемонии открытия генеральный директор Дэвис, – что эта великая экспозиция откроет новую эру морального и материального прогресса»²². Епископ неоднократно посещал выставку и всё не мог её обойти, дивясь разнообразным техническим новинкам. Особенно понравился ему фонограф – «чудное изобретение Эдисона»: «Теперь, значит, дивные произведения вокального и инструментального искусства застрахованы от смерти и забвения, – размышлял священнослужитель, – человечество может слушать теперь пение какого-либо великого маэстро и через сто лет – так же, как и год тому назад! Это изобретение, по-моему, вполне достойно

¹⁹ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. № 11. С. 357.

²⁰ К.В. Струве – Н.П. Шишкину, 16/28 октября 1892 г. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1892 г. Д. 94. Л. 61.

²¹ Г.Л. Кантакузен – Н.П. Шишкину, 24 апреля/6 мая 1893 г. АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 101. Л. 43.

²² Starting the Machinery. *New York Tribune*, May 2, 1893.

человека и не менее велико, чем изобретение Гуттенберга!». Он не переставал удивляться «прогрессу этой страны, изобретательности её обитателей, чудесам в области прикладных знаний, особенно в приложении электричества и магнетизма: казалось, что ничто не было забыто современным человеком, ничто не обойдено, из чего только можно извлечь пользу для человека, в чём можно получить сравнительно более удобств в жизни, что может избавить от страданий, облегчить труд, сделать жизнь приятною на земле». Но достаточно ли это для человека? Станет ли он лучше и счастливее в этой комфортной и лёгкой жизни? Русского священника смущало «отсутствие духовного элемента»: «всем выставленным здесь человек как будто хотел показать, что завладев землёй и её благами, он более ни о чём и думать не хочет!» Ибо сказано в Евангелии: «какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» Тем более что технический прогресс идёт вперед и в «искусстве истребления друг друга», наблюдал он в германском павильоне: «Какая, в самом деле, злая ирония: самая изысканная обстановка жизни на основании последних данных наук и искусств, и чудовищная пушка Круппа, пробивающая чуть ли не десятивершковую никелевую броню, расплющивая её точно тесто какое!»²³.

На этом фоне российские экспозиции грели душу епископа своей самобитностью и человечностью: «О нашем отделе могу сказать не только по своим впечатлениям, но и по отзывам иностранной прессы, что он первенствовал во многом, если не во всём, что одних удивило, а других до крайности сконфузило, особенно тех наших соотечественников, которые везде и всюду трубят за границей о нашем невежестве, варварстве и дикости!»²⁴. Под статью экспозиции (включавшей шедевры И.К. Айвазовского, В.В. Верещагина, И.Е. Репина, К.Е. Маковского) были и российские представители на выставке: потомок декабристов князь С.М. Волконский – прекрасно образованный утончённый аристократ (будущий директор Императорских театров), читавший лекции по вопросам образования, религии и философии, княжна М.А. Шаховская – уполномоченная Русского женского отдела на выставке, которая выступала на открытии Женского здания выставки от имени русских женщин. «Княжна сказала речь по-английски и имела большой успех, гораздо больший, нежели леди Абердин, представительница английских женщин», – с похвалой отозвался в своём отчёте посланник Кантакузен²⁵. «Ко мне все без исключения относились с вниманием, почтением и предупредительностью, – заметил в своих записках архiereй, – церковь посещали усердно, а иные даже обращались за особым религиозным утешением». Устроители конференции пожертвовали епархии красивый вестибюль с башней в виде колокольни, украшавший русский мануфактурный отдел. Владыка отслужил несколько молебнов для российских участников, в ко-

²³ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. № 13. С. 423.

²⁴ Там же. С. 426.

²⁵ Г.Л. Кантакузен – Н.П. Шишкину, 24 апреля. 6 мая 1893 г. *ВПРИ*. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1893 г. Д. 101. Л. 43 об.

торых отозвался и на недавние грозные демонстрации чикагских рабочих: «Думаете ли, что эта толпа, сдерживаемая пока если не страхом Божиим, то всё же страхом человеческим, – что эта толпа не ринулась бы туда, где собраны были сокровища со всего мира, что она не произвела бы того, от чего при одном представлении в самый жаркий день готовы застынуть кровь и подняться волосы на голове? А ведь опыт мог быть сделан, – и опыт ужасный!»²⁶. Владыка словно предчувствовал печальный конец роскошной выставки, которая вскоре после своего закрытия сгорела дотла; по некоторым свидетельствам, её подожгли те самые безработные бедняки. Но ещё прежде торжественное закрытие выставки было омрачено убийством мэра Чикаго Ч. Гаррисона, совершённым обиженным чиновником. Город погрузился в траур. «Начатое с большими надеждами закончилось печалью», – писали американские газеты²⁷.

Покидая всемирную выставку, Николай обратился в проповеди к собравшимся соотечественникам с прощальным призывом, противопоставив американскую сумятицу благословенной тишине российской жизни. «Благодарение Богу, – в нашем отечестве ещё не иссяк страх Божий и не исчезло уважение к верховной власти, и наше отечество ещё далеко от подобных опасностей. Но “бережёного и Бог бережёт”, гласит народная мудрость. А посему, особенно в нынешнее время, время всеобщего брожения и шатания умов нам, людям интеллигентным, так называемой соли земли, надобно стоять бодро на страже своего отечества и всячески охранять как себя, так и других, от этих тлетворных веяний с Запада, ибо если соль обуюет, то тогда чем же всё прочее осолится?»²⁸. Пройдёт каких-нибудь двенадцать лет и те самые потрясения, о которых предостерегал архиерей, настигнут Россию, а Америка выйдет из своих рабочих волнений с помощью социальных реформ «прогрессивной эры».

По возвращении в Сан-Франциско епископ начал подготовку к празднованию 100-летия православия в Америке, история которого началась с высадки на Аляске первой группы валаамских монахов во главе с архимандритом Иоасафом в 1794 г. Так «впервые воссиял луч Православия в пределах Северной Америки среди малоизвестного тогда племени алеутов», – вдохновенно живописал архиерей в обращении к Св. Синоду. И поныне, несмотря на происки инославных миссий, продолжал он, «свет Православия ещё не совсем угас, и есть как отдельные личности, так и целые общины, крепко держащиеся православного учения и дорожащие связью с православною русскою церковью. Следовало бы всячески поддержать это святое дело, на которое было положено столько трудов и даже крови русских людей». Епископ предложил широкую программу торжеств: праздничные литургии, панихиды по почившим иерархам, украшение

²⁶ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. № 15. С. 498-499.

²⁷ Close of the Fair. 1893. *New York Tribune*, October 31.

²⁸ Прибавления к Церковным Ведомостям. 1894. № 15. С. 499.

церквей, крестные ходы, распространение брошюры «Жизнь валаамского монаха Германа, американского миссионера». Не забыл он и о нуждах своей епархии: «Для поднятия Православия в Алеутской епархии хорошо бы приурочить к этому дню какие-нибудь особенные милости со стороны Вашего Святейшества приходам Алеутской епархии как напр. присылкою икон с благословенными грамотами, присылкою книг и учебных пособий в школы, награждением духовных лиц, церковных старост и почётных прихожан какими-либо наградами и проч., о чём, если последует соизволение Вашего Святейшества, может быть представлен отсюда список». Кроме того, празднование давало возможность поправить материальное положение епархии: «...Было бы полезно ко дню юбилея сделать обнаружение в Церковных ведомостях об этом событии в надежде, что это вызовет многих ревнителей Православия на принесение пожертвований на нужды православной миссии в Америке»²⁹.

Св. Синод быстро одобрил инициативу архиерея, признав «предложенное Преосвященным Алеутским торжественное празднование столетия Православия в С. Америке благовременным и желательным, а порядок совершения оного целесообразным». Порядок празднования был заранее опубликован в официальном органе Св. Синода³⁰. Там же содержался и тщательно составленный призыв к пожертвованиям в пользу Алеутской епархии с подробным описанием её значения и современного положения. В этом документе, написанном на основе рапортов еп. Николая, акцентировались большие возможности для распространения православия на американской почве. Они усматривались в конфессиональном плюрализме и повышенной религиозности американского общества: «Северная Америка есть страна всех народностей и вероисповеданий. Последние сталкиваются там между собою более или менее отрешённо от исторических национальных преданий Старого Света, которые не могут быть там так жизненны, как на родной почве, полной памятников минувшей кровавой борьбы, и там именно вносят в дело религии страстность, исключаящую возможность не только примирения, но и взаимного понимания между последователями разных исповеданий. К этому следует прибавить, что нигде в мире все классы народа, до самых образованных включительно, не проникнуты таким живым и глубоким интересом к религии, как в Северо-Американских Штатах». Дополнительную надежду на укоренение православия в Новом Свете, отмечалось в обращении со ссылкой на опубликованные в «Церковных ведомостях» дневники владыки Николая, даёт массовый прилив униатов, создающих православные приходы по всей стране: «...С утверждением названных приходов в восточных штатах, наша Церковь впервые твёрдою ногою оперлась собственно на американскую почву, стала лицом к лицу с епископальной церковью и дру-

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. 1893 г. Д. 3101. Л. 1-7.

³⁰ Там же. Л. 8-9; *Прибавления к Церковным ведомостям*, 1894 год. №25. С. 843-844.

гими церковными общинами Америки и отныне может свидетельствовать пред ними о себе учением, богослужением, обрядами, жизнью».

С другой стороны, Св. Синод обращал внимание на трудности епархии, связанные со скудностью её материальных ресурсов на фоне быстро растущих потребностей и инославного прозелитизма. Приведя предоставленные еп. Николаем конкретные примеры недостроенных храмов и острой нехватки церковного имущества, авторы документа делали вывод о том, что «Алеутская епархия переживает в настоящее время период приобретения и духовного устроения новой паствы – период сколько важный для будущего епархии, столько же и трудный, так как требуется непомерное напряжение сил, а вместе с тем и значительные материальные средства, чтобы если не руководить униатским движением, то, по крайней мере, не упустить вытекающих из него благоприятных для православия следствий». От этого зависит и «самое достоинство православной русской Церкви, в которой наша алеутская, или вернее американская, епископия относится как её часть, как её представительница и свидетельница в Новом Свете»³¹. Призыв Св. Синода возымел действие: в адрес епархии поступило немало пожертвований деньгами и церковным имуществом со всей России³².

Юбилейные торжества открылись 25 сентября 1894 г. – в день рождения преп. Сергия – и прошли с большим размахом. Следующая, 200-летняя годовщина начала православия в Америке была торжественно отмечена в 1993–1994 гг. с участием Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

Осенью 1894 г. еп. Николай по вызову посланника Кантакузена совершил поездку в Вашингтон для «совершения заупокойной литургии, панихиды и приведения членов посольства к присяге» в связи с кончиной императора Александра III. 26 октября он отслужил всенощное бдение и привёл к присяге сотрудников посольства, которые поклялись «верно и нелицемерно служить и во всём повиноваться» новому российскому самодержцу Николаю II. Архиерей также провёл заупокойную литургию и панихиду в присутствии президента Г. Кливленда, членов его кабинета и дипломатического корпуса. На следующий день епископ был принят в Белом доме. «Приём президента и членов кабинета был чрезвычайно любезный, – сообщил епископ в Санкт-Петербург. – Наше богослужение, по словам президента, произвело на него потрясающее впечатление». Архиерей не упустил случая заговорить о защите епархии от притеснений местных властей, и «все министры обещали мне содействие в делах аляскинских»³³. На обратном пути епископ остановился в Нью-Йорке, чтобы привести

³¹ О пожертвованиях на нужды православных церквей в Северной Америке. *Прибавление к Церковным ведомостям*. 1894. №30. С. 1013-1016.

³² По рапорту Преосвященного Алеутского о пожертвовании разными лицами на нужды миссий и церквей Алеутской епархии денег и вещей. *РГИА*. Ф. 796. Оп. 175. 1894 г. Д. 3073. Л. 1-2.

³³ *Прибавление к Церковным ведомостям*. 1894. №47. С. 1706.

к присяге сотрудников генерального консульства и освятить новый домовый храм в честь святителя Николая. Он не раз поднимал вопрос о строительстве большого собора в Нью-Йорке, но ввиду нехватки средств Свято-Николаевский кафедральный собор был построен и открыт в Нью-Йорке только в 1902 г. при преемнике Николая, преосвященном Тихоне.

Предметом особого попечения епископа как опытного и увлечённого педагога были церковные школы, необходимые и для общего православного образования, и для подготовки будущих священнослужителей. Помимо двух школ на Ситке и Уналашке он организовал школу с приютом для подготовки миссионеров в Миннеаполисе, которая торжественно открылась в 1897 г. и стала любимым детищем епископа. Постепенно школы появились почти во всех приходах епархии. «У меня в Америке, – вспоминал он впоследствии, – были школы эскимосские, алеутские, индианские; были в школах арабчата, греки, сербы; одинаково за два года дети изучали не только русский, но и английский язык, а на Аляске и местные алеутские и эскимосские наречия»³⁴.

После трёх напряжённых лет пребывания на своём посту Николай задумался о возвращении домой, как ему и было обещано при назначении. В марте 1895 г. он написал прошение в Св. Синод с просьбой освободить его по истечению назначенного срока и по состоянию здоровья: «Постоянная тревога, волнение, опасения, чтобы чего не случилось – особенно в первый год служения в здешних местах, а также многотрудные путешествия по океанам и морям с бурями, качками и другими сложностями, так разрушили моё здоровье, что я с трудом просуществовал прошлую зиму». Жалуясь на «хроническую болезнь почек» и «спазматические боли в почках и пояснице», приводя советы американских врачей сменить климат и прекратить морские путешествия по Аляске, архиерей писал, что не может оставить Аляску «без личного надзора» и предпочитает вовсе оставить служение, «нежели совершать его кое-как». Посему он покорнейше просил «оказать мне своё великодушие и уволить меня от управления Алеутской епархией и предоставить место соответственно моему положению и здоровью, – в пределах Европейской России». В заключение епископ предлагал кандидатуры своих возможных преемников³⁵.

Св. Синод рассмотрел прошение епископа, но с учётом его успехов и отсутствия подходящих охотников на алеутскую кафедру постановил: «Принимая во внимание болезненное состояние Преосвященного Николая и вместе с тем признавая весьма желательным иметь от него объяснение по делам Алеутской епархии», уволить его в отпуск в Россию на шесть месяцев³⁶. По пути в Россию Николай посетил Берлин, а на обратном пути – Лондон, где на заседании Анг-

³⁴ Богданова Т.А., Миронович А. Николай (Зиоров) 2018. *Православная энциклопедия*. Том 50. Москва. С. 324.

³⁵ Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду, 13/25 марта 1895 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 176. 1895 г. Д. 3438. Л. 4-6.

³⁶ Там же. Л. 3.

ло-русского литературного общества (Почётным членом которого был избран) предложил создать общество англиканских и православных богословов с целью сближения обеих Церквей.

Вернувшись после отпуска в США, епископ приступил к реализации ещё одного своего замысла – создать периодический печатный орган для своей епархии наподобие того, что имелись уже в ряде российских епархий. «С развитием миссионерского дела в Америке, особенно – между униатами, – писал он в Св. Синод в сентябре 1895 г., – имеется настоятельная потребность в введении печатного органа для епархии, через который, с одной стороны, можно было бы влиять в духе православия на вновь присоединённых, а с другой – отражать нападки враждебных православию униатов-католиков». Епископ предлагал выпускать это издание объёмом два-три печатных листа два раза в месяц на русском языке («с параллельным, если потребуется, английским текстом»), а за его основу взять программу «Духовного Вестника Санкт-Петербургской епархии». Для издания под названием «Американский православный вестник» испрашивалось несколько пудов русского шрифта из типографии Св. Синода и ежегодная дотация в размере 2 тыс. рублей золотом; редактором владыка Николай предлагал назначить о. Алексия Товта, впоследствии прославленного в лике святых. О. Алексей ещё в конце 1880-х гг. возглавил массовый переход униатов в православие и был возведён епископом в сан протоиерея. Обер-прокурор Победоносцев полностью поддержал инициативу архиерея и вышел с соответствующим предложением в Св. Синод, который 20 сентября 1895 г. признал ходатайство еп. Николая «заслуживающим полного уважения» и постановил его исполнить. При этом Преосвященному предусмотрительно поручалось «донести Св. Синоду об успехах сего издания по истечению трёх лет со времени выпуска его в свет»³⁷. Издание, печатавшееся с осени 1896 г. в епархиальной типографии в Нью-Йорке, имело такой успех, что продолжалось с перерывами до 1973 г. и сыграло большую роль в распространении православия в Америке³⁸. На страницах «Американского православного вестника» публиковались статьи по догматике и богословию, содержался богатый материал по истории и состоянию православия в Америке.

Следующий, 1896 год, прошёл в обычных хлопотах и объездах епархии, за исключением Аляски, куда епископ не смог поехать из-за недомогания и отсутствия попутного русского военного судна, как объяснял он в годовом отчёте. В этом отчёте подводился итог всех пяти лет работы архиерея в Америке. «Состояние епархии можно назвать в целом удовлетворительным, – докладывал Николай. – ... Число членов Православной Церкви постоянно увеличивалось

³⁷ По представлению Преосвященного Алеутского с ходатайством о разрешении издавать в епархии журнал под названием «Американский православный вестник». *РГИА*. Ф. 796. Оп. 176. 1895 г. Д. 3524. Л. 3-9.

³⁸ *Православная энциклопедия*. 2001. Москва. Т. 2. С. 163.

приращением новых членов – через обращение из унии, папизма и язычества. Сознание прежде обращённых в Православие всё более и более просветлялось учением Церкви и освящением святыми таинствами». Называлась и главная тому причина: «Замена прежнего, расшатанного в вере и нравственности, запутавшегося в интригах и всякой лжи духовенства новым, прибывшим из России, имела благотворное влияние на умственно-нравственное состояние епархии». В разделе «Духовенство» епископ остановился на проблеме кадров более подробно: «В последние пять лет духовенство Алеутской епархии, за исключением двух-трёх человек, почти всё заменено новыми лицами, и преимущественно из лиц Российского духовенства»³⁹. Как подтверждается анализом приложенных к отчёту послужных списков епархиальных священников и причта⁴⁰, владыке Николаю действительно удалось радикально обновить личный состав своих подопечных. Многих вновь прибывших он знал лично по совместной учёбе и работе в российских семинариях. Среди священнослужителей «николаевского призыва» были сербы, русины, греки и грузины. Епископ обладал чутьём на таланты, и не случайно среди призванных им оказались такие выдающиеся впоследствии деятели православия в Америке и России, как прославленный проповедник и сподвижник патриарха Тихона, погибший в застенках НКВД священномученик Александр Хотовицкий и Фёдор Пашковский – будущий митрополит всея Америки и Канады Феофил. Оба начинали в епархии простыми псаломщиками.

«Поголовное изгнание прежнего духовенства» (по выражению самого еп. Николая) было непростым делом и создало ему немало врагов, которые мстили епископу интригами и доносами. Словно отвечая на них, архиерей писал в отчёте: «Не всякий врач, конечно, взялся бы за такую операцию, но взявшись за неё ради блага ближних, должен заслужить одобрение и ободрение, а не порицание и оскорбление!»⁴¹.

Однако очищение рядов не решило всех проблем с кадрами. Многие приезжие священники «не приживаются здесь, частью – вследствие естественной тоски по родине, а частью – вследствие новых условий жизни общественной, совершенно не соответствующей вкусам и привычкам русского духовенства», – констатировал епископ. Поэтому он предлагал опираться на подготовку местных священнослужителей путём увеличения отправки наиболее способных учеников местных церковно-приходских школ на доучивание по стипендии в российские духовные семинарии: мальчиков из униатских приходов – в заведения на юге страны, а жителей Аляски – в северные семинарии⁴².

³⁹ Отчёт о состоянии Алеутской епархии за 1896 год. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. 1896 г. Д. 3549. Л. 3-6.

⁴⁰ Клировая ведомость Алеутской епархии, составленная в 1896 г. Там же. Л. 41-161.

⁴¹ Отчёт о состоянии Алеутской епархии за 1896 год. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. 1896 г. Д. 3549. Л. 6.

⁴² Там же. Л. 10-11.

Больших усилий потребовало и наведение порядка с финансовой и прочей отчётностью, запущенной предшественниками владыки Николая и вновь обращёнными священниками-униатами. Приходилось бороться с «привычкой распорядиться бесконтрольно церковными суммами», «делать займы без ведома епархальной власти», хранить церковные средства на сомнительных счетах. Всё это – при скудности финансирования епархии, всё более не соответствовавшего её растущим нуждам. «В последние два года поток пожертвований совершенно иссяк, собственных средств для приобретения недостаточно, а Московское миссионерское общество на помощь не приходит. Остаётся только одно упование – помощь от Св. Синода». Для помощи епархии архиерей предлагал, чтобы состоятельные российские монастыри поделились с ней избытком своего церковного имущества. Он также просил рассмотреть вопрос о финансировании создания православного монастыря в Америке.

Серьёзной проблемой православия в Америке оставалась вражда со стороны инославных конфессий, которым покровительствовали американские власти. Если с епископальной церковью поддерживались «мирные отношения», то епархия была «вынуждена вести борьбу с католическим и униатским духовенством, а на Аляске – с пресвитерианскими, методистскими и баптистскими миссионерами, которые, как говорится, среди белого дня вторгались в православные приходы и похищали детей у православных родителей в свои приюты для перевоспитания их там в духе сектантства и вражды к Православной церкви». Тому были и сугубо меркантильные причины – субсидии на содержание детей в приютах, которые оседают в карманах миссионеров. Власти Аляски, особенно генеральный агент Шелдон Джексон, поощряли этот прозелитизм через назначение в общественные школы учителей-пасторов и субсидирование только инославных конфессий. «Несмотря на то, что федеральное правительство уже три года тому назад изъявило своё согласие на выдачу субсидий и нашим школам, коль скоро в них будет идти преподавание на английском языке, Джексон и доселе ничего не сделал для нас в этом роде, уклоняясь даже и от встречи со мною»⁴³. Обращения руководства епархии за помощью к федеральным властям и российскому посольству не изменили эту ситуацию.

Особый интерес представляют наблюдения архиерея в отношении своей разноплеменной паствы – «весьма разнообразной по своему национальному составу: кроме чисто русских и русских креолов (в Аляске) в неё входят алеуты, колоши, эскимосы, нанайцы, греки, арабы, сербы, черногорцы, болгаре, румыны, словаки, русины (галичане и угророссы), американцы, китайцы (человек пять), японцы (два) и испанцы (два)». Все они отличаются друг от друга не только этнически. «Состояние благочестия в алеутской пастве не везде одинаково: в иных местах религиозное чувство живо и действенно, в других едва-едва обна-

⁴³ Там же. Л. 16.

руживается. Особенною религиозностью и благочестием отличаются алеуты и вновь воссоединённые русины, самую же меньшую степень в этом отношении заявляют себя русские и славяне. Надобно удивляться, – сокрушался архиерей, – как и наши соотечественники, и наши «братья-славяне» очень скоро обезличиваются здесь и в национальном, и в религиозном отношении; во втором поколении трудно уже бывает узнать в них русских и славян. Даже и духовенство как-то особенно скоро отрешается от русских привычек и русских вкусов, переходя на какой-то космополитанский лад». Те же различия просматриваются и в благотворительности: «Охотнее других и усерднее жертвуют на церковь и другие благотворительные дела алеуты, русины и арабы, меньше всего – сербы и наши соотечественники. Сербы ухитряются даже и за свечи в церкви не платить во время погребения и других треб, ссылаясь на то, что «русский царь устроил им церковь и дал духовенство, а потому ни церковь, ни духовенство не имеют права требовать от них ничего, ибо они «сиромахи» (бродячие монахи-отшельники – *Авт.*)»⁴⁴. Оставаясь истинно русским человеком, еп. Николай был чужд национальной спеси. Выросший и работавший в краях с пёстрым этническим составом, он всегда поддерживал в своей пастве этно-конфессиональный мир и межнациональное согласие (Калиновский 2019).

В целом же, заключал автор отчёта, «по милости Божией и при содействии Святейшего Синода положение Алеутской епархии в истекшее пятилетие стало несравненно лучше, чем это было прежде. Число приходов и миссий более чем удвоилось, средства к обеспечению их найдены и упрочены, для закрепления просвещения – три школы с приютами, семь мальчиков учатся в российских духовных учебных заведениях для того, чтобы быть пастырями Алеутской епархии, долги, оставшиеся от прежнего управления, уплачены..., есть и сбережения на будущее, хотя в течение полутора лет пришлось содержать без всяких пособий несколько миссий и приходов в Соединённых Штатах – вообще, дело упрочилось и окрепло»⁴⁵.

Действительно, к 1896 г. епархия насчитывала от 25 до 50 тысяч православных прихожан всех национальностей, 25 приходов и миссий, более 70 часовен, два миссионерских училища с приютами и три благочиния (Ситкинское, Уланашкинское и Нью-Йоркское), были созданы первые приходские братства и общества трезвости. Службы велись большей частью на славянском, а также на английском и на других языках⁴⁶.

Владыка Николай вновь просил Св. Синод освободить его от управления епархией по состоянию здоровья и предоставить место в России. К отчёту прибавлялись многочисленные приложения: рапорты и финансовые отчёты на-

⁴⁴ Там же. Л. 12-14.

⁴⁵ Там же. Л. 18.

⁴⁶ Несколько сведений об епархии. 1896. *Американский православный вестник*. № 1. С.12-13.

стоятелей, послужные списки настоятелей и причта, отчёты о работе церковно-приходских школ с планами учебных занятий и ведомостями успеваемости, уставы общин и братств. Св. Синод рассмотрел всю эту документацию и вынес решение: «признавая служение Преосвященного Николая в Алеутской епархии благоуспешным, перемещение же его в другую епархию в настоящее время нежелательным, ходатайство его о сём ныне отклонить»⁴⁷.

В 1897 г. после своей последней трёхмесячной поездки по Аляске епископ предпринял очередную попытку повлиять на политику американских властей в этом краю. Предыдущие контакты в Вашингтоне (в том числе и с президентом Кливлендом), как сообщал он в Св. Синод осенью 1897 г., не дали реальных результатов: «Дело ограничивалось только любезностями и обещаниями – и больше ничего!»⁴⁸. С приходом в Белый дом нового президента У. МакКинли архиерей решил вновь попытаться счастья. В конце сентября он послал в Белый дом прошение на имя президента с изложением сути своего ходатайства – настоящий крик души православного пастыря. Перечислив благие дела русской духовной миссии на Аляске и заверив в полной её лояльности правительству США, архиерей восклицал: «Но почему же, простите за смелость, нас не любят американцы, почему к нам относятся не благоволиительно представители власти?! Зачем наших духовных чад отнимают у нас и стараются перевоспитать их в духе сект американских? ... Нас обвиняют в каких-то суевериях и невежестве, будто бы распространяемых среди населения, нас считают даже хуже мормонов, а между тем не хотят исследовать наше учение, вникнуть в нашу проповедь». В доказательство достоинств православия епископ приложил целую библиотечку духовных книг в английском переводе (православный Катехизис, служебник, требник, часослов, «Моя жизнь во Христе» прот. Иоанна Сергиева (Кронштадского) и другие). «Вникните в сущность нашей веры, нашего учения, – обращался он к президенту, – и судите сами, достойны ли мы порицания, а тем более – преследования?!»⁴⁹.

Ещё через месяц, дав президенту возможность вникнуть в сущность православия, Николай с помощью российской миссии в Вашингтоне добился личной аудиенции в Белом доме. 27 октября вместе с временным поверенным в дела Российской империи Г.А. де Волланом он был принят сначала государственным секретарём Дж. Шерманом, а затем и самим президентом в сопровождении членов кабинета. «И в этот раз, как в предыдущие, я был принят весьма любезно всеми и получил обещание, что делам нашим будет оказано особенное внимание, когда наступит их черёд», – докладывал он в Св. Синод⁵⁰. Президент по-

⁴⁷ Отчёт о состоянии Алеутской епархии за 1896 год. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. 1896 г. Д. 3549. Л. 38-39.

⁴⁸ Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду, 28 ноября 1897 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. 1897 г. Д. 3681. Л. 4.

⁴⁹ Его Высокопревосходительству, Г. Президенту Соединённых Штатов 12/24 сентября 1897 г. Там же. Л. 5-6.

⁵⁰ Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду 28 ноября 1897 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 178. 1897 г. Д. 3681. Л. 4.

просил епископа подать своё обращение в письменном виде. Николай составил подробную бумагу с изложением бедственного положения православной Аляски и изобличением его виновников – местных властей (прежде всего – ненавистного агента Джексона) и Аляскинской торговой кампании, подмявшей под себя всю экономику края. Епископ не стеснялся в выражениях, описывая царящие на Аляске коррупцию и беззаконие, а также «хищническую эксплуатацию» коренного населения. Не удержался он и от соблазна пристыдить американцев: «Не достойно ли, в самом деле, глубокого сожаления дело, что в стране, именуемой себя христианскою, хвальной своей свободой, не уважают религиозных убеждений других людей, насильно заставляют перевоспитывать детей в других конфессиях, измышляя все способы для того, чтобы задавить и уничтожить ненавистное некоторым сектантским фанатикам учение веры – единой, святой и истинной?!» В конце епископ по пунктам излагал меры, необходимые для исправления положения: дать Аляске «хорошую администрацию» и свободу совести, возратить незаконно захваченные церковные земли, оградить население от хищнической эксплуатации разными торговыми и не торговыми кампаниями, освободить население от насилий со стороны сектантских миссионеров и др.⁵¹.

Обращают на себя внимание независимый и даже требовательный тон этого документа, а также самостоятельность, проявленная епископом в отношении своего петербургского начальства. Он не испрашивал разрешения на свой дипломатический демарш, не согласовал текст своего обращения к президенту, а ставил Св. Синод в известность постфактум, послав донесение в Санкт-Петербург на следующий день после отправки второго письма в Белый дом. Вряд ли оно возымело действие в Вашингтоне. Скорее всего, МакКинли расписал это обращение своим подчинённым, а те положили его в долгий ящик до тех пор, «пока не наступит его черёд». Во всяком случае, ситуация с православием на Аляске в последующие годы только ухудшилась, о чём писали в российскую столицу русские священники и дипломаты (Климент (Капалин) 2009). Сам Николай продолжал страстную борьбу за коренных православных жителей Аляски на страницах своего журнала, скрываясь под псевдонимом М.З., в котором посвящённые легко угадывали инициалы его мирского имени⁵².

В сентябре 1898 г. Св. Синод, наконец, внял прошениям епископа и освободил его от алеутского служения, назначив на Таврическую и Симферопольскую кафедру. В декабре того же года его торжественно проводили на родину из Сан-Франциско. Его сменил еп. Тихон (Белавин) – будущий Патриарх Московский, успешно продолживший дело своего предшественника в Америке. Позже владыка Николай стал архиепископом, митрополитом Варшавским и Привислен-

⁵¹ Г. Президенту Северо-Американских Соединённых Штатов W.McKinley, 27 ноября 1897 г. Там же. Л. 7-10.

⁵² Как это всё согласить с принципами Американской Конституции? 1897. *Американский православный вестник*. № 11; Пример возмутительного насилия и беззакония (письмо в редакцию. Там же. № 17.

ским, членом Государственного совета от монашествующего духовенства. Он скончался в 1915 г., немного не дожив до краха православной Российской империи.

Об авторах:

Владимир Олегович Печатнов – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vopечатnov@gmail.com

Валентин Владимирович Печатнов – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 12, 2021.
Accepted: February 04, 2021.

Russian Bishop in Gilded Age America

V.V. Pechatnov, V.O. Pechatnov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-7-30](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-7-30)

Moscow State Institute of international Relation (university)

Abstract: The article deals with the American period in the life of Bishop Nickolay (Ziorov) when he was the head of the Aleutian and Alaska dioceses of the Russian Orthodox Church (1891–1898). Based on little known documents of the Holy Synod (Russian State Historical Archive) and Russian diplomatic missions in the USA (Archive of Foreign Police of the Russian Empire) the authors survey his activities to build-up the stagnant diocese and to expand Eastern Orthodoxy in the United States which prepared the ground for its renewal under his successor Bishop Tikhon (Belavin). Special attention is being paid to how American realities of the Gilded Age were perceived by a well-educated Russian priest as reflected in his diaries and travel notes that until now have avoided historians' attention. Of special interest are Nickolay's travel notes made during his trips around the country including his long visit to the Chicago World Fair of 1893. The Bishop's literary talent and lively curiosity lend special flavor to these impressions creating a sense of presence. It is demonstrated that his perception was shaped both by his clergy experience and a more general framework of Russian culture. Hence an admiration of American economic and technological progress went hand in hand with a total rejection of American materialism, individualism and political values. Bishop Nickolay's impressions of the United States constitute a revealing case study in how image of America as a constituent "the other", the juxtaposition of the "Russian Idea" and the "American Dream" fitted into the Russian mentality.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Aleutian and Alaskan Diocese, Bishop Nickolay (Ziorov), The Holy Synod, Chicago World Fair of 1893.

About the authors:

Vladimir O. Pechatnov – Dr. of Science (History), Professor, Department of European and American Studies, MGIMO, Distinguished Scholar of the Russian Federation. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Valentin V. Pechatnov – Ph.D (History), Associate Professor, Philosophy Department, MGIMO. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Conflict of Interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Emmons T. 1997. *Alleged Sex and Threatened Violence: Doctor Russell, Bishop Vladimir, and the Russians in San-Francisco, 1887-1892*. Stanford University Press. XIV. 251 p.

Akimov Yu.G. 2020. Aleutskaya i Alyaskinskaya eparkhia, Russkaya Pravoslavnaya Tserkov', Rossyiskie Vlasti i Rasprostranenie Pravoslavia v Severnoi Amerike v kontse XIX veka [Aleutian and Alaska Diocese, Russian Orthodox Church, Russian Authorities and Expansion of Eastern Orthodoxy in North America in the Late XIX Century]. *American Yearbook 2020*. Moscow. P. 206–216. (In Russian).

Akimov Yu.G., Minkova K.V. 2018. Perekhod v Pravoslavie emigrantov-uniatov v SShA v 1891–1892 i Sv.Sinod [Conversion of Immigrant Uniates into Eastern Orthodoxy in the USA in 1891–1892 and the Holy Sinod]. *Voprosy Istorii*. №1. P. 160–170. (In Russian).

Zhuravleva V.I. 2012. *Ponimanie Rossii v SShA: Obrazy i Mify. 1981–1914*. [Understanding Russia in the United States: Images and Myths. 1981–1914]. Moscow: Russian State University for the Humanities. 1136 p. (In Russian).

Kalinovsky V. 2019. [Views of Archbishop Nikolay (Ziorov) on the National Question] *Khristianskoe chtenie*. №5. P. 237–250. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10098. (In Russian).

Kliment (Kapalin), mitrop. 2009. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Alyaske do 1917 goda* [Russian Orthodox Church in Alaska till 1917]. Moscow: Olma Group Publishing House. 604 p. (In Russian).

Kuropyatnik G.P. 1981. *Rossia i SShA: ekonomicheskie, kul'turnye i diplomaticheskie svyazi v 1867–1881*. [Russia and USA: Economic, Cultural and Diplomatic Ties in 1881–1881]. Moscow: Nauka. 383 p. (In Russian).

Nikolay (Ziorov). 1894. *Iz moego dnevnika. Vpechatleniya i Zametki vo vremya prebyvaniya na vseмирной выставке v Chikago i puteshestviya po Amerikanskim Soedinennym Shtatam. Preosvyashennogo Nikolaya, episkopa Aleutskogo i Alyaskinskogo* [From My Diary. Impressions and Notes of Visiting Chicago World Fair and Travelling in the USA by Rev. Nickolay, Bishop of Aleutian and Alaskan Diocese]. St. Petersburg. (In Russian).

Pavlovskaya A.V. 1998. *Rossia i Amerika. Problemy obsheniya kul'tur: Rossia glazamy amerikantsev, 1850–1880 gody* [Russia and America. Problems of Intercultural Communication: Russia through American Eyes, 1850–1880-s]. Moscow: Moscow State University. 302 p. (In Russian).

Pechatnov V.V. 2017. "...Ot Russkogo kornya": puti amerikanskogo pravoslavia ["...From a Russian Root": Ways of American Orthodoxy]. *Tomsk State University Journal*. №425. P. 140–146 (In Russian).

Sokolov A.S. 1984. *Rossia na vseмирной выставке v Chikago v 1893 godu* [Russia at the Chicago World Fair of 1893]. *Amerikansky Ezhegodnik 1984*. P. 152–164.

Список литературы на русском языке:

Акимов Ю.Г. 2020. Алеутская и Аляскинская епархия, РПЦ, российские власти и распространение православия в Северной Америке в конце XIX века. *Американский Ежегодник* 2020. С. 206–216.

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. 2018. Переход в православие эмигрантов-униатов в США в 1891–1892 гг. и Святейший Синод РПЦ. *Вопросы истории*. №1. С. 160–170.

Журавлева В.И. 2012. *Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914*. Москва: РГГУ. 1136 с.

Калиновский В.В. 2019. Взгляды архиепископа Николая (Зиорова) на национальный вопрос. *Христианское чтение*. №5. С. 237–250. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10098

Климент (Капалин), митроп. 2009. *Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года*. Москва: Олма-Групп. 604 с.

Куропятник Г.П. 1981. *Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи в 1867–1881*. Москва: Наука. 383 с.

Николай (Зиоров). 1894. *Из моего дневника. Впечатления и заметки во время пребывания на всемирной выставке в г. Чикаго и путешествия по Американским Соединенным Штатам. Преосвященного Николая, епископа Алеутского и Аляскинского*. Санкт-Петербург.

Павловская А.В. 1998. *Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880-е годы*. Москва: МГУ. 302 с.

Печатнов В.В. 2017. «...От русского корня»: пути американского православия. *Вестник Томского государственного университета*. № 425 (декабрь). С. 140–146.

Соколов А.С. 1984. Россия на всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. *Американский Ежегодник*. 1984. С. 152–164.

Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе

Е.П. Кудрявцева

Институт Российской истории РАН

Греческая революция 1821-1829 гг. способствовала началу и развитию Восточного кризиса 20-х гг. XIX в., который привёл к военному разрешению русско-турецких противоречий в 1828-1829 гг. Российское правительство было вынуждено пристально следить за развивающимися в Греции событиями, неоднократно заявляя Порте об осуждении её репрессий против греческого населения. В ходе кризиса Петербургский кабинет не раз предпринимал попытки дипломатического урегулирования греко-турецкого конфликта путём совместного выступления европейских держав перед османским правительством. Соглашения, принятые на Петербургской (1826 г.) и Лондонской (1827 г.) конференциях держав, были направлены на «умиротворение» Греции. В результате малоэффективных шагов европейских правительств российские власти были вынуждены кардинально изменить свою политику: заявить о решимости предпринять самостоятельные шаги в разрешении греческого вопроса и начать военные действия против Османской империи.

Греческое восстание 1821 г. превратилось в центральное событие 20-х гг. XIX в. на Балканах. Встав в один ряд с революционными движениями в европейских странах, греческая революция привела к изменению всей внешнеполитической доктрины российского правительства. Оно было вынуждено, несмотря на приверженность российских императоров принципам Священного союза, не только оказать воюющим грекам материальную и моральную поддержку, но и открыто заявить союзникам о наличии собственных внешнеполитических интересов на Балканах. Совпадение этих интересов с требованием независимости, выдвигаемым лидерами греческого движения, побудило российское правительство к решительности. Российская империя встала на путь самостоятельной политики в Восточном вопросе, которая способствовала победе национальных интересов Греции.

Ключевые слова: Греческая революция, Россия, Восточный вопрос, международные отношения, Балканы

200-летний юбилей Греческой революции 1821 г. предоставляет современным исследователям внешней политики России повод вновь обратиться к истории русско-греческих связей и к кризису, возникшему на Балканах

УДК: 322

Поступила в редакцию: 24.12.2020 г.

Принята к публикации: 12.02.2021 г.

в 20-е гг. XIX в., а также проследить его влияние на развитие международных отношений в Европе в последующие годы. К тематике Восточного кризиса обращались многие отечественные исследователи, сумев воссоздать картину его зарождения, развития и завершения в результате заключённого в Адрианополе мирного договора 1829 г. (Арш 1976; Шпаро 1965; Нарочницкий 1980; Станиславская 1976; Международные отношения 1983). Тем не менее влияние балканских событий на весь ход международной жизни в Европе было столь очевидным, что потребовалось дальнейшее изучение самых разных аспектов Восточного кризиса. В этой многоплановой теме отдельный интерес представляет сюжет о русско-греческих отношениях и роли Греческой революции в развитии доктрины внешней политики российского правительства.

Революция 1821 г., начавшаяся в Греции, стала катализатором Восточного кризиса, длившегося на протяжении почти 10 лет и завершившегося предоставлением Греции полной независимости. В кризис были вовлечены ведущие европейские страны, составлявшие «концерт» европейских держав и определявшие расклад межгосударственных отношений, которые выстраивались в тесной связи с догмами созданного после Венского конгресса Священного союза. Принципы Священного союза оказали решающее влияние на то, что восстание А. Ипсиланти, начавшееся в Молдавии весной 1821 г. и затем перекинувшееся на территорию Греции, было причислено европейскими державами к «революционным» движениям, подлежащим безусловному порицанию.

Российский МИД всегда уделял повышенное внимание внешней политике России на Балканах и в регионе Черноморских проливов. Это был регион традиционно устойчивых геополитических интересов российского правительства, связанных с обороной южных причерноморских границ России, расширением её политического присутствия на Ближнем Востоке и в Турции, укреплением влияния на православное население Балканского полуострова и православные патриархаты, а также развитием русской торговли через Босфор и Дарданеллы. Проблема Проливов в общем комплексе Восточного вопроса всегда занимала первое место.

Несмотря на то, что в 1815 г. с инициативой создания консервативного Священного союза выступила именно Россия, она не была в состоянии строго соблюдать провозглашённые Союзом принципы. Причины этого следовало искать в объективных геополитических приоритетах российской державы. На Лайбахском конгрессе держав-участниц Священного союза (1821 г.) Греческое восстание было решительно осуждено и причислено к европейским революционным движениям 1820-х гг.

Поначалу Александр I присоединился к этой общей оценке – иначе и не могло быть. Консервативные тенденции внешней политики российского императора значительно усилились после известий о революциях в Европе. Ко всему прочему, Россию упрекали в поддержке начавшейся революции в Греции: возглавивший повстанцев в Яссах А. Ипсиланти был генералом русской армии,

а лидер восстания в Валахии Т. Владимиреску во время русской-турецкой войны 1806-1812 гг. находился на русской службе. Итак, создатель и вдохновитель нового европейского объединения – Александр I – не мог занять политической позиции, которая отличалась бы от заявленной его союзниками в ходе конгресса. Однако в отличие от западных держав, у России геополитические интересы совпадали с устремлением греков к национальной независимости. Российские власти были заинтересованы в создании на Балканах автономных или полунезависимых славянских государств, ориентированных в своей политике на «державу-покровительницу», которой после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. негласно считалась Россия.

Российские власти не могли быть достаточно последовательны в поддержании союзнических настроений в греческом вопросе ещё и потому, что действия Порты, направленные на ограничение свободной торговли России через Проливы, осуществлявшейся в основном на судах, принадлежавших грекам, противоречили экономическим интересам Российской империи. По распоряжению османского правительства суда под русским флагом, с русскими товарами на борту насильно останавливались и подвергались принудительной выгрузке, что наносило значительный ущерб хлебной торговле Новороссии. Российские власти учитывали не только протесты купечества и предпринимателей, но и настроение самых широких слоёв русского общества в поддержку греческого народа.

Симпатия русского общества к грекам имела давние традиции; эллинофильские настроения были широко распространены как в консервативных, так и демократических кругах (Фадеев 1958: 81). Греческая организация «Филики Этерия», основанная в Одессе, объединяла в своих рядах многих приверженцев идеи освобождения Греции. Об этой организации знали высшие государственные сановники и сам император Александр I, причём члены организации не преследовались властями. Идея воссоздания сильной греческой державы уходила корнями в «греческий проект» Екатерины II, который во многом опирался на конфессиональное единство греков и русских. После присоединения Крыма Севастополь был заложен в качестве «ворот в Константинополь», а своего второго внука императрица назвала Константином в надежде на возрождение Византийской империи. Безусловно, эти планы были гипотетическими и не имели под собой конкретной военно-политической основы, однако ясно свидетельствовали о широких симпатиях общества к «греческой идее».

Эти симпатии получили особое звучание в либеральных кругах России. Видные деятели общественной мысли начала XIX в. – В.Ф. Малиновский, А.А. Самборский, В.Н. Каразин – выдвигали планы по созданию на территории балканского полуострова славяно-сербского государства (Достян 1980). Греческой революции были посвящены публицистические и художественные произведения русской литературы, она воодушевила А.С. Пушкина на создание целого цикла стихов. Декабристы считали восстание справедливой борьбой за независимость. В частности, П.И. Пестель – руководитель Южного общества

декабристов – разработал проект «Царства Греческого», которое бы объединило балканские народы в федерацию (Достян 1980: 243). Этот вопрос рассматривался и в другом декабристском кружке – в «Обществе соединённых славян». Декабристы и связанные с ними офицерские круги русской армии считали, что Россия обязана оказать греческому населению материальную поддержку, а восставшим – военную помощь.

Греческое восстание 1821 г. стало центральным событием 20-х гг. XIX в. на Балканах. Влияние греческой революции на развитие политической жизни балканских народов было огромным. Южнославянские народы следили за развитием событий в Греции. Известно, что греческие повстанцы обращались за военной помощью к сербскому князю Милошу Обреновичу, но тот не решился выступить в помощь грекам; сербский лидер вёл с Портой переговоры о предоставлении Сербии автономии в Османской империи, и воздержался от неосторожных действий, угрожавших сорвать готовящийся договор.

Греческие события активизировали вмешательство в балканские дела европейских держав, что способствовало выделению греческой проблемы в отдельное направление международных отношений в 20-х гг. XIX в. Конгрессы Священного союза должны были дать оценку происходящим в Европе событиям и выработать решения по предотвращению революционных выступлений, включая вооружённое вмешательство во внутренние дела других государств. Особый интерес для союзников представлял вопрос о сохранении status quo в Османской империи. Особенно ярко это стремление было выражено в политике непосредственной соседки Турции – Австрии, опасавшейся «дурного» примера восставших на многочисленные народы, входившие в состав империи Габсбургов. Поначалу правительство Великобритании также было склонно осудить восставших греков. Однако вскоре позиция Сент-Джеймского кабинета изменилась: Греция была признана воюющей стороной, т.е. самостоятельным субъектом международных отношений, что привело к улучшению англо-греческих отношений в целом. Не будучи связанной обязательствами Священного союза, Великобритания могла действовать без оглядки на другие державы, преследуя, в первую очередь, собственные планы по укреплению политико-экономических позиций в регионе. Греческое восстание было использовано английским правительством именно в этих целях, тем более что главный соперник Англии на Балканах, каковым была Россия, не смог проявить решимость и встать на сторону восставших. Английский министр иностранных дел Дж. Каннинг заявил в 1823 г.: «Россия покинула своё передовое место, Англия должна воспользоваться этим и занять его» (Татищев 1887: 154).

В отличие от западных держав, Россия к началу XIX в. имела устойчивые традиционные связи с православными народами Балкан. С петровских времён поддерживались связи русской церкви с православной церковью в Черногории и Сербии, а также с ближневосточными патриархатами. Многие монастыри и обители Балканского полуострова, Малой Азии и Леванта пользовались широ-

кой материальной поддержкой из России, входя в список Палестинского штата, утверждённого Святейшим синодом в 1735 г., и получая «милостинные» выплаты на протяжении многих лет. Южные славяне возлагали надежды на помощь России, как могущественной державы-покровительницы. Прорусски настроенные деятели южнославянской культуры строили планы объединения с северной державой, распространения её покровительства на те территории Османской империи, которые не входили ранее в сферу политических интересов России. Одной из таких инициатив были предложения черногорского архимандрита Д. Владевича о присоединении к России Галиции, Буковины, Далмации, Рагузы, Боки Которской и Ионических островов с одновременным установлением покровительства над Сербией, Болгарией и Албанией¹. Однако внешнеполитические планы российского правительства не подразумевали территориального расширения России за счёт балканских владений Порты; и Бухарестский (1812), и Адрианопольский (1829) договоры содержали лишь требования предоставления автономного устройства для сербов и греков. Россия не планировала захвата Константинополя даже в 1829 г., когда непосредственная угроза нависала над столицей османов. Однако надежды подвластных Турции христиан заставляли российское правительство корректировать свои политические планы.

Российское правительство прибегало к самым разнообразным формам влияния на славянское и православное население Османской империи, включая поддержку конституционных планов по образованию независимых балканских государств. Ещё в конце XVIII в. в России были разработаны конституционные основы Республики Семи Соединённых островов. Одним из авторов конституции, наряду с И. Каподистрией, А. Чарторыйским и А. Италинским, выступил прославленный адмирал Ф.Ф. Ушаков, командовавший осадой крепости на о. Корфу. Это была первая попытка восстановления греческой государственности после многовекового периода османского господства. Республика Семи Соединённых островов была образована в 1800 г., формально находясь под властью Османской империи и под покровительством России. Ионическая республика стала очагом греческого национального движения за независимость. В 1807 г. по условиям Тильзитского мира российский флот покинул Ионические острова. Важная стратегическая база России на Адриатическом море была утрачена, а с ней и то политическое влияние, которое Россия имела в средиземноморском регионе. Это хорошо понимали российские дипломатические представители в Константинополе. В 1807 г. Ионическая Республика прекратила своё существование.

Однако не только жители Ионических островов стали опорой российских войск в Адриатике. Ими были ещё и черногорцы, возлагавшие большие надеж-

¹ Письмо черногорского архимандрита Д. Владевича Н.П. Румянцеву с планом создания славяно-сербского государства. 26 февраля 1814 г. 1997. *Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX в. Документы*. Москва. С. 81.

ды на помощь России, и российские власти использовали это желание черногорского народа в своих целях. Непреложным фактом русско-черногорских отношений начала XIX в. была помощь черногорцев российским войскам в войне против французов в Которе и в Далмации (Гуськова 2002: 75). Именно на ионическую конституцию ориентировались православные балканские народы, выстраивая свои собственные планы по освобождению от османского гнёта. Жители Дунайских княжеств и Сербии при подготовке документов, которые должны были лечь в основу независимости национальных государств, прежде всего, упоминали опыт Ионической республики.

Первой балканской провинцией Османской империи, получившей права автономной власти, стала Сербия. Белградский пашалык, где развернулась вооружённая борьба за независимость, стал центром Первого (1804-1813 гг.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний. Сербский лидер Милош Обренович, вступивший в переговоры с турецкими властями, получил поддержку российского правительства. Посланники России в Константинополе – Г.А. Строганов, А.И. Рибопьер, А.П. Бутенев – приняли непосредственное участие в выработке планов по строительству независимой Сербии (Кудрявцева 2005: 101). Строганов прямо советовал сербским старейшинам ознакомиться с правами Республики Семи Соединённых островов, чтобы выбрать для своего проекта сербской государственности наиболее подходящие статьи. «Если которое-либо из прав, присвоенных островами или Валахией, покажется вам выгоднее права, в Сербии существующего одинакового рода в первом, то вы можете предпочесть оное своему собственному», – писал Строганов сербским депутатам².

Известия о Греческой революции были неоднозначно приняты правящими кругами России. Статс-секретари К.В. Нессельроде и И. Каподистрия, возглавлявшие Министерство иностранных дел, занимались выработкой внешней политики России соответственно на западном и восточном направлениях. Каждый из них имел своих приверженцев среди государственных деятелей и дипломатического корпуса. Каподистрию поддерживали Строганов и «апостол войны» – посол России во Франции К.О. Поццо-ди-Борго (Достян 1972: 214). Они выступали за немедленное начало войны против Турции. Напротив, приверженцы Нессельроде считали недопустимой военную поддержку революционного движения в Греции. Император предпочёл занять промежуточную позицию: не решившись на войну, он счёл себя обязанным обратиться к Порте с заявлениями безусловного осуждения бесчеловечного обращения османских войск с греческим населением. Александр I пытался внушить Порте мысль о том, что прекращение репрессий послужит к выгоде турецкого правительства, лишив европейские державы повода вмешиваться во внутреннюю политику Османской империи.

² Г.А. Строганов сербским депутатам. 29 ноября 1820 г. *Российский Государственный архив древних актов*. Ф. 1278. Д. 90. Л. 114.

Поначалу Г.А. Строганов был уполномочен уверить турецкое правительство в решительном осуждении греческого движения российскими властями. Сам посланник считал, что отказ от активной политики на Балканах противоречит политическим интересам России и требовал от МИДа новых инструкций (Фадеев 1958: 53). «До сих пор я действовал только как христианин, – обращался он к графу Нессельроде. – Прикажите мне говорить от имени императора, укажите, в каких выражениях, свяжите меня, если можно, по рукам и ногам, чтобы я не мог сказать более, чем следует» (Шильдер 1898: 227-228). На первом этапе революции Строганов представил Порте ряд официальных нот российского МИДа в защиту греков, хотя и мало надеялся на их результативность, разделяя мнение Каподистрии о том, что «ничего не добиваются от турок только с помощью слов» (Арш 1976: 91). Каподистрия старался отмежеваться от европейских революционеров и уверить монархов «великих держав» в том, что греческое движение не проникнуто «разрушительными принципами». Он полагал, что на помощь Европы греки могут рассчитывать только в случае отказа от «пагубных идей», провозглашённых в ходе революций в Пьемонте, Испании и Неаполе³.

Весной и летом 1821 г. Строганов направил Порте ноты, касавшиеся урегулирования турецко-греческого конфликта⁴. Последняя нота носила ультимативный характер; не дождавшись ответа османского правительства, российская миссия покинула Константинополь. Война, казалось, была неминуемой. Тогда впервые появились планы вооружённой защиты Россией своих интересов на Балканах – планы очень осторожные и несамостоятельные. Россия, прежде всего, хотела заручиться одобрением европейских союзников. Представителям в Вене, Берлине, Париже и Лондоне предлагалось запросить соответствующие кабинеты об их отношении к возможной посылке русских войск в европейские провинции Османской империи⁵. Российский император стремился обеспечить нейтралитет своего главного соперника на Балканах – Великобритании, сообщив о своих планах в Форин Офис⁶.

Тем временем восставшие греки ждали от России помощи. В 1821 г. на выкуп пленных греков российское правительство выделило 520 тыс. рублей, а в 1823 г. в России была объявлена подписка на сбор средств в пользу пленных повстанцев⁷. Безусловно, этой помощи было недостаточно. Если в восстании, начавшемся в Дунайских княжествах, принимали участие русские офицеры, то

³ Внешняя политика России в XIX и начале XX в. 1980. *Документы российского МИДа (далее ВПР). Серия II. Т. XII (IV)*. Москва. С. 96.

⁴ Там же. С. 119, 207-210. Нота от 11 (23) апреля 1821 г.; нота от 6 (18) мая 1821 г.; нота от 6 (18) июля 1821 г.

⁵ Там же. С. 279. Циркулярная депеша управляющего Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде посланнику в Берлине Д.М. Алопеусу, посланнику в Вене Ю.А. Головкину, поверенному в делах в Лондоне П.А. Николаю, послу в Париже К.О. Поццо-ди-Борго. 29 августа (10 сентября) 1821 г.

⁶ Там же. С. 279. Письмо Александра I министру иностранных дел Великобритании Каслри. 29 августа (10 сентября) 1821 г.

⁷ К.В. Нессельроде П.Г. Дивову. 8 сентября 1828 г. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Санкт-Петербург. ГА III-23. Оп. 109. Д. 1 (1823). Л. 1.

факты о русских волонтерах в Греции малочисленны. Известно, например, о воевавшем на стороне восставших офицере Н.А. Райко, который был незаконным сыном А.Г. Бобринского – сына Екатерины II и Григория Орлова. Райко состоял в переписке с Каподистрией и был свидетелем его убийства у входа в церковь Св. Спиридона. Поступив на службу греческому правительству, русский офицер поначалу был комендантом крепости Паламиди, затем порта Патрас, а позже – директором Военной школы (Достян 1978: 212). После обретения Грецией независимости Райко попытался вернуться на родину, однако Николай I воспрепятствовал этому. Только благодаря заступничеству поверенного в делах России в Греции Г. Катакази офицер смог выехать в Россию; в 1841 г. он был награжден греческим орденом за боевые заслуги.

Говоря о русских добровольцах, следует упомянуть и события на Афоне, монастырская жизнь которого также подверглась влиянию Греческой революции. Афонские монастыри издавна почитались в России и пользовались материальной поддержкой Святейшего Синода, входя в Палестинский список. Все 12 монастырей Афона получали причитающиеся «милостинные» дачи, а среди насельников числились и русские монахи⁸. Монастыри не избежали общей участи греческих поселений: они были в значительной степени разрушены и разграблены. В записке неизвестного автора «Судьба русского монастыря на Афоне» говорится, что Афон принимал активное участие в антитурецких выступлениях 1821 г. Среди монахов распространялись письма якобы от имени Александра I, будто бы на подмогу святогорцам высланы русский флот и войско. Эти письма читали у ворот монастырей под звон колоколов и грохот орудий с криками «Да здравствует царь русский!» Из числа молодых монахов был сформирован отряд, вооруженный саблями и пистолетами, а опытные в военном деле «русские монахи из казаков и беглых солдат» обучали восставших стрельбе⁹. После подавления восстания турки отрубили русским монахам головы. Турки заняли Афонские монастыри и новые насельники смогли вернуться в обители только через 10 лет. Оставшиеся в живых монахи обратились к временно поверенному России в Константинополе М.Я. Минчаки с просьбой «дозволить возвратиться в Отечество». В списке возвращавшихся было 48 имен монахов из обители Св. Пророка Или и Зографского скита.

После того, как планы российского императора по военному решению греческой проблемы не нашли поддержки европейских дворов, Александр I был вынужден прекратить их обсуждение с союзниками. Российскому императору пришлось признать, что «коллективные» усилия не приносят ожидаемых плодов и всё дальше отодвигают греко-турецкое урегулирование, лишая Россию возможности отстаивать собственные интересы в регионе. Российский импера-

⁸ Д.В. Дашков в Азиатский департамент. 26 ноября 1824 г. *АВПРИ*. Ф. Санкт-Петербург. ГА III-23. Оп. 109. Д. 4 (1824-1825). Л. 14. Д.В. Дашков в Азиатский департамент. 26 ноября 1824 г.

⁹ Судьба русского монастыря на Афоне. *АВПРИ*. Ф. Санкт-Петербург. А II-9. Оп. 46. Д. 20. Ч. V. Л. 24 об. Л. 25.

тор заявил, что впредь считает бесполезным «вступать в новые объяснения со своими союзниками в турецких делах» и «будет исключительно следовать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами»¹⁰. К тому времени державы уже не верили, что Россия начнёт военные действия. Английский министр иностранных дел Дж. Каннинг писал об Александре I: «Вряд ли он решится идти на войну вопреки протестам Австрии и Франции и против Англии, которая протестовала очень давно, и теперь, не связанная никакими обязательствами или участием в Союзе, стоит в стороне – я не верю, что он будет рисковать» (Шпаро 1965: 117). Следует отметить, что Каннинг недооценил решительность российского императора – лишь его неожиданная смерть отсрочила начало войны.

Вступив на престол, Николай I объявил о преемственности восточной политики Александра I. Новый император столкнулся с проблемами, вызванными продолжавшимся Восточным кризисом, которые ждали своего разрешения. Прежде всего, это касалось позиции правящих кругов России по отношению к Греческому восстанию. Хотя Николай I, как и его предшественник, считал неприемлемыми революционные методы борьбы греков, рассматривая восставших как «мятежников» и «бунтовщиков», ему, как и другим европейским монархам, приходилось учитывать, что международные отношения в балканском регионе стали напрямую зависеть от развития событий в Греции. Англия, Франция и Австрия к тому времени ясно выразили своё нежелание пойти навстречу России в координации действий по греческому вопросу. Своеобразие международной обстановки, как справедливо отмечает В.Н. Виноградов, состояло в том, что впервые общеевропейский конфликт был вызван не столкновением великих держав, а общебалканскими проблемами (Виноградов 1984: 92). Необходимость отделения Греции от Османской империи становилась очевидной, интрига заключалась лишь в том, какая из держав установит в Греции преобладающее влияние после провозглашения независимости.

Желанием предотвратить русско-турецкую войну, перспектива которой ясно просматривалась в позиции России, объяснялось проведение целого ряда конференций европейских держав «по умиротворению Греции». В действительности они были нацелены на недопущение самостоятельных шагов России в решении греческого вопроса. Для участия в конференции, состоявшейся 23 марта (4 апреля) 1826 г., из Великобритании прибыл герцог Веллингтон. Английская сторона должна была добиться от России права полностью контролировать греческий вопрос. Однако российские власти сумели настоять на признании возможности каждой из сторон действовать «единолично», не оговаривая конкретно, какими будут средства этого «единоличного» вмешательства (Между-

¹⁰ Мартенс Ф.Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. Санкт-Петербург. 1878. Т. IV. Ч. I. С. 347.

народные отношения 1983: 184). Несмотря на то, что «европейский концерт» держав не дал согласия на передачу греческого вопроса целиком в руки России, условия протокола подразумевали, что сторонам предоставлялось право действовать самостоятельно.

Сразу же по завершении конференции в России развернулась подготовка к «единоличному» разрешению русско-турецких противоречий. Россия направила Порте ноту ультимативного характера, в которой подчёркивалось, что российский поверенный в делах М.Я. Минчаки продолжает в Турции политику бывшего посланника Г.А. Строганова, сторонника решительных мер в отношениях с османским правительством¹¹. «Условия, на которых император Александр восстановил свои дипломатические отношения с Портой, не соблюдаются, – обосновывал российские требования К.В. Нессельроде, – вмешательство иностранных держав в эту часть наших разногласий с турками не только не оправдало наших ожиданий ... но лишь осложнило дискуссию»¹². Своим ультиматумом Россия добивалась безоговорочного исполнения статей Бухарестского мира 1812 г., заключённого по завершении русско-турецкой войны 1806-1812 гг.; в противном случае Минчаки и другие члены российского представительства должны были покинуть турецкую столицу¹³. Порте пришлось согласиться на условия ультиматума. К этому решению её подталкивали Австрия и Великобритания, опасавшиеся, что в противном случае Россия немедленно начнёт войну с Османской империей.

Очередным этапом в разрешении греческой проблемы стало заключение Аккерманской конвенции. Русско-турецкие переговоры, длившиеся с июня по октябрь 1826 г., завершились подписанием двусторонних договорённостей. Представителями России на переговорах выступили недавно назначенный посланником в Константинополь А.И. Рибопьер и М.Я. Минчаки. Условия конвенции подтверждали право России оказывать покровительство православному населению Османской империи, содержали Отдельные акты о Сербии и Дунайских княжествах¹⁴. Европейские кабинеты были вынуждены одобрить решения конференции как «счастливое избавление» от угрозы войны на Балканах. Дальнейшие события показали, что заключение конвенции было уловкой со стороны османских властей; позже они прямо заявили о том, что не собирались выполнять её условия, а добивались отсрочки начала войны с Россией.

Турецкое правительство продолжало решительно отвергать всякое внешнее вмешательство в свои взаимоотношения с греками. «Посмотрим, как далеко пойдут меры наших врагов. Греция, свобода, прекращение кровопролития – всё это одни предлоги. Нас хотят выгнать из Европы», – эти слова рейс-эфенди, ска-

¹¹ *АВПРИ*. Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 2357. Л. 86.

¹² Там же. Л. 79. К.В.Нессельроде М.Я.Минчаки. 5 (17) марта 1826 г.

¹³ Там же. Л. 75. К.В.Нессельроде М.Я.Минчаки. 26 февраля 1926 г.

¹⁴ *Юзефович Т.* 1869. *Договоры России с Востоком, политические и торговые*. Санкт-Петербург. С. 61-62, 69-70.

занные австрийскому драгоману, свидетельствуют о том, что турецкое правительство не питало иллюзий по поводу заявлений союзников (Соловьев 1876: 105). Чтобы предотвратить подобный ход событий, западные партнёры настаивали на проведении новой конференции по греческому вопросу. В статьях Лондонского протокола, подписанного 24 июня (6 июля) 1827 г., подтверждалось намерение держав решить греческую проблему «коллективными» силами, зафиксированное пунктами Петербургской конференции. Секретная статья протокола гласила, что в случае отказа Порты от посредничества трёх держав они могут принять меры для сближения с греческой стороной и послать консулов в Грецию (История 2000: 147). Неопределённость принятых условий открывала перед державами перспективу активных действий в регионе турецко-греческой войны. Поскольку условия Лондонского протокола подразумевали принятие державами «крайних мер» и морскую блокаду Морейского побережья силами объединённой эскадры трёх договаривающихся сторон, сохраняя при этом пассивность о возможности «единоличного» вмешательства в греко-турецкий конфликт, можно говорить о том, что они вполне отвечали интересам России.

8(20) октября 1827 г. состоялось Наваринское сражение, в результате которого объединённый флот России, Англии и Франции под командованием вице-адмирала Э. Кодрингтона одержал победу над египетско-турецкими морскими силами. Численность сожжённых, потопленных, выброшенных на мель судов противника достигала 60-ти (Гребенщикова 2017).

После Наварина послы союзных держав покинули столицу Османской империи, но представители Англии и Франции поспешили заверить Порту, что их отъезд не означает объявления войны. В тот период Россия в очередной раз оказала грекам материальную помощь: Каподистрия получил полтора миллиона рублей на развитие государственных структур Греции, ему был передан военный бриг «Ахиллес». Ещё в 1826 г. по распоряжению императора были выделены 10 тыс. рублей ассигнациями на выкуп пленных греков из разорённого города Миссолунги, которые продавались «за самую низкую цену» на рынках городов Превезы и Арты¹⁵. Деньги были переведены консульствам, находившимся вблизи территориальной Греции – российскому консулу в Венеции Наранци и консулу на о. Корфу Папандопуло. В осаждённую Навплию весной 1828 г. прибыл транспорт «Пример» с грузом пороха и продовольствия. Общая материальная помощь, оказанная Россией Греции в 1827-1830 гг., составила около 1 млн рублей, не считая денег, собранных русской православной церковью (Нарочницкий 1980: 66). Нессельроде открыто сообщал начальнику русской эскадры под Наварином вице-адмиралу Л.П. Гейдену о скорой войне с Турцией, вследствие чего, по его мнению, греков следовало вооружить как «естественных союзников» России (Международные отношения 1983: 196).

¹⁵ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербург. ГА. III-23. Оп. 109. Д. 3 (1826). Л. 1.

После Наваринского сражения русско-турецкие отношения ухудшились. В России приветствовали победу русского флота, воспринимая её как заявку на активизацию внешней политики России на Востоке. В свою очередь, европейские правительства сочли, что совместные действия против Турции послужили укреплению исключительно русских позиций. Подтверждением этого мнения стала весть о начале войны России с Османской империей. Главной угрозой будущей войны, по мнению европейских правительств, было расчленение Османской империи и рост влияния России в новых балканских государствах. Между тем Россия открыто объявляла об отказе от расширения своих границ в Европейской Турции. Её требования сводились к подтверждению Портой привилегий Дунайских княжеств и Сербии, «умиротворению» Греции, свободному судоходству в Проливах и присоединению кавказского берега Чёрного моря. Ничего неожиданного для Порты и Европы в этих условиях не было.

Не только Порты сопротивлялась вмешательству России в урегулирование греческого конфликта. Недавние союзники по Наварину, Англия и Франция, стремились не допустить включения статьи о Греции в итоговый документ, завешавший русско-турецкую войну. Тем не менее Адрианопольский мирный договор, подписанный в 1829 г., подразумевал предоставление Греции статуса автономии. Это условие вызвало бурное негодование в Англии, претендовавшей на роль главной покровительницы греков, и терявшей преобладающее влияние в Турции в результате победоносного завершения войны Россией. «Османская империя более не существует», – заявил министр иностранных дел Великобритании Дж. Абердин российскому послу в Лондоне Х.А. Ливену (Шеремет 1975: 157). Аналогичной, хотя и более спокойной, была реакция австрийских правящих кругов, опасавшихся, что условия мира могли бы низвести Австрию «на положение государства второго разряда» (Фадеев 1958: 359).

На последнем этапе Восточного кризиса Великобритания перехватила инициативу в установлении наиболее благоприятных отношений с греческим руководством – ведь именно английские политики на очередной Лондонской конференции предложили включить в итоговую резолюцию конференции условие о предоставлении Греции независимости вместо зафиксированной Адрианопольским миром статьи о греческой автономии. Российскому правительству осталось «только» поддержать эту инициативу, целиком претворённую в жизнь благодаря усилиям российской дипломатии и русской армии. Согласимся с мнением И.С. Достяна о том, что и Первое сербское восстание, и Греческая революция были бы подавлены без военной, дипломатической и моральной поддержки со стороны России (Достян 1972: 36). Решения Адрианопольского мирного договора сыграли решающую роль в том, что уже в 1830 г. стало возможным рассмотрение вопроса о полной независимости греческого государства. Английский кабинет стремился восстановить политическое преобладание Великобритании в балканском регионе путём роста популярности среди греческого населения, а также упорочения экономического превосходства в Османской империи. Уже

после предоставления Греции независимости английский посланник в Афинах Э. Лайонс в беседе со своим австрийским коллегой А. Прокеш-Остеном сказал: «Действительно независимая Греция – это абсурд. Греция может быть или русской, или английской» (Международные отношения 1990: 101).

Военное разрешение русско-турецких противоречий и мирный Адрианопольский договор, включивший статьи о предоставлении автономии Греции и Сербии, безусловно, укрепили авторитет России среди христианских народов Балканского полуострова. Однако в греческом вопросе, представлявшем для России немалый интерес в политическом отношении, российские власти не смогли добиться желаемого результата. Активное вмешательство европейских держав привело к тому, что греческая проблема стала общеевропейской, чему, в частности, способствовал слишком длительный период нерешительности российского МИДа, когда он не мог чётко сформулировать своё отношение к Греческой революции. Постоянно оглядываясь на европейских союзников, российское правительство не посмело оказать действенную помощь «бунтовщикам». Всё это привело к тому, что Греция, как объект политического влияния, была надолго потеряна для России. Полностью отказавшись от идеи «коллективного» решения назревших вопросов и вступив в войну с Турцией, оказав поддержку воюющим грекам и заявив о своих приоритетах в Восточной политике, российское правительство сумело продемонстрировать наличие собственных геополитических предпочтений в Балканском регионе. Политика российского государства в Восточном вопросе стала более внятной и решительной, она была подкреплена рядом международно-правовых актов, на которые Россия могла опираться в последующем развитии своей внешнеполитической доктрины. Дальнейшие планы по закреплению позиций в православных провинциях Османской империи заставили российское правительство использовать более разнообразную тактику взаимоотношений как с Портой, так и со ждавшими помощи христианами, намечая новые направления своей внешней политики на Балканах.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: December 24, 2020
Accepted: February 12, 2021

The Greek Revolution of 1821 and Russian Policy in the Eastern Question

E.P. Kudryavtseva

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-31-47](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-31-47)

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The Greek Revolution 1821-1829 contributed to the beginning and development of the Eastern crisis of the 1820s, which led to the military confrontation in the Russian-Turkish relations in 1828-1829. The Russian government was forced to closely monitor the unfolding events in Greece, repeatedly expressing the Sublime Porte condemnation of her repression against the Greek population. During the crisis the Petersburg Cabinet has repeatedly attempted to settle the Greek-Turkish conflict diplomatically by means of a joint statement of the European powers addressing the Ottoman government. The agreements adopted at the St. Petersburg (1826) and London (1827) conferences of the powers were aimed at "pacifying" the Greek problem through the joint efforts of the European powers. Ineffective European actions resulted in the fact that Russian government was forced to radically change its policy on the Greek issue and declare its determination to take independent steps to resolve the Greek issue and start military operations against the Ottoman Empire.

The Greek uprising of 1821 became the central event of the 1820s. in the Balkans. Standing in the same row with the revolutionary movements in European countries, the Greek revolution led to a change in the entire foreign policy doctrine of the Russian government. It was forced, despite the adherence of the Russian emperors to the principles of the Holy Alliance, not only to provide the rebel Greeks with material and moral support, but also to openly declare to the allies about the existing interests in the Balkans. Match of these interests with the demands for independence of the Greek movement leaders led to a more decisive steps taken by the Russian government in the Greek issue. The Russian Empire took path of an independent policy in the Eastern question, which contributed to the victory of the national interests of Greece.

Keywords: Greek revolution, Russia, Eastern question, international relations, Balkans

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of History, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. 19 Dm. Ulianov st., Moscow, 117292, Russia. E-mail: demetr22@mail.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Arsh G.L. 1976. *I. Kapodistrija i grecheskoje nacionalno-osvoboditelnoje dvizenije. 1809-1822.* [I.Kapodistrias and Greek Uprising against the Ottoman Empire. 1809-1822]. Moscow: Nauka. 327 p. (In Russian).

Vinogradov V.N. 1984. *Processi obrazovanija gosudarstv v Jugo-Vostochnoj Evrope v XIX-nachale XX v.* [State Formation Processes in South-Eastern Europe in the 19th and Early

20th Centuries]. *Voprosi socialnoj, politicheskoj i kulturnoj istorii Jugo-vostochnoj Evropi*. Ed by G.L.Arsh, V.N.Vinogradov, U.P.Belajeva. Moscow: Nauka. P. 90-102. (In Russian).

Gutkina I.G. 1951. Grecheskij vopros i diplomatičeskije otnošenija evropejskih derzav v 1821-1822 gg. [Greek War of Independence and Diplomatic Relations between European States in 1821-1822]. *Učenije zapiski LGU. Serija istoričeskijh nayk*. 18(130). P. 112-156. (In Russian).

Gutkina I.G. 1966. Protivorečija evropejskih derzav v pervije godi grecheskoj vojni za nezavisimost (1823-1826) [Contradictions between European Powers in the Early Years of the Greek War of Independence (1823-1826)]. *UZ LGPI*. Vol. 288. P. 124-177. (In Russian).

Grebenzikova G.A. 2017. *Morskoje sraženije pod Navarinom: prichini i sledstvija*. [Battle of Navarino: Causes and Effects]. Saint Petersburg: Ostrov. (In Russian).

Guskova E.U. 2002. Balkani v planah Rossii v pervoj polovine XIX v.: territorialnaja ekspanzija, političeskoje vlijanije ili blagotvoritelnost [The Balkans in the Plans of Russia in the First Half of the 19th Century: Territorial Expansion, Political Influence or Charity]. *Ujugoslavjanskaja istorija v novoje i novejsheje vreme*. Ed. by G.F.Matveev and L.V. Kuzmicheva. Moscow: Mosgorarhiv. P. 70-82. (In Russian).

Dostian I.S. 1972. *Rossija i Balkanskij vopros* [Russia and the Balkan question]. Moscow: Nauka. 368 p. (In Russian).

Dostian I.S. 1978. *Russkij učasnik grecheskoj revoluciji* [Russian Participant of the Greek Revolution]. *Voprosi istoriji*. №4. P. 210-215. (In Russian).

Dostian I.S. 1980. *Russkaja obzestvennaja misl i balkanskije narodi* [Russian Social Thought and Balkans Nations]. Moscow: Nauka. 326 p. (In Russian).

Istorija Evropi. Kn. 5. 2000. [The History of Europe]. Ed. by S.P.Pozarskaja. Moscow: Nauka. 667 p. (In Russian).

Kudriavtseva E.P. 2005. Russkaja diplomatija i plani gosudarstvennogo ustrojstva Serbii v pervoj polovine XIX v. [Russian Diplomacy and Serbian State System Projects in the First Half of the 19th Century]. *Dvesti let novoj serbskoj gosudarstvennosti*. Ed. by V.K.Volkov. Saint Petersburg: Aleteja. P. 100-112. (In Russian).

Mezhdunarodnije otnošenija na Balkanah. 1815-1830 gg. [International Relations on the Balkans. 1815-1830]. 1983. Ed by G.L. Arsh, I.S. Dostian, V.N. Vinogradov. Moscow: Nauka. 296 p. (In Russian).

Mezhdunarodnije otnošenija na Balkanah. 1830-1856 gg. [International Relations on the Balkans. 1830-1856]. 1990. Ed by G.L. Arsh, I.S. Dostian, V.N. Vinogradov. Moscow: 349 p. (In Russian).

Naročnickij A.L. 1980. Grecheskoje nacionalno-osvoboditelnoje dvizenije i Rossija. [Greek War of Independence and Russia]. *Voprosi istoriji*. №3. P. 57-68. (In Russian).

Solovjev S.M. 1876. Vostočnij vopros v 1827, 1828 i 1829 godah [The Eastern Question in 1827, 1828 and 1829]. *Drevnaja i novaja Rossija*. № 1. P. 100-115. (In Russian).

Stanislavskaja A.M. 1976. *Rossija i Grecija v konce XVIII-nachale XIX veka. Politika Rossii v Joničeskoj respublike 1798-1807 gg.* [Russia and Greece in the End of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries. The Policy of Russia in the Septinsular Republic]. Moscow: Nauka. 376 p. (In Russian).

Tatischev S.S. 1887. *Vneshnaja politika imperatora Nikolaja I* [The Foreign Policy of the Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg: Tip. I.N.Skorohodova. 648 p. (In Russian).

Fadejev A.V. 1958. *Rossija i Vostočnij krizis 20-h godov XIX veka* [Russia and the Eastern Crisis of the 1820s]. Moscow: Iz-vo AN SSSR. 396 p. (In Russian).

Sheremet V.I. 1975. *Turcija i Adrianopolsrij mir 1829 g. Iz istoriji vostočnogo voprosa*. [Turkey and the Peace of Adrianopol 1829. Abstract from the Eastern Question]. Moscow: Nauka. 230 p. (In Russian).

Shilder N.K. 1898. *Imperator Aleksandr I, jeho zizn i carstvovanije*. [Alexander I, his Life and Rule]. Saint Petersburg: Tip. A.S.Suvorina. 716 p. Vol. IV. (In Russian).

Shparo O.B. 1965. *Osvobozhdenije Grecii i Rossija (1821-1829 gg.)* [Greek Liberation and Russia]. Moscow: Misl. 280 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Арш Г.Л. 1976. *И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809-1822*. Москва: Наука. 327 с.

Виноградов В.Н. 1984. Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX – начале XX в. *Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-восточной Европы*. Ред. коллегия: Л.Г. Арш, В.Н. Виноградов, Ю.Д. Беляева. Москва: Наука. С. 90-102.

Гуткина И.Г. 1951. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 181-1822 гг. *Учёные записки ЛГУ*. Ленинград: Серия исторических наук. 18(130). С. 112-156.

Гуткина И.Г. 1966. *Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость (1823-1826 гг.)*. Л. Т. 288. С. 124-177.

Гребенщикова Г.А. 2017. *Морское сражение под Наварином: причины и следствия*. Санкт-Петербург: Остров. 487 с.

Гуськова Е.Ю. 2002. Балканы в планах России в первой половине XIX в.: территориальная экспансия, политическое влияние или благотворительность. *Югославянская история в новое и новейшее время*. Под. ред. Г.Ф. Матвеева и Л.Г. Кузьмичевой. Москва: Мосгорархив. С. 70-82.

Достян И.С. 1972. *Россия и Балканский вопрос*. Москва: Наука. 368 с.

Достян И.С. 1978. Русский участник греческой революции. *Вопросы истории*. №4. С. 210-125.

Достян И.С. 1980. *Русская общественная мысль и балканские народы*. Москва: Наука. 326 с.

История Европы. 2000. Т. 5. Отв. редактор С.П. Пожарская. Москва: Наука. 667 с.

Кудрявцева Е.П. 2005. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. *Двести лет новой сербской государственности*. Отв. ред. В.К. Волков. Санкт-Петербург: Алетейа. С. 100-112.

Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. 1983. Л.Г. Арш, И.С. Достян, Л.Е. Семенова, АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.Н. Виноградов. Москва: Наука. 296 с.

Международные отношения на Балканах. 1830-1856 гг. 1990. Л.Г. Арш, И.С. Достян, В.Н. Виноградов, АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.Н. Виноградов. Москва: Наука. 349 с.

Нарочницкий А.Л. 1980. Греческое национально-освободительное движение и Россия. *Вопросы истории*. №3. С. 57-68.

Соловьев С.М. 1876. Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 годах. *Древняя и новая Россия*. №1. С. 100-115.

Станиславская А.М. 1976. *Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике 1798-1807 гг.* Москва: Наука. 376 с.

Татищев С.С. 1887. *Внешняя политика императора Николая I*. Санкт-Петербург: Тип. И.Н.Скороходова. 648 с.

Фадеев А.В. 1958. *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века*. Москва: Из-во АН СССР. 396 с.

Шеремет В.И. 1975. *Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории восточного вопроса*. Москва: Наука. 230 с.

Шильдер Н.К. 1898. *Император Александр I, его жизнь и царствование*. Санкт-Петербург: Тип. А.С.Суворина. Т. IV. 716 с.

Шпаро О.Б. 1965. *Освобождение Греции и Россия (1821-1829 гг.)*. Москва: Мысль. 280 с.

Polonization as a Determinant of National Identities of Ukraine and Belarus

Dylan Payne Royce

George Washington University, Washington, D.C., United States of America

Abstract: Since their independence, Ukraine and Belarus have pursued relatively consistent but almost polar-opposite policies toward Russia. For the most part, the difference is explicable not as a product of differing material pressures and incentives (which do not, in fact, differ significantly), but as a consequence of differing popular and elite conceptions of Ukrainian and Belarusian national identities, which yield different beliefs about the proper relationship of those nations to Russia. The article argues that the difference is largely traceable to the 16th and 17th centuries, when the Grand Duchy of Lithuania's southern lands – modern western and central Ukraine – were transferred to the Kingdom of Poland, and subsequently conquered by Russia in stages, while Belarus remained within Lithuania until also conquered by Russia. This resulted in different Ukrainian and Belarusian territories spending vastly different amounts of time under Polish rule. Considering that *Rusian* culture originally had a high status in the Grand Duchy of Lithuania, and that Polonization naturally proceeded more intensely in Poland than in Lithuania, the author hypothesizes that: 1) the longer a territory was under Polish rule, the more subject it was to Polonization; 2) the more it was subject to Polonization, the more it developed a *western* European identity; 3) the more Ukrainian and Belarusian national identities were westernized, the more alienated they became from non-westernized *Rusian* nationalities, primarily the (Great) Russian (*русский / великорусский / российский*); 4) the more alienated a national identity is from Russia, the more its bearers seek to separate themselves from Russia. The research finds out that the longer an area was under Polish rule, the more support it subsequently displayed for separation and distancing from Russia. Ukrainian territories, especially in the west and center of the country, were long under Polish rule and accordingly tend toward an anti-Russian alignment that was visible even a century ago. On the other hand, Belarus, ruled by the Grand Duchy of Lithuania but never by Poland directly, expressed little desire to abandon the Russian Empire a century ago, and today continues a policy of friendship and integration with Russia.

The article combines various qualitative and quantitative methods to demonstrate how centuries-long historical processes reshaped a national identity, with massive consequences that still endure today.

Keywords: Polonization, Ukraine, Belarus, national identity, Russia, Poland, USSR, Grand Duchy of Lithuania, Kingdom of Poland, nationalism

УДК: 327, 94,

Received: January 13, 2021

Accepted: February 14, 2021

Terminology and Methodology

To ensure clarity, I use the following terms and definitions in this article:

Rusian refers to the people/nation (language, etc.) of Rus', before and after its division into three (four, counting the Rusyns as separate from Ukrainians) (sub)ethnicities. The nonstandard (i.e. incorrect) spelling (*Rusian* instead of *Russian*) is used exclusively for the purpose of distinguishing it clearly from the word *Russian*, which today usually refers to the northeastern descendants of the Rusian superethnos, who were once known as Great Russians (*великорусские*). I should note that, until quite recently (in a historical context), the ancestors of modern Belarusians and Ukrainians referred to themselves simply as *Rusians* (*русские, руськие, руские, Rutheni*, etc. – the orthographical differences are meaningless). Hence, for example, the variant of the Rusian language that was spoken in Lithuanian-conquered territories – and which is the ancestor of modern Belarusian and, to a lesser extent, Ukrainian – was known simply as the *Lingua Ruthenica*, or *рус(в)ка(я) мова*.

Russia(n) refers to the Russian state, either Empire or Federation.

(*Great*) *Russian* refers to the northeastern subethnos of the Rusian superethnos. Note that the (Great) Russians typically referred to themselves simply as *Russians* (*русские*). The modifier “Great” is included in this article in order to avoid confusion with the word *Rusian*.

Belarusian refers to the western subethnos of the Rusian superethnos. Note that the Belarusians – despite undoubtedly differing from the other Rusian peoples in certain respects – called themselves simply *Rusians* (*русские*) into the 19th century.

Ukrainian / *Southern Rusian* refers to the southern subethnos of the Rusian superethnos. Note that the Ukrainians – despite undoubtedly differing from the other Rusian peoples in certain respects – called themselves simply *Rusians* (*русские*) into the 19th century.

A brief survey of the recent histories of Ukraine and Belarus illustrates the difference that this article seeks to explain. Literature on the histories of Ukraine, Belarus, Poland, and/or Lithuania describes how Polish rule differed from Lithuanian rule and may have led to the westernization of the national identities of those under Polish rule. Some survey data are presented to illustrate the presence, in western-central Ukraine, of a more westernized conception of Ukrainian national identity. Finally, linear regressions support this theory, finding that the duration of Polish rule in a Polish or Belarusian region is strongly positively correlated with the degree of support in that region for separation/distancing from Russia, both in 1917 and in the post-Soviet period. Thus, this article combines various qualitative and quantitative methods to demonstrate how centuries-long historical processes reshaped a national identity, with massive consequences that still endure today. This article consequently contributes to the literatures on: East Slavic / Rusian history; Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian relations; Russian foreign policy and nation-building; and the Huntingtonian or civilizational approach to international affairs, including related concepts such as the Russian World.

The separate ways of Ukraine and Belarus

Ukrainians and Belarusians are both East Slavic peoples with deep cultural, linguistic, religious, and historical ties to Russia. The histories of Ukraine and Belarus, for several centuries, have run parallel to one another, featuring inclusion in the Russian Empire, brief existence as German protectorates at the end of World War I, Soviet rule, and independence in 1991. And yet the two states' post-Soviet trajectories could not be more different, starting with how they achieved independence in the first place.

In the 17 March 1991 referendum on preserving the USSR, 83% of Belarus' residents and 70% of Ukraine's residents supported the Union's continuation¹. However, just a few months later, on 1 December 1991, an overwhelming 90% of Ukraine's residents voted for independence from the USSR, with only 8% opposed². In contrast, Belarus never conducted an independence referendum at all, its separation from the USSR instead being essentially imposed upon it by the Russian leadership and the centrifugal forces operating throughout much of the rest of the Soviet Union. From this point, the Ukrainian-Belarusian divergence only intensified.

In a 1995 referendum, Belarusian citizens voted to establish (Great) Russian as an official language with status equal to Belarusian (83% support vs. 13% opposition); to replace state symbols associated with the Grand Duchy of Lithuania and the 1917 German protectorate with ones that are more aesthetically Soviet and that lack anti-Russian connotations (75% vs. 9%); and to pursue economic integration with Russia (83% vs. 13%)³. Shortly thereafter, Belarus formed a "Union State" (*Союзное государство*) with Russia. Though initially more symbolic than substantive, and still incomplete to this day, the Union State nevertheless means that Belarus and Russia share a common border, a common labor market, and a high degree of economic integration. Economic integration was further deepened by Belarus' accession in 2010 to a Customs Union with Russia and Kazakhstan, and in 2014 to the Eurasian Economic Union (EAEU) that also includes Russia, Kazakhstan, Armenia, and Kyrgyzstan. Military integration with Russia is also extensive. It is facilitated partly by membership in the Collective Security Treaty Organization (CSTO) (whose membership overlaps with that of the EAEU, plus Tajikistan), but goes far deeper than the integration between Russia and most of the CSTO other members.

In Ukraine, on the other hand, the (Great) Russian language currently has no official status at all, having lost even an official secondary status in heavily-Russophone

¹ Референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г. Справка. *РИА Новости*. 15 марта 2011. URL: <https://ria.ru/20110315/354060265.html> (accessed 24.02.2021)

² Відомість про результати Всеукраїнського референдуму, 1 грудня 1991 року. Центральний державний архів вищих органів України. URL: https://archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (accessed 24.02.2021)

³ Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 г. Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. URL: <http://www.rec.gov.by/refer/ref1995resdoc.html> (accessed 24.02.2021)

regions in 2018⁴. Ukraine pursued economic integration with Russia only via the CIS Free Trade Zone (the Commonwealth of Independent States), but even this highly-limited mechanism was incompatible with the Deep and Comprehensive Free Trade Area (DCFTA) with the EU into which Ukraine entered in 2016⁵, and Russia consequently expelled Ukraine from the CIS FTZ just before its accession to the DCFTA⁶. With regard to the military sphere, Ukraine never joined the CSTO. To the contrary, the Ukrainian people have brought to power leaders who have pursued an increasingly anti-Russian and pro-Atlantic trajectory. The Ukrainian Rada enshrined the pursuit of EU membership into law as early as 1993 (Усова 2011: 156), and President Kuchma legally committed Ukraine to NATO membership in 2002⁷, well before the 2005 Orange Revolution, NATO's 2008 pledge to grant Ukraine membership⁸, and the beginning of Ukraine-EU negotiations on an Association between the two⁹. Even the "pro-Russian" President Yanukovich continued pursuit of that Association Agreement and, when Russian coercion and incentives changed his mind in late 2013, popular protests again erupted, ultimately replacing him with the most pro-Atlantic and anti-Russian government that the country had yet seen. Of course, the ensuing Russian acquisition of Crimea and support for the Donbass rebels greatly accelerated Ukraine's westward trajectory, but the point here is that this was a path that the country had been already treading since gaining independence, thanks to both elite and popular support. Any attempt to arrest this movement could not be sustained in the face of mass public opposition. Yet popular opinion is substantially more complicated in Ukraine than it is in Belarus, varying across the country's four macro-regions: the west (the most pro-Atlantic and anti-Russian), the center, the south, and the east (the most anti-Atlantic and pro-Russian).

In short, both the people and government of Belarus have consistently supported and pursued a policy of alignment and integration with Russia since and even before their country's independence, while the Ukrainian government, supported mainly by central and especially western Ukrainians, has pursued a policy of distancing from Russia and, increasingly, of alignment with Euro-Atlantic institutions that are adversarial to Moscow.

⁴ КСУ возьмётся за закон о региональных языках. *Закон и Бизнес*. 17 ноября 2016. URL: https://zib.com.ua/ru/126388-ksu_vozmetsya_zh_zakon_o_regionalnih_yazikah.html (accessed 24.02.2021); Рішення Конституційного суду України у справі за конституційним поданням 57 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) Закону України "Про засади державної мовної політики". Constitutional Court of Ukraine, 28 February 2018. URL: http://www.ccu.gov.ua/sites/default/files/docs/2-p_2018.pdf (accessed 24.02.2021)

⁵ Соглашение об ассоциации Украины и ЕС: что это значит. *BBC Russia Service*. 30 мая 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40099063> (accessed 24.02.2021)

⁶ Действие договора с Украиной о ЗСТ приостанавливается с 1 января 2016 г. Указ президента России. *Интерфакс-Украина*. 16 декабря 2015. URL: <https://interfax.com.ua/news/economic/311915.html> (accessed 24.02.2021)

⁷ Кучма подписал Указ о вступлении Украины в НАТО. *Корреспондент*. 10 июля 2002. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/50325-kuchma-podpisal-ukaz-o-vstuplenii-ukrainy-v-nato> (accessed 24.02.2021)

⁸ Bucharest Summit Declaration. NATO. 3 April 2008. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_8443.htm (accessed 10.01.2021)

⁹ Joint Declaration on the EU-Ukraine Association Agreement within the EU-Ukraine Summit press release. 9 September 2008, https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/er/102633.pdf (accessed 24.02.2021)

What can explain the divergence between the political and cultural preferences of Belarusians and southeastern Ukrainians, on the one hand, and western-central Ukrainians on the other?

A realist explanation of Ukrainian and Belarusian strategy appears insupportable: the two countries faced roughly equivalent situations from the moment of their independence, yet Ukraine from the outset saw Russia as a potential threat that could be countered through Atlantic alignment, while Belarus has ensured its security by alignment with Russia itself. Materialist explanations also fail to explain Ukrainian and Belarusian economic choices: at their independence, both countries were highly integrated with the Russian economy, heavily dependent on agriculture and industry with questionable competitiveness in western European markets and benefitting from the transit and/or refinement of Russian energy exports to western and central Europe. Yet Belarus responded to these conditions by (re-)integrating with Russian markets, and by accommodating Moscow's strategic interests in exchange for continued low-cost access to Russian energy exports. Ukraine, in contrast, eschewed significant economic integration with Russia, ultimately sacrificing what little it had secured for the sake of integration into EU markets, and rebuffed Russian offers of continued access to low-cost energy in exchange for political alignment or at least neutrality.

In place of these materialist explanations, I argue that the divergent paths of Ukraine and Belarus can be explained by the differences in Belarusians' and western-central Ukrainians' national identities. The dominant Belarusian national identity holds Belarusians and (Great) Russians to be "brotherly peoples", as stated in the 1999 treaty establishing the Union State¹⁰ and as constantly reiterated by Belarusian and Russian elites. Consequently, close alignment with Russia is fully in keeping with Belarusian national identity and interests. In contrast, the Ukrainian national identity that is dominant throughout the country in general, and in its west and center in particular, holds Ukraine to be a "western", "European" country, but does not view Russia as one. Consequently, close alignment with western-central Europe is in keeping with Ukrainian national identity and interests, even though (or especially because) this inevitably entails a distancing from Russia. As this alignment proceeds, the increasingly forceful Russian reaction to it – driven by a combination of military-strategic, economic, and ideological motives – further reinforces the dominant version of Ukrainian national identity, which constructs explicit barriers between the Ukrainian and (Great) Russian nations, viewing the latter as an adversarial "other".

¹⁰ Целями Союзного государства являются: обеспечение мирного и демократического развития братских народов государств-участников... [The goals of the Union State are: ensuring the peaceful and democratic development of the brotherly peoples of the member-states...], Article 2, Point 1 of the Договор между Российской федерацией и Республикой Беларусь "О создании Союзного государства" [Treaty Between the Russian Federation and the Republic of Belarus "On the formation of the Union State"]. 8 December 1999. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=25282&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9846671118660278> (accessed 24.02.2021)

This explanation is supported by strictly symbolic and cultural actions and attitudes of Belarusians and Ukrainians, which express their national identities and defy materialist accounts.

Compare, *inter alia*, the Belarusians' abovementioned 1995 rejection of state symbols associated with Lithuanian and German – rather than Russian – rule, versus the Ukrainians' rehabilitation of the anti-Soviet Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) / Ukrainian Insurgent Army (UPA), and of Ukrainian leaders who resisted Russian rule.

For instance, Stepan Mazepa, a Ukrainian Hetman who defected from Russia to Sweden during the Great Northern War, is lionized in some Ukrainian textbooks as a man who “tried to make Ukraine a great European state and to free it from the knout of the Muscovite Tsardom”¹¹. His birthday was made a national holiday in 2008¹², and a state medal was established in his honor in 2009¹³.

Stepan Bandera, a leader of the OUN, and Roman Shukhevich, the commander of the UPA, were similarly made Heroes of Ukraine in 2007 and 2010 (although these awards were annulled by the Ukrainian courts in 2011 on the grounds that they can be made only to citizens of Ukraine)¹⁴. It should be noted that the OUN/UPA participated in, and independently conducted, genocide of Jews and Poles, respectively. Celebrating them, and the organizations that they led, is thus a radical move that – insofar as it is adopted by Ukrainian nationalism – represents a total break between it and Russia (as well as modern European identity, and understanding of the Second World War, more generally)¹⁵.

Yet one more, even clearer expression of the presently dominant Ukrainian identity's particularistic nature (*vis-à-vis* other *Rusian* nations): since 2016, the Ukrainian Ministry of Education has recommended eight geography textbooks. According to the first one listed, Ukrainians and Poles have Slavic ancestry, but (Great) Russians are Finno-Ugrics and Belarusians are Balts.¹⁶

¹¹ Маркарян К. et al. Гитлера победили румыны, а Наполеона – украинцы? *Комсомольская правда*. 1 сентября 2005. <https://www.kp.ru/daily/23571/43923/print/> (accessed 24.02.2021)

¹² Верховная рада України підтримала святкування на державному ювілеї Бандери та Мазепи. *Regnum*, 25 грудня 2008. URL: <https://regnum.ru/news/1105096.html> (accessed 23.02.2021)

¹³ Про відзнаку Президента України – Хрест Івана Мазепи. Указ Президента України 189/2009. 26 березня 2009. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/189/2009> (accessed 24.02.2021)

¹⁴ Бандера і Шухевич осталися без звання Героя України. *BBC Russian Service*. 2 серпня 2011. URL: https://web.archive.org/web/20190329033257/https://www.bbc.com/russian/russia/2011/08/110802_bandera_shukhevich_court (accessed 24.02.2021)

¹⁵ On the actions and memory of Bandera, Shukhevych, and the OUN/UPA, see, *inter alia*: Berkhoff 2008, Himka 2011, Liebich and Myshlovskaya 2014, Rudling 2016.

¹⁶ Масляк П.О., Капіруліна С.Л. *Географія: Підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів*. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2016. С. 271. Full passage: “Linguistic proximity between two nations does not always indicate that they, or even their races, are genetically close to one another. Thus, the Turkic peoples belong to different races, even though their languages are very close to one another. For instance, Azeris are Europid, while Kazakhs, Kyrgyz, and Yakuts are Mongoloid. The Slavic-speaking Russians have a Finno-Ugric origin, and the Bulgarians, who are close to them linguistically, have a Turkic origin. The Belarusians and Poles, who are close to Ukrainians linguistically, have different genetic origins: Poles, a Slavic one, and Belarusians, a Baltic one”.

Conventional explanations of nationalism – how recent is a particularistic Ukrainian national identity?

Why are national identities in Belarus and (to a lesser extent) southeastern Ukraine non-particularistic, while Ukrainian identity in western-central Ukraine is particularistic? Gellner sees nationalism as a source of social cohesion in atomized modern society, and a mechanism for coordination in an industrial economy (Gellner 1983). Anderson conceives of it in a rather less instrumental manner, holding that it is generated within networks of “print capitalism” and the boundaries defining the “pilgrimages” of elites (Anderson 1983). Darden argues that the first generation to be schooled and acquire literacy adopts whatever identity is conveyed via its education (Darden 2013). Many Russian nationalists today argue that the Soviet Union’s policies of *korenizatsiia* (“nativization”), and its separation of the largely unitary Russian Empire into multiple semi-autonomous states, manufactured nationalist and separatist identities amongst the “titular nationalities” – that, in the words of President Putin, Lenin “laid an atomic bomb beneath the building that is Russia”¹⁷. This theory is to some degree supported by academic arguments to the effect that Soviet nationalities policy constructed nations, national elites, and proto-nation-states – all of which would ultimately break the USSR apart into sovereign states along the lines of its republics – on ground where national identity had not been homogeneous, strongly held, or even existent to begin with (Hirsch 2005; Slezkine 1994; Suny 1993; Brubaker 1996; Fowkes 1997; Simon 1991).

All of these theories likely have some truth to them, yet none can explain why Belarusian, (western-central) Ukrainian, and (southeastern) Ukrainian national identities have such varying levels of particularism.

First, it is not the case that national identity developed only in western Ukraine: 78% of Ukraine’s citizens claimed Ukrainian nationality in the 2001 census¹⁸, and 84% of Belarus’ citizens claimed Belarusian nationality in the 2009 one¹⁹. Thus, there is a difference in the *content* of Belarusian and the various Ukrainian national identities,

Ukrainian original: “Близькість мови не завжди означає близькість генетичного походження народів чи навіть їхньої раси. Так, дуже близькі між собою за мовами тюркські народи належать навіть до різних рас. Наприклад, азербайджанці – до європеїдної, а казахи, киргизи чи якути – до монголоїдної. Слов’яномовні росіяни мають угро-фіньське походження, а найближчі до них за мовою болгари – тюркське. Мовно найближчі до українців білоруси і поляки теж мають різне генетичне походження. Поляки – слов’янське, а білоруси – балтійське”.

The list of textbooks recommended by the Ministry of Education and Science of Ukraine: “Перелік підручників для учнів 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів, що можуть друкуватися за кошти державного бюджету”. Наказ Міністерства освіти і науки України № 586, 27 мая 2016. URL: https://osvita.ua/doc/files/news/514/51469/perelik_derzhzhamovlennya.doc (accessed 24.02.2021)

¹⁷ Владимир Путин обвинил Владимира Ленина в развале СССР. *Коммерсантъ*. 21 января 2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2897423> (accessed 24.02.2021)

¹⁸ Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Всеукраинская перепись населения 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality> (accessed 24.02.2021)

¹⁹ National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Changes in the population of the majority ethnic groups. Population Census 2009. URL: <http://belstat.gov.by/homep/en/census/2009/main.php> (accessed 24.02.2021)

not in their outright presence. Yet Gellner and Anderson do not deal with the content of nationalism (including how it relates to other nations), only its existence.

Second, Belarus and Ukraine were “treated” by these theories’ independent variables in a roughly similar manner: socio-economic modernization (Gellner and Anderson) and the spread of education and literacy (Anderson and Darden) occurred in western Ukraine, southeastern Ukraine, and Belarus to roughly the same degrees at roughly the same times: both were overwhelmingly agricultural and uneducated lands through the 19th century, with limited economic and educational modernization beginning at the very end of the century and ramping up in the 1930’s and 1920’s, respectively. For instance, the literacy rates of ethnically-Ukrainian and -Belarusian lands were quite low as recorded in the 1897 census (Рашин 1956) (Table 1, Table 2).

Table 1. Significantly- or primarily-ethnolinguistically-Belarusian governates

<u>governate</u>	<u>% literate</u>
Mogilyov	16
Minsk	16
Vitebsk	16
Vilnius	17
Grodno	17

Source: (Рашин 1956)

Table 2. Significantly- or primarily-ethnolinguistically-Ukrainian governates

<u>governate</u>	<u>% literate</u>
Podolia	16
Bessarabia	16
Voronezh	16
Kursk	16
Kharkov	17
Poltava	17
Volhynia	17
Kiev	18
Chernigov	18
Yekaterinoslav	22
Don Cossacks	22
Kherson	26
Tauridia	28

Source: (Рашин 1956)

Now, it is not so obvious that the Belarusian and Ukrainian Soviet Republics experienced roughly equivalent policies of *korenizatsiya*, or that the content of their schooling, which spread mainly during the Soviet period, was essentially the same (though this very well might be the case). It is thus not immediately obvious that the “mass schooling” and “Soviet bomb” theses are incorrect, that they cannot account for the Ukrainian-Belarusian divergence. However, if they were right, or if either of the other

theories were, then the divergence in levels of particularism would have occurred *during* the Soviet period – and this is contradicted by its observation *prior* to Soviet rule.

Figure 1. Percent of vote won in 1917 by Belarusian/Ukrainian national-separatist parties, percent of population speaking Belarusian/Ukrainian per the 1897 Census, and the ratio of the former to the later, by gubernate, amongst gubernates of the Russian Empire/Republic in which at least 10% of the population was (per the 1897 Census) Belarusian/Ukrainian-speaking

Source: Work of the author, based on data from the 1897 Russian census and on the results of the 1917 Russian elections: (Тройницкий 1905: 20-21, 36-37, 38-39, 54-55; Radkey 1990: 148-151, 157, 160)

In the autumn of 1917, elections were conducted throughout the Russian Republic. They were *mostly* free and fair and, unlike their predecessors under Romanov rule,

had universal suffrage (Radkey 1990). As the first and last such elections to occur before 1989, they offer an excellent window into the political and ideological leanings of the peoples of the Russian Empire, *prior* to Soviet rule and all its attendant transformations. They reveal a high level of support in Ukraine, particularly western Ukraine, for separatism from Russia, but no such support in Belarus.

The map (Figure 1) summarizes the level of support received by Belarusian and Ukrainian nationalist-separatist parties, and the Table 3 provides more detailed data.

Governates are colored on a white-to-blue or white-to-red scale, with full blue/red indicating that the fraction of Ukrainian/Belarusian nationalist-separatist support in a governate is equal to the fraction that is ethnically Ukrainian/Belarusian – that is, that the entire Ukrainian/Belarusian population of the given governate supports Ukrainian/Belarusian nationalism-separatism.

Note that Ukrainians and Ukrainian separatist parties are not considered in Belarusian governates, nor are Belarusians or Belarusian separatist parties considered in Ukrainian governates. Note also that red is essentially not visible on the map, because support for Belarusian nationalist/separatist parties was so low. Furthermore, elections were not conducted in the majority-Belarusian governates of Grodno and Vilnius (light gray), due to their occupation by Germany. Lastly, votes for joint lists including Ukrainian nationalist-separatist parties are counted as votes for Ukrainian nationalism-separatism – except in Kharkov and Kherson. There, the proportion of such votes is so large that whether one makes this assumption or not completely changes the results for the governates. (In other governates, the difference is only 1% or, in Poltava, 17%). Therefore, the two governates are colored yellow, and their figures with and without the joint lists are presented.

I follow Radkey in his identification of Ukrainian and Belarusian nationalist-separatist parties (Radkey 1990). The first category consists of the Ukrainian Party of Socialist Revolutionaries, the Ukrainian Social Democratic Labor Party, the Ukrainian Party of Socialist Federalists, the Ukrainian Democratic Farmers' Party (he calls it the "Ukrainian Toilers' List"), the Ukrainian National Republican Party, and certain non-partisan independents and middle-class parties that Radkey considers to be Ukrainian nationalist (Radkey is supported by Soldatenko in his identification of Ukrainian nationalist-separatist parties: Soldatenko writes that, by 1917, the most influential such parties were the Ukrainian Party of Socialist Revolutionaries, the Ukrainian Social Democratic Labor Party, the Ukrainian Party of Socialist Federalists, the Ukrainian Party of Autonomist Socialists, and the Ukrainian Democratic Farmers' Party²⁰ (Soldatenko 2009: 37)). The second group consists of the Belarusian Socialist Gromada (Minsk Governate), the Vitebsk Belarusian People's Union (Vitebsk Governate), and "Belarusian organizations" (Mogilev Governate, electoral list no. 8).

²⁰ The actual names of these parties are: Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинская партия социалистов-федералистов (УПСФ), Украинская партия самостийников-социалистов (УПСС), Украинская хлеборобско-демократическая партия (УХДП).

There is, however, a question of interpreting votes for these parties. Were they actually nationalist-separatist, rather than just focused on a region, or on some degree of national autonomy? If they were nationalist, then in what manner, and how did their nationalism translate into practical programs and actions? This question is actually irrelevant with regard to the virtually nonexistent Belarusian parties, but I argue not only that the major Ukrainian parties were nationalist, but that this nationalism translated into programs ranging from maximal autonomy to outright independence.

Soldatenko writes that the “socio-political movement in Ukraine... had its own unique tasks... the liberation and revival of the Ukrainian nation...” and that the programs of the abovementioned Ukrainian nationalist parties “had the goal of transforming the ethnic community of Ukrainians into a full, modern political nation. The critical aspect of movement in that direction... was the creation of [Ukraine’s] own statehood” (Солдатенко 2009: 36-37). By far the most popular of the abovementioned parties was the Ukrainian Party of Socialist Revolutionaries (Radkey 1990), a party that split from the Socialist Revolutionaries in March 1917. Radkey writes that the party, which “had by far the largest following in the Ukraine”, “was more extreme in the nationalist than in the socialist sense” (Radkey 1990: 147).

Initially, the nationalists largely demanded “wide national-territorial autonomy for Ukraine within the federative democratic republic of Russia” with only foreign policy, defense, the monetary system, and intra-federal infrastructure delegated to Moscow (Солдатенко 2009: 38). However, soon after the 1917 elections, on 12 January 1918, the Ukrainian People’s Republic, which had already proclaimed autonomy, declared full independence.

Now, it should be noted that this occurred in the context of a quasi-war between the UPR and the Bolsheviks, who both sought control over the entirety of Ukraine. However, independence was not, in this situation, the obvious choice for a group that was seeking autonomy and socialism for Ukraine and was opposed to the Bolsheviks. For one thing, the Constituent Assembly elected in 1917 had not yet been disbanded (indeed, it had not yet convened), and it would be dominated by the very party that the foremost Ukrainian nationalist party, the Ukrainian Party of Socialist Revolutionaries, had separated from less than a year earlier: the Socialist Revolutionaries. Furthermore, even if the Constituent Assembly could not oppose the Bolsheviks (which would turn out to be the case), there were other forces that could: namely, the Whites. Moreover, even if Ukraine could successfully attain independence from Russia, this would not guarantee its independence in general. Indeed, Central Powers forces would overrun the Ukrainian People’s Republic within weeks of its independence, reducing it to a protectorate headed by the reactionary Hetman Skoropadskiy.

Thus, independence was hardly the obvious choice for a movement trying to achieve autonomy and social justice for Ukraine while resisting the Bolshevik dictatorship. Its selection is therefore easier understood as an end than as a means. Indeed, the Rada may not have waited for the Constituent Assembly to convene precisely because,

if it *were* successful in establishing its authority in opposition to the Bolsheviks, this would reduce the necessity and legitimacy of Ukrainian independence.

It is true that Belarusian independence was eventually declared, but this happened only in late March – after the Germans had occupied Belarus and the Bolsheviks had themselves ceded it – rather than early January. Even more importantly, independence was declared by an assembly of representatives from the three abovementioned nationalist parties – which had received virtually no support in the 1917 election – rather than by parties that had won majority support throughout much of the land. Thus, there is reason to believe that independence was opposed, or at least not supported, by the vast majority of the Belarusian population, and the Belarusian People’s Republic is best viewed as a collaborationist government drawing its power almost entirely from the support (or at least semi-benign neglect) of its German conquerors, who were interested in a Belarusian protectorate as a buffer state.

The nationalist-separatist nature of the Ukrainian parties is further supported by the identity of their leader. On March 17, Mikhaylo Hrushevskiy – a historian of Ukraine – became speaker of the Central Rada of the Ukrainian People’s Republic, which was still an autonomous part of the Russian Republic at the time. A member of the Ukrainian Party of Socialist Revolutionaries, it was under his leadership that the UPR would proclaim full independence ten months later, and he was its first and only leader before the Germans turned it into the protectorate Ukrainian State. His positions, therefore, are important for understanding both the UPSR and the other Ukrainian nationalist parties that, together with the UPSR, pursued the UPR’s independence.

A 1903 article written by Hrushevskiy clearly sets out the views relevant to this study (Грушевский 1903):

“We know that the Kievan state, and Kievan law and culture, were the creation of a single people, the Ukrainian-Russian (украинско-русская), and that the Vladimir-Muscovite state, law, and culture were the creation of another, the Great Russian...”

The Kievan period led not into the Vladimir-Muscovite, but into the Galician-Volhynian period of the 13th century, and then into the Lithuanian-Polish period of the 14-16th centuries. The Vladimir-Muscovite state was not an heir or a successor of the Kievan, but grew from its own roots, and the relation of the Kievan state to it is more analogous to the relation of the Roman state to its Gallic provinces, than it is to the continuity of two periods in the political and cultural life of France. Law, culture, and forms of socio-political structure that had all been developed within the historical life of Kiev were transplanted by the Kievan government onto Great Russian lands, but the Kievan state must not be included in the history of the Great Russian people on such grounds...

Ultimately, “common Russian” (общерусская) history cannot exist, because there is no “common Russian” people. There can be only a history of the “Russian peoples”, as some are inclined to call them, or rather a history of the Eastern Slavs...

The Ukrainian-Russian people has for centuries lived without a national state, under the influence of different state organizations...

In short, Hrushevskiy argued that Ukrainians were a people entirely separate from (and perhaps superior to) the other Russian peoples (i.e. Great Russians and Belarusians), and in dire need of its own “national state”.

In sum, a vote for one of the nationalist parties was a vote for parties with programs ranging from maximal autonomy to outright independence, for parties that would proclaim the latter only a few months after the 1917 elections, and for parties whose leadership espoused textbook nationalist positions that viewed the Ukrainian nation as an organism entirely distinct from other Russian peoples. This is especially clear given that the Ukrainian Party of Socialist Revolutionaries differed from the Party of Socialist Revolutionaries, and the Ukrainian Social Democratic Labor Party from the Social Democratic Labor Party, only in their Ukrainian nationalism – and the all-Russian SRs and SDs themselves already supported federalism, which was indeed established *de jure* by the short-lived Constituent Assembly that the SRs dominated (Морозов 2017).

Thus, in 1917, Ukrainians in western-central Ukraine voted largely for separatist parties, indicating that they not only possessed a strong national identity, but that this identity was particularist and anti-Russian separatist. Belarusians did not vote for separatist parties, but it is impossible to conclude from this whether they had little national identity, or whether that identity simply promoted integration with the other Russian nations.

As mentioned above, the arguments of Gellner, Anderson, and Darden seem applicable only once modernization intensified under Soviet rule, which is contradicted by the Ukrainian nationalism evident in the 1917 election. Moreover, insofar as socio-economic modernization and the expansion of schooling *had* occurred by 1917, they would have taken place within a unitary Russian Empire pursuing assimilationist policies, and Gellner, Anderson, and Darden would all predict the development of national consciousness in Belarus and Ukraine that was compatible with or identical to (Great) Russian national identity. In Ukraine, this is clearly not what happened. It was not only Austrian Galicia that, as Darden argues, developed a separatist Ukrainian national identity: much of the Ukrainian people had developed (or retained) such an identity, and the attendant political aspirations, by 1917 – *while under Imperial Russian rule*. None of the abovementioned theories can account for this. In the rest of this paper, I try to find something that can.

Was western Ukraine always on a different path?

First, though, we must address the possibility that western Ukrainian national identity was always particularist and exclusive of (Great) Russians. If it were, we would no longer have to explain a transformation in it, though we would, ideally, explain

why it was different in the first place. However, there is little reason to believe that the nature of national identity in western Ukraine differed greatly, in the medieval period, from that in eastern Ukrainian lands, in Belarus, or in modern Russia.

In *The Origins of the Slavic Nations*, Serhii Plokhy posits two types of Russian identity: a narrow one and a broad one. The former referred to the core of the Rus proto-state, centered on Kyiv, and the latter to the entire realm, extending all the way north to Novgorod. However, neither identity – by its presence or its absence – offers a basis for some sort of particularistic Ukrainian national identity that was strongest in western-central Ukraine.

Plokhy writes that, despite the existence of the narrow Russian identity, it is impossible to discern any notion of a coherent southern Russian (Ukrainian) group or nation, distinct from other Russian populations (Plokhy 2006: 46-47). His “rereading of the sources shows no sign of an identity that might define the population of what is now Ukrainian territory... as a single entity in opposition to a “non-Ukrainian” other. No such identity existed at the time” (Plokhy 2006: 47). To some degree, this was inevitable, because narrow Rus comprised the principalities of Kyiv, Chernihiv, and Pereyaslavl (Plokhy 2006: 38). About one third of these lands are around modern-day Belgorod, Bryansk, Kursk, and Oryol in the Russian Federation – which are mostly or entirely ethnically (Great) Russian and which evidenced little to no desire to separate from Russia in 1917. It also *excludes* most of modern Ukraine: its entire southeast, as well as everything west of Zhytomyr and Vinnytsya Oblasts (Plokhy 2006: XV). Thus, any legacy of the narrow Russian identity would be focused on, and presumably located in, central Ukraine and southwestern Russia. It would not be focused on the whole of modern Ukraine, or held most strongly in the country’s center and especially its west. Furthermore, even if a regional identity overlapping with modern Ukraine *did* exist, this would still not explain why it was stronger than other regional identities, or why it alone led to a particularist national identity. After all, the Russian core was not the only part of Rus with a strong local identity: “even [the] political loyalty [of Russian elites]... was [foremost] to their lands of Rus, Suzdal, Novgorod, Polatsk, and so on, not to the Rurikid realm” (Plokhy 2006: 47). Overall, then, it is impossible to see the narrow Russian identity as equivalent to, or the basis for, a particularist Ukrainian nationalism.

As for the broad Russian identity, it “endowed [the elites of the Russian core] with a sense of common identity extending beyond the boundaries of the Rus Land in the narrow sense” (Plokhy 2006: 48). Insofar as it was held, such an identity would inherently preclude any southern Russian, southwestern Russian, or Galician particularistic national identity. And scholarship of the 20th and 21st centuries has asserted the (at least partial) formation and endurance of such an all-Russian (*общерусское*) identity within the medieval Russian state (Кучин, 2015). And it was probably the core Russian elites who held this broad, all-Russian identity more strongly than anyone else. After all, they were its primary beneficiaries: it supported the “unity project of the Kyivan political and intellectual elites” (Plokhy 2006: 39), under whose rule the non-core principalities frequently chafed, resisting the “economic exploitation” and “political and

cultural 'Rusification' that attended it (Plokhly 2006: 40-41). In sum, it is difficult to see why the core of the Rus State, the primary beneficiary of its unity, would have held an all-Russian identity less strongly than its provincial subjects did. If anything, the reverse would likely have been the case.

Overall, then, it is impossible to identify an unusually strong particularist identity, in the west and center of modern Ukraine, in the medieval period. It is equally impossible to identify an unusually weak all-Russian identity in the territory of modern Ukraine – if anything, it was perhaps unusually *strong* in the country's center. There is consequently no basis for assuming that western-central Ukraine had an especially particularist version of national identity during the period of the medieval Russian State, and we must look later in history to find the origins of that version.

The Polish fork in the historical road

My argument, in short, is that the particularistic variant of Ukrainian national identity is a consequence of Polish rule. From the 1300's, increasingly large portions of Galicia were conquered by Poland, and in 1569, the Union of Lublin joined Lithuania and Poland into a Commonwealth – and, crucially, transferred to Poland all of the territory ruled by Lithuania that today lies within Ukraine. As a result, Poland ruled over the various parts of western-central Ukraine for many centuries, while the Grand Duchy of Lithuania retained what is today Belarus, and southeastern Ukraine and ethnically-Ukrainian territories that today lie within Russia were either unsettled by Russians or ruled by Russia.

Polish rule, I argue, differed significantly from Lithuanian rule, in that Poland more or less consistently pursued a strongly assimilationist policy. This, obviously, ultimately failed to endow the southern Russian people or elites with a Polish identity, but it *did* alter the nature of their Russian identity. By westernizing them, partial Polonization made southern Russians (modern Ukrainians) perceive themselves as different from non-Westernized Russians, and thus regard the Ukrainian nation as entirely separate from the other Russian peoples – perhaps separated by a Huntingtonian civilizational divide (Huntington 1996). This particularist version of Ukrainian national identity, in turn, is expressed in – and the cause of – nationalist-separatist voting in Ukraine in 1917, and the pro-Atlantic/anti-Russian sentiment of the majority of Ukrainians in the modern day.

In this section, I present the distinctions between Polish and Lithuanian rule over Russian territories, with regard to issues of culture and national identity, and some evidence that a westernized Ukrainian identity exists and has endured to the present day.

First, with regard to language, it is notable that the Russian/Ruthenian language (related to modern Belarusian and, to a lesser extent, Ukrainian) held a very high status within the Grand Duchy of Lithuania for the first centuries of its rule over Russian lands. It was the language of administration, law, and the court, and it served as the Grand Duchy's *lingua franca* (Danylenko 2017: 33-34). This began to change in the

territories retained by Lithuania after the 1569 Union, but it did so slowly. The Lithuanian elite – of Lithuanian and Russian ethnicity – was initially resistant to the spread of Polish and Latin (Danylenko 2017: 35), and Ruthenian remained a *lingua franca* and a major official language within the Duchy until the end of the 17th century (Bednarczuk 2013: 24; Danylenko 2017: 34; Plochy 2006: 309). At this point, some scholars mark the “total victory” of Polish over it (ИВАНОВ 2003), but others note that – outside of the chancellery and the highest ranks of the Lithuanian nobility – Ruthenian’s “vernacular variety even gained new ground at the [expense] of Lithuanian, since Ruthenian... never ceased to be a *lingua franca* until 1795, when Lithuanian came to be used in printing... Polonization brought about the disappearance of the standard variety of Ruthenian in the milieu of the local elite, while the commoners and landed gentry remained diglossic in practicing local varieties of non-standard Ruthenian in combination with either Polish or Lithuanian” (Danylenko 2017: 41). Essentially, linguistic Polonization of Lithuania required the adoption of Polish (and/or Latin) by an elite that was still largely (and jealously) in control of its own country and already in possession of other spoken (Lithuanian and Ruthenian) and written (Ruthenian) languages. To be sure, Polonization was nevertheless to some degree eventually accomplished, but the process was slow and limited.

This was not the case in Ukraine, where the abovementioned factors did not hold after 1569. With Ukraine’s transfer to the Kingdom of Poland, it became part of a polity whose only two official languages were Polish and Latin (though local administrations, in some cases, continued at least partially using Russian for some time). A process that would take more than 150 years to complete in Belarus took place essentially overnight in Ukraine. As a result, by the early 1600’s, even the Orthodox clergy of Ukraine had largely converted to the use of Polish (Snyder 2003: 107). And, of course, in the Galician territories that had been Polish since the 14th century, all this had happened more than two centuries earlier.

The situation was similar with regard to religion: Polonization in both Belarus and Ukraine, but slower and less complete in the former, still under Lithuanian rule. The 16th century Lithuanian elite was substantially Protestant and, thanks to the Grand Duchy’s autonomy, was able to secure religious freedom greater than that which existed under the Polish Crown. The 1563 Privilege of Vilnius lifted all restrictions on the Orthodox (as well as Protestants) (Kempa 2010: 38). Though it only survived until 1596 (Kempa 2010: 38), religious freedom remained substantially greater in Lithuania than in Poland for decades to come, protected by the Third Lithuanian Statute of 1588. “Protestantism, especially Calvinism, became a manifestation of Lithuanian autonomy”, and “Lithuanian deputies in parliament” thus “often made common cause with Eastern Orthodox nobles”, thereby protecting the status of Protestantism, Orthodoxy, and the Grand Duchy itself (Stone 2001: 216).

This stood in contrast to the situation in the Polish Crown, where the religious-freedom-guaranteeing Warsaw Confederation was undermined even as provisions similar to its own were being implemented in the Third Lithuanian Statute (Kempa

2010: 39). Overall, “the ‘golden era’ of religious tolerance did not last as long in the majority of Crown cities as it did in Lithuanian cities” (Kempa 2010: 40). Indeed, the Ukrainian nobility that remained after the 1569 transfer largely abandoned Orthodoxy almost immediately (Subtelny 1994: 95).

This said, religious tolerance had largely ended in Lithuania, and Orthodoxy entered into rapid retreat there, by the second half of the 17th century (Kempa 2010: 57, 59). But, as with language, there was still a major difference between Ukraine and Belarus in both the timing and the intensity of assimilation – one that is detectable even in the modern era.

Soviet data are obviously not useful on questions of religion. 1897 Imperial Russian data are also not ideal, as they do not cover Galicia and do not distinguish between speakers of (Great) Russian, Belarusian, and Ukrainian. Interwar Polish censuses, on the other hand, depict a sharp contrast between the religious identities of Belarusians and Ukrainians (the 1921 and 1931 censuses provide near-identical results). At the time, Poland held about half of Belarus, and just under half of west-central Ukraine. And the 1931 census reports that, while 94% of Belarusians were Orthodox, only 31% of Ukrainians were²¹. “Locals” (“tutejszy”) are here considered to be Belarusians, as they were peasants in the Polesie Voivodeship (modern Belarus) who spoke a dialect of Belarusian. “Ruthenians”, conversely, are considered Ukrainians, as they were almost entirely recorded as living in modern-day Ukraine.

Now, to be clear, this very low figure for Ukrainians is not representative of Ukrainians as a whole, or even of Ukrainians in west-central Ukraine in particular. While the Ukrainians of the Galician voivodeships reported almost unanimous adherence to Roman or Greek Catholicism, those of the Volhynian Voivodeship were virtually all Orthodox. And central Ukraine was probably far more like Volhynia than Galicia. Nevertheless, the point stands that about a third of long-time-Polish Ukraine (and precisely the fraction that was under Polish rule for the longest) was, even in the 20th century, largely assimilated to (Greek) Catholicism, while almost no Belarusians were.

Aside from linguistic and religious assimilation, Polonization also took a more direct route: the settlement of Poles in Russian territories. But, in Lithuania, its extent was limited by “protectionist barriers against Polish settlement” (Stone 2001: 225). The “gentry were able to use the executive power they retained after 1569 to protect their landholdings, and in any case the Lithuanian Statutes remained the highest law. The 1588 Statute of the Grand Duchy of Lithuania was designed in part to protect native Lithuanian landholders” (Snyder 2003: 111-112).

After Ukraine's transfer to the Polish Crown, however, no such defenses remained there (Snyder 2003: 111-112). This allowed “a few Polish families [to gain] enormous landholdings in Ukraine” in the decades after 1568, and soon “thousands of petty Pol-

²¹ “Drugi Powszechny Spis Ludności, z dn. 9.XII 1931 r.”. Główny Urząd Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. URL: http://statlibr.stat.gov.pl/exlibris/aleph/a18_1/apache_media/VUNVGMLANSQQQFGYHCN3VDLK12A9U5.pdf (accessed 24.02.2021)

ish nobles...followed to work for [them]" (Snyder 2003: 111-112). By the eve of the Khmelnytsky Uprising, "about two-thirds of all 'super-magnates' [in the Kiev Palatinate] were [Polonized] Volhynian, [Polonized] Red Ruthenian, and Polish", as were a third of all the nobles in the Palatinate (Borzecki 1996: 55-56, 59). The colonists "mixed with the local Ruthenian nobility, transforming it from the Lithuanian nobility of Russian tradition... into a Polish nobility" (Stone 2001: 225), and soon, "even the local Kievan magnate families were often non-Orthodox and Polonized" (Borzecki 1996: 55-56). Ukrainian nobles "abandoned the faith of their forefathers in droves and embraced Catholicism along with Polish language and culture", a catastrophic "decapitation" of the Ukrainian people (Subtelny 1994: 95-96). With the nobility came Polish soldiers and administrators (Snyder 2003: 111-112), as well as burghers; Russian urbanites soon found themselves outnumbered and discriminated against by Poles and other foreigners (Borzecki 1996: 57). In general, colonization "accelerated the process of Polonization" in Ukraine (Stone 2001: 225), facilitating the import of Polish civilization via the courts of magnates. "Less than a century after 1568, we find enormously wealthy estates in Ukraine whose guardians were as Polish as the Poles, if not more so. Ukraine provided new summits for Polish high culture..." (Snyder 2003: 111-112).

Another major difference between Lithuania and Poland is that Russians comprised the overwhelming majority of the Grand Duchy's population, and had relatively high status within Lithuania. These facts are partly reflected by the abovementioned position of the Ruthenian language in Lithuania, but another illustration is provided by the large role that Russians played in the administration of the Lithuanian capital itself, where they were guaranteed half the seats on the city council (Kempa 2010: 40). This was obviously not the case in Warsaw or Krakow. Russians' position as a high-status majority, rather than a low-status minority subject to foreign colonization, enhanced their ability to resist Polonization in Lithuania.

In sum, while Ukraine had been "a source of high culture in medieval Lithuania", it became "the target of civilizers in early modern Poland". Early modern Ukraine "beg[an] with a connection to Warsaw" (Snyder 2003: 106). Polonization advanced in Lithuania, too, but it was retarded and limited by the sheer size of the Russian majority; by the high status that Russian culture, language, and even religion had previously held in Lithuania; by the initially non-Polish identity of the Lithuanian nobility; by the fear of Polish political (and perhaps cultural) domination that was held by that nobility; by the religious heterogeneity of Lithuania that was protected by the Grand Duchy's autonomy; by the blocks on Polish colonization that (if nothing else) were motivated by the economic interests of the Lithuanian nobility; and more. Thus, while the Union of Lublin opened all of Ruthenia to Polonization, the Polish-incorporated territories were particularly affected (Borzecki 1996: 60-61). After the Union, "the Belarusian lands remained within the borders of the Grand Duchy of Lithuania, while Polish-annexed southern Rus (Ukraine) was subjected to intensive colonization and Polonization" (Петкевич 2005: 79).

The consequence of this Polonization, as stated earlier, was obviously not the ultimate adoption of a Polish national identity by most Ukrainians, even the Ukrainian

elite. But it clearly did affect their culture, as the Polish language, religion, political thought, *Latinitas*, and other cultural elements were transmitted to the Ukrainian people and especially elite. Insofar as these elements embedded themselves, they changed Ukrainian culture and national identity, Polonizing and westernizing them. The Ukrainian nation was then, consequently, seen to have more in common with Poland and/or the West and less in common with other Russian nations (in particular the (Great) Russian).

This view, and its concentration precisely in those areas that were under Polish rule longest, is illustrated by a 2018 survey that includes questions on whether Ukrainians view their country as having more in common with Western Europe or Russia. While there is little cross-regional variation in Ukrainians' views of their country's similarity to Russia versus Western Europe in terms of things like its social welfare programs, employment and quality of life, and even development of democracy, there are *sharp* differences with respect to Ukraine's civilizational "essence". Central and especially western Ukrainians view Ukraine has having much more in common with Western Europe and less in common with Russia, in terms of its morality, values, and culture, relative to their compatriots in the south and east (Figure 2, Figure 3).

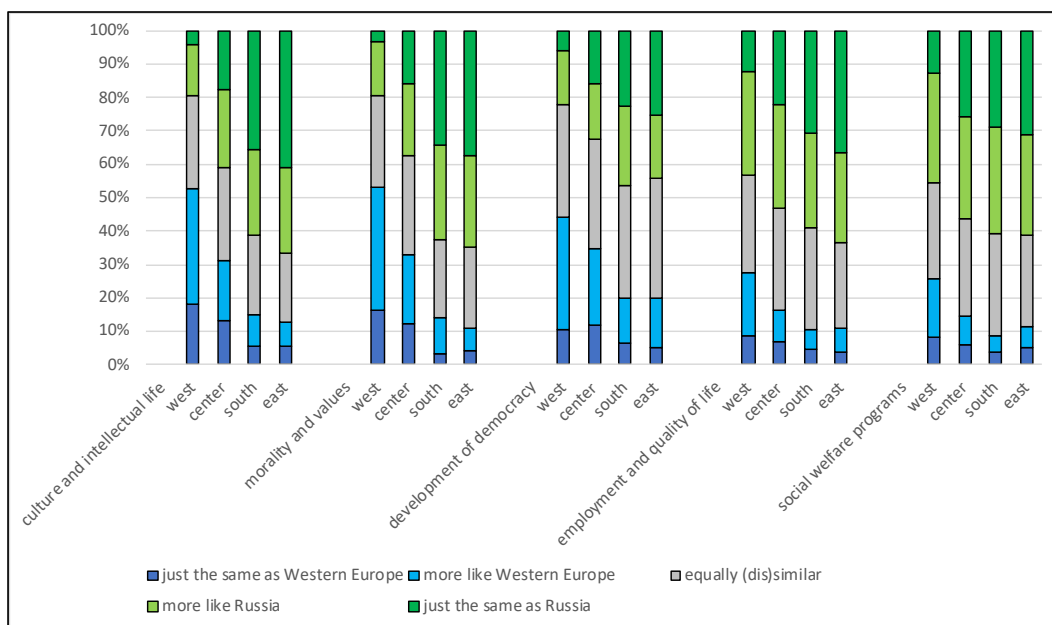

Figure 2. Perception of Ukraine's proximity to Western Europe versus Russia, by answer, characteristic, and region

Source: Динаміка суспільно-політичних поглядів в Україні, 13-31 березня 2018. Conducted by Соціологічна група "Рейтинг" for the Center for Insights in Survey Research, International Republican Institute. URL: https://web.archive.org/web/20190425060159/http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/2018_03-national_ua-official.pdf (accessed 24.02.2021)

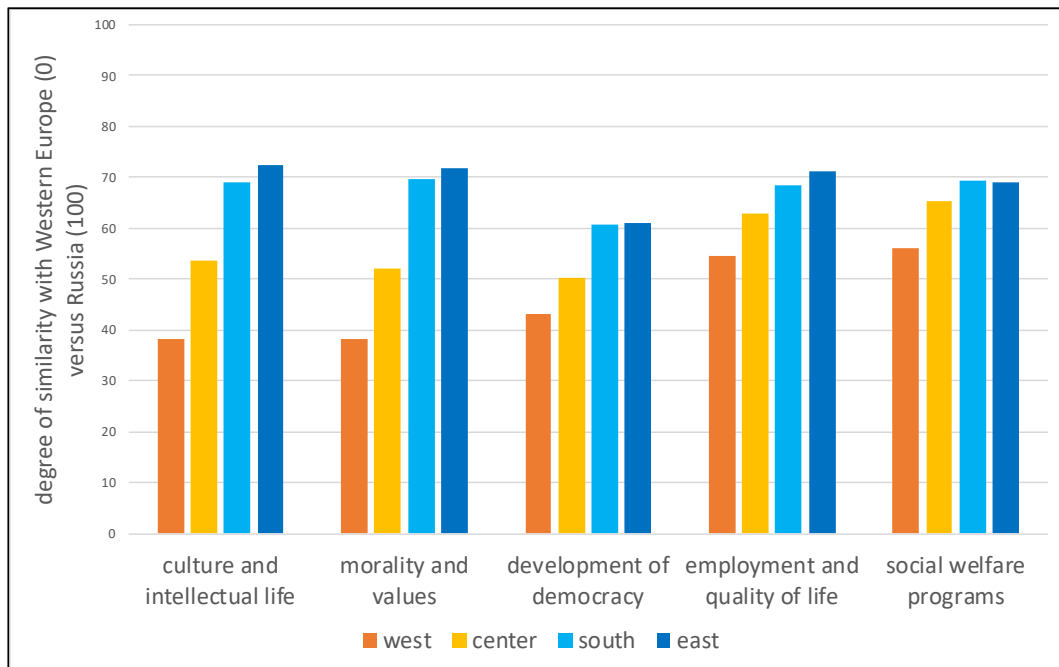

Figure 3. Average perception of Ukraine’s proximity to Western Europe versus Russia, by characteristic and region

Source: Динаміка суспільно-політичних поглядів в Україні, 13-31 березня 2018. Conducted by Соціологічна група “Рейтинг” for the Center for Insights in Survey Research, International Republican Institute. URL: https://web.archive.org/web/20190425060159/http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/2018_03-national_ua-official.pdf (accessed 10.01.2021)

This perception of Ukraine as distinct from non-westernized Russian nations, in turn, entailed a particularist national identity that saw Ukraine as properly separate from those other nations, as a nation in need of a nation-state (as e.g. Hrushevskiy argued) that ought to have little or nothing to do with those of non-westernized Russian nations.

Statistical confirmation of the Polish hypothesis

If this argument is correct, then the weight of Polish rule over an area ought to be positively correlated with Ukrainian or Belarusian particularist nationalism in that area. And, indeed, I find a very strong correlation between length of time that a territory spent under Polish rule and the support that its Ukrainians and Belarusians expressed, in the 1917 elections, for Ukrainian or Belarusian separatism. But first, we must establish those lengths of time. The Table 4 records the political histories of the territories comprising the gubernates that, in 1897, had large Ukrainian or Belarusian populations (or, more precisely, large Ukrainian- and Belarusian-speaking populations). That is, by whom they were ruled, when.

Table 4. Historical control of governates with large Ukrainian-/Belarusian-speaking populations

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Galicia	by 1000: Rus	1340-1349: Poland	1340: western 2/3 Lithuania, eastern 1/3 Rus	1362: Lithuania	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland	1569: Poland
Volhynia	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Podolia	by 1000: mostly Rus	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland	1363-1366: northeastern 3/4 Lithuania, western 1/4 Poland
Bessarabia	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Kiev	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Kherson	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Chernigov	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Poltava	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Tauridia	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Yekaterinoslav	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania	1362: Lithuania
Kharkov	by 1000: mostly Rus	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania
Kursk	by 1000: mostly Rus	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania
Voronezh	by 1000: mostly Rus	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania
Don Cossacks	by 1000: mostly Rus	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania
Kuban	by 1000: mostly Rus	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania
Stavropol	by 1000: mostly Rus	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania	1360: Lithuania
Belarus	by 1000: Rus	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania	1307-1359: Lithuania

Source: Compiled by the author according to existing data; Николаев В. 2003. Атлас всемирной истории. URL: <http://historyatlas.narod.ru> (accessed 24.02.2021); Ganse A. World History at Korean Minjok Leadership Academy Historical Atlas. URL: <https://www.zum.de/whkmla/> (accessed 24.02.2021); (Gilbert 2007)

Table 5. Nationalism-separatism in 1917, and durations of past control by different powers, by governate, amongst governates with large Ukrainian/Belarusian populations

	% nationalist vote / % Belarusian or Ukrainian	notes	dates under heavy Rus settlement from 1000	total years under Rus settlement	dates under Poland before 1917	total years under Poland before 1917	proportion Rus settled years under Poland before 1917	dates under Lithuania before 1917	total years under Lithuania or Poland before 1917	proportion Rus settled years under Poland or Lithuania before 1917	dates under imperial Russia before 1917	total years under imperial Russia before 1917	proportion Rus settled years under imperial Russia before 1917
Galicia	-	Austrian rule											
Volhynia	1.01		1000-1917	917	1569-1794	225	0.25	1340-1362 (67), 1362-1794	447	0.49	1794-1917	123	0.13
Podolia	0.98		1000-1917	917	1366-1485 (.25), 1485-1569 (.5), 1569-1793	296	0.32	1364-1793	429	0.47	1812-1917	105	0.11
Bessarabia	0.08		1812-1917	105	-	0	0.00	-	0	0.00	1812-1917	105	1.00
Kiev	0.91	(.90 without joint-list)	1000-1917	917	1569-1793	224	0.24	1362-1793	431	0.47	1793-1917	124	0.14
Kherson	-	.17 without joint-list											
Chernigov	0.79	(.77 without joint-list)	1000-1917	917	1569-1618 (.5), 1618-1648	55	0.06	1359-1503 (.5), 1503-1618 (.5), 1618-1648	232	0.25	1503-1618 (.5), 1667-1917	307.5	0.34
Poltava	0.90	(.71 without joint-list)	1000-1917	917	1569-1648	79	0.09	1362-1648	286	0.31	1667-1917	250	0.27
Tauridia	0.28		1783-1917	134	-	0	0.00	-	0	0.00	1783-1917	134	1.00
Yekaterinoslav	0.68		1415-1648 (.5), 1648-1917	385.5	1569-1648 (.5)	40	0.10	1415-1648 (.5)	117	0.30	1734-1917	183	0.47
Kharkov	-	.01 without joint list, .106 with											
Kursk	0.00		1000-1917	917	-	0	0.00	1360-1503	143	0.16	1503-1917	414	0.45
Voronezh	0.03	(0 without joint-list)	1575-1917	342	-	0	0.00	-	0	0.00	1575-1917	342	1.00
Don Cossacks	0.00		1575-1917	342	-	0	0.00	-	0	0.00	1575-1917	342	1.00
Kuban	0.00		1793-1917	124	-	0	0.00	-	0	0.00	1793-1917	124	1.00
Stavropol	0.00		1625-1917	292	-	0	0.00	-	0	0.00	1625-1917	292	1.00
Minsk	0.00		1000-1917	917	-	0	0.00	1333-1774	441	0.48	1774-1917	143	0.16
Mogilyov	0.01		1000-1917	917	-	0	0.00	1333-1775	441	0.48	1774-1917	143	0.16
Vitebsk	0.03		1000-1917	917	-	0	0.00	1333-1776	441	0.48	1774-1917	143	0.16
Vilnius	-	German occupation											
Grodno	-	German occupation											

Source: Made by the author

Based on this information, we can draw up the Table 5, containing the level of the 1917 nationalist-separatist vote in each governate, plus the length of time that each was ruled by Poland, plus – to check rival hypotheses – the length of time that each was ruled by Poland *and/or* Lithuania, and the length of time that each was ruled by the Russian Empire (perhaps rule by any non-Russian power yields nationalism-separatism, or perhaps rule by the Russian Empire diminishes nationalism-separatism that is otherwise 'naturally' occurring).

Additionally, given that certain governates received substantial Russian settlement much later than others, we can calculate the time that each spent under Polish, Polish/Lithuanian, and Imperial Russian rule *as a proportion of the duration for which they were settled by Russians*.

Note that, when a territory was only partly controlled by a certain power for a period of time, the duration of that power's control is calculated by multiplying the length of time in which the territory was partly controlled by the fraction of the territory that was controlled. For instance, Poland controlled roughly one-quarter of Podolia in 1366-1485, half of it in 1485-1569, and all of it in 1569-1793. It is therefore considered to have been ruled by Poland for 295.75 years: $0.25(1485-1366) + 0.5(1569-1485) + (1793-1569)$.

In calculating periods of Russian settlement, I more or less arbitrarily begin counting from the year 1000, shortly after the Baptism of Rus and as the Russian state was really coming into existence across the greatest range of territory. An earlier start date could have been selected, conceivably as much as several centuries earlier, but I am already uncertain about the Russian settlement dates that I have assigned to some of the governates: the southern Ukrainian governates were repeatedly ravaged by nomadic invaders, and their Russian settlers were often only loosely subject to the control of a state, making it difficult to judge the point at which lasting heavy settlement began. Pushing the start date further back would only intensify these problems. Ultimately, the selection of the 1000 start date makes no difference to my conclusions. It affects proportional Polish rule only in the Yekaterinoslav governate. And, as we will see, Polish/Lithuanian and Imperial Russian rule, in absolute or proportional terms, all perform very badly as predictors – so badly that small modifications to their proportional measures could not make a real difference.

Having determined how long each governate spent under Polish, Polish/Lithuanian, and Imperial Russian rule, we can now correlate these lengths of time with the governates' behavior in the 1917 election (note that all relative values are displayed as percentages, while the x-axis measures years when it is referring to absolute durations of rule) (Figures 4-9).

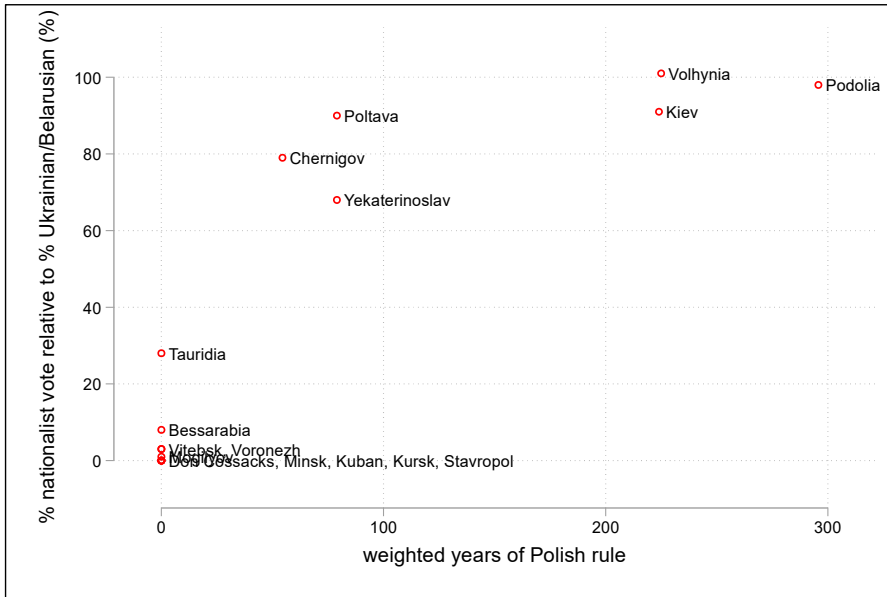

Figure 4. Governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Polish rule (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)

Source: Made by the author

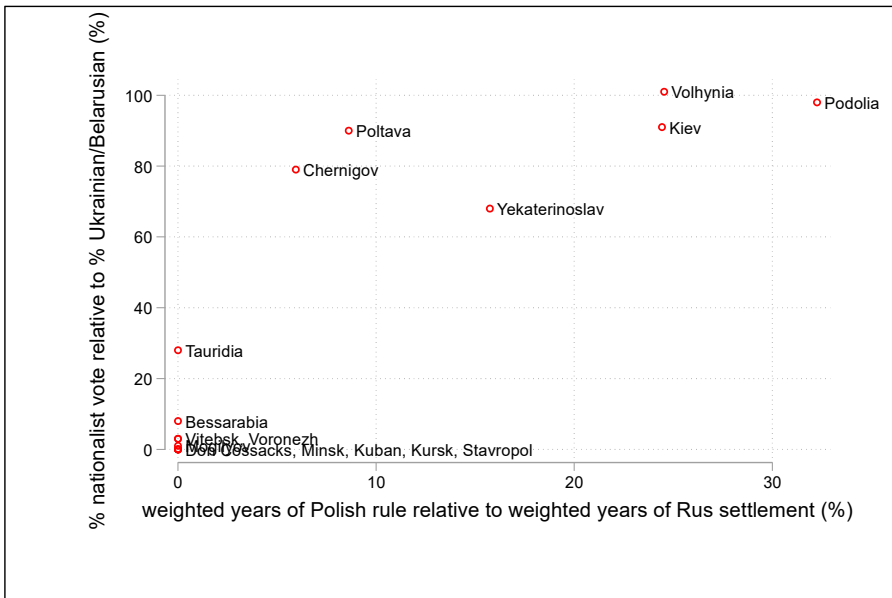

Figure 5. Governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Polish rule relative to duration of Russian settlement (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)

Source: Made by the author

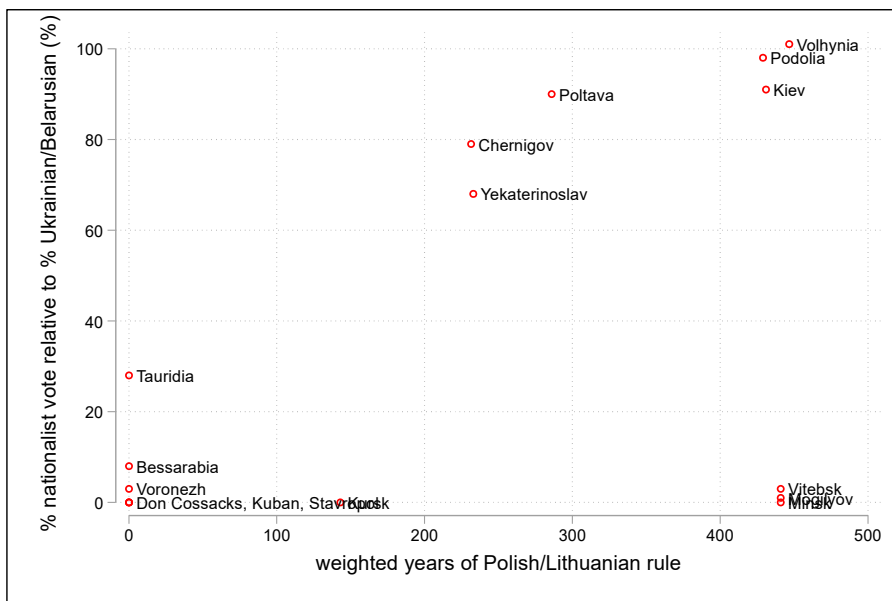

Figure 6. Governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Polish/Lithuanian rule (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)

Source: Made by the author

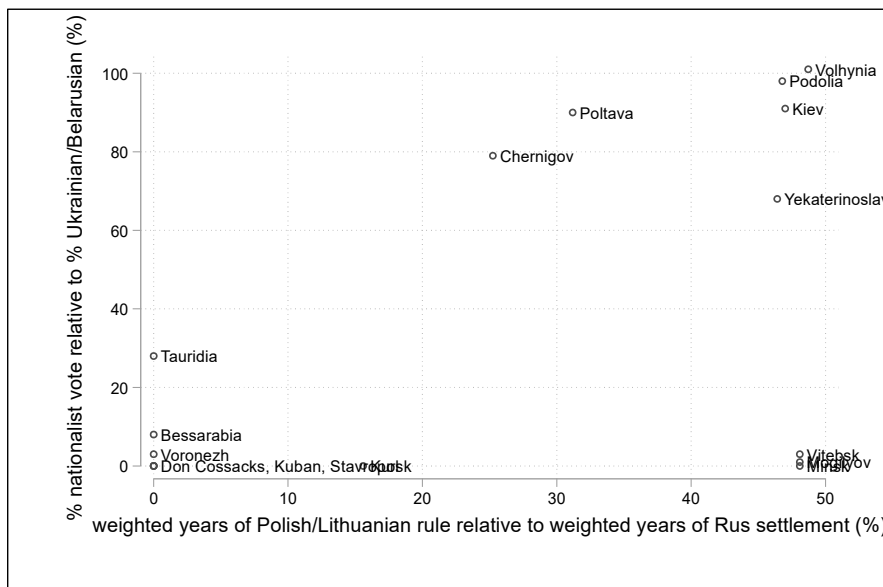

Figure 7. Governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Polish/Lithuanian rule relative to duration of Russian settlement (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)

Source: Made by the author

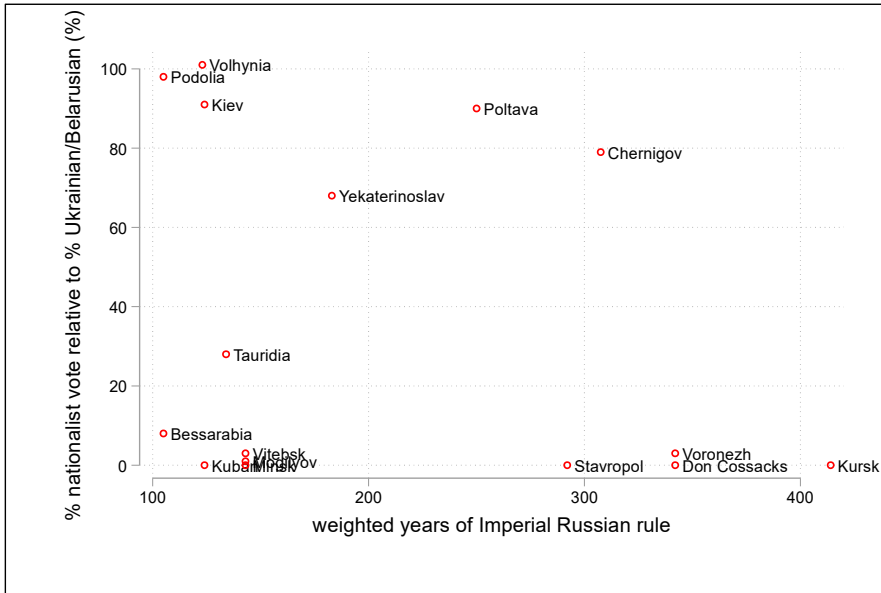

Figure 8. Governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Imperial Russian rule (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)

Source: Made by the author

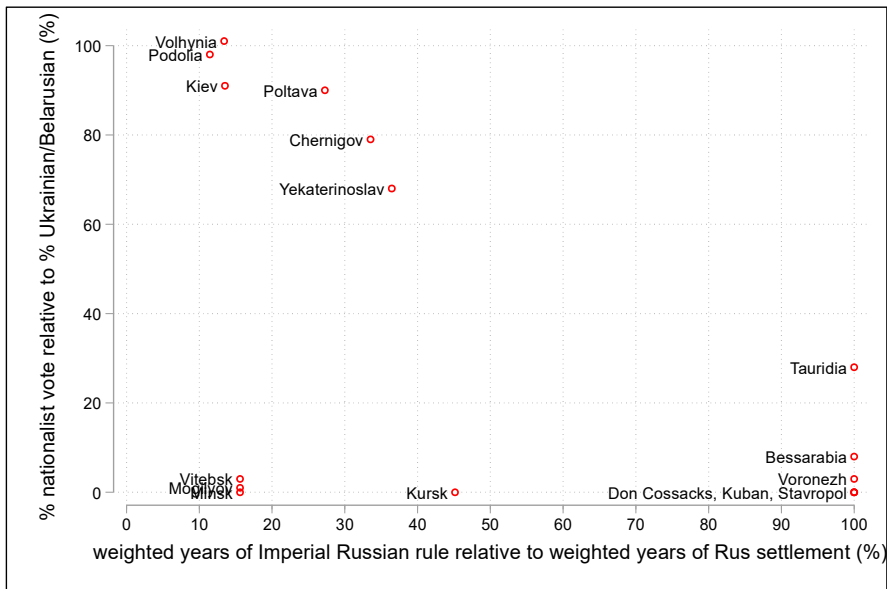

Figure 9. Governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Imperial Russian rule relative to duration of Russian settlement (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)

Source: Made by the author

It is visually obvious that Polish/Lithuanian and Imperial Russian rule, in absolute and proportional terms, predict 1917 nationalism-separatism poorly – but that Polish rule, on the other hand, predicts it far better, and really quite well. When nationalism-separatism is correlated with Polish rule, the only outliers are Chernigov, Poltava, and (for *absolute* Polish rule) Yekaterinoslav, which display levels of nationalism-separatism that are substantially higher than their predicted values.

To confirm this, I performed linear regressions of 1917 nationalism over the various rule durations. These regressions ($n=16$ for each) had the results, visualized in Table 6.

Table 6. Linear regressions of 1917 Belarusian/Ukrainian nationalism over duration of past rule by various states, by governate, amongst governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations

IV	cons.	IV coef.	95%	CIs	IV p-value	model r ²
Polish rule (in years)	12.0	0.42	0.29	0.55	.000	.78
Polish rule (as % of Rus-settlement)	11.0	3.68	2.59	4.77	.000	.79
Polish rule (0 y-intercept) (in years)	0.0	0.49	0.37	0.60	.000	.72
Polish rule (0 y-intercept) (as % of Rus-settlement)	0.0	4.19	3.22	5.16	.000	.74
Polish/Lithuanian rule (in years)	12.2	0.11	-0.00	0.21	.053	.24
Polish/Lithuanian rule (as % of Rus-settlement)	10.2	1.01	0.06	1.95	.038	.27
Russian rule (in years)	57.9	-0.11	-0.34	0.12	.329	.07
Russian rule (as % of Rus-settlement)	66.7	-0.60	-1.12	-0.09	.025	.31

Source: Made by the author

In the latter two models based on Polish rule, the constant is eliminated. That is, the y-intercept is set to zero (I do not test fixed-constant variants of the Polish/Lithuanian and Imperial Russian models; they perform badly enough as it is). This inevitably worsens the model's predictive power to some degree, but it is what follows, strictly speaking, from the theory behind it. I argue that Ukrainian/Belarusian separatism-nationalism is a consequence of Polish rule, and do not offer any alternative sources of it. Therefore, where Polish rule has been entirely absent, nationalism-separatism ought to be, also. That said, this may be setting the bar unnecessarily high: substantial migration between regions that had and had not experienced Polish rule had taken place by 1917, as a result of which even governates that had entirely lacked it would still be home to people who *had* been “treated” by it. This could account for the (relatively small) y-intercepts that the first two Polish rule models estimate: 12% for the absolute model, and 11% for the proportional one. Regardless, the fixed-constant models do not perform much worse than the estimated-constant ones.

Also, I should note that I have made a slight modification to the Polish rule IVs. As can be seen in the first two scatter-plots, relative national-separatism essentially reaches its maximum possible value (100%) in the Kiev and Volhynia Governates, where the duration of Polish rule is roughly 225 years and 25% of Rus-settled years. And yet there is another governate, Podolia, where the duration of Polish rule is even greater, yet

nationalism-separatism obviously is not, because it had already reached its theoretical limit in Kiev and Volhynia. Therefore, Podolia’s nationalism-separatism falls below the estimated line of best fit (Figure 10).

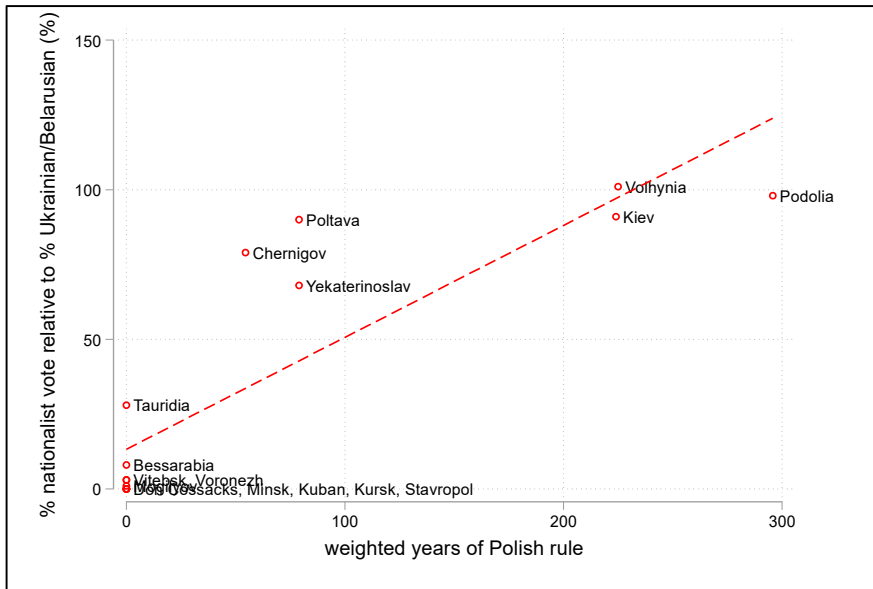

Figure 10. Figure 4 (governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Polish rule (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalism-separatism in 1917 (y-axis)) with line of best fit indicated

Source: Made by the author

To deal with this problem, I “taper” the absolute and proportional duration of Polish rule when incorporating them into regressions. Duration observations that exceed the point at which governates begin consistently achieving maximal nationalism-separatism (in these regressions, 225 years and 25% of Rus-settled years), are calculated as $225 + \sqrt{\text{actual value} - 225}$ (for the absolute duration model) and $25\% + \sqrt{\text{actual value} - 25\%}$ (for the percent-of-Rusian-settlement model). The result and purpose of this is that the line of best fit effectively becomes asymptotic at the highest y-value possible, at the x-value beyond which that y-value is consistently achieved (Figure 11).

With these intricacies out of the way, we can proceed to the results. They indicate that – unlike the other two IVs – Polish rule, however it is measured, is indeed a quite good predictor of 1917 nationalism-separatism. After all, it explains nearly four-fifths of the variation in nationalism-separatism (if one accepts that, by 1917, governates entirely lacking in a history of Polish rule still had levels of nationalism-separatism averaging about 10%, due to migration from governates that *had* experienced Polish rule).

Indeed, Polish rule appears an even more impressive predictor when one considers that it began in some areas as many as 570 years before the 1917 election, and eve-

rywhere ended at least 122 years before it, and that substantial migration would have occurred between areas with more, less, and no Polish rule over the course of more than five centuries. This would obscure the effects of Polish rule, as my analysis is at the level of the governate and thus essentially assumes zero migration between different governates: such migration would essentially convey the effects of more Polish rule into governates that had less of it, and the effects of less Polish rule into those that had more of it, in a manner undetectable by my study.

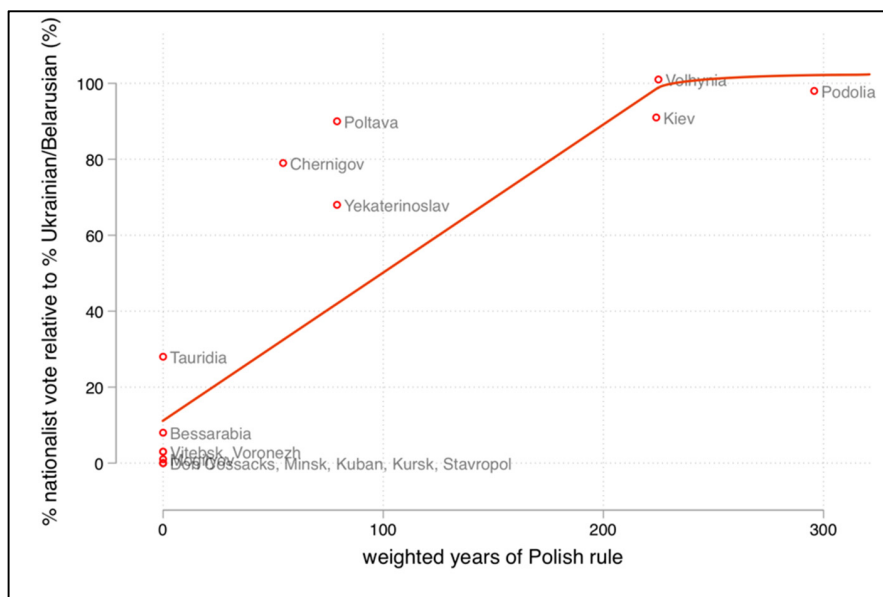

Figure 11. Figure 4 (governates with significant Belarusian-/Ukrainian-speaking populations, by duration of past Polish rule (x-axis) and level of Belarusian/Ukrainian nationalist separatism in 1917 (y-axis)) with artificial line of best fit indicated
 Source: Made by the author

The way in which I measure partial control is another factor that likely reduces the Polish rule models’ predictive power. I measure partial control on a strictly geographic basis – e.g. when half of a governate is controlled, the duration of that control is weighted at 50% – when weighting really ought to be based on the fraction of the governate’s *population* (rather than land) that is controlled. However, a lack of good demographic data probably makes that not only labor-intensive, but outright impossible.

Also, my approach does not account for the qualitative intensity of Polish rule. Some areas were surely subjected to more intensive assimilation and colonization than others were, but I simply note whether an area was ruled by Poland or not. Again, though, the ideal approach here would be not only labor-intensive (requiring an extraordinarily detailed investigation of Polish rule throughout its Ukrainian territories), but probably impossible, in part simply because actually quantifying the intensity of rule would be inevitably subjective in many respects.

Finally, our data on the 1917 elections are not perfect, and random distortions of them to some degree likely obscure whatever relationships exist between the results and the factors producing them, including the one that is of interest to us.

The resolution of these issues is probably impossible but, if it were somehow accomplished, it would likely raise the predictive power of the Polish rule models still further.

Modern-day performance of the theory

The 1917 election is a quite good test of my Polonization theory: it precedes most of the calamities that Ukraine and Belarus suffered, and the socio-economic modernization that they underwent, in the 20th century, as well as the extensive intra-Ukrainian and intra-Belarusian migration that took place during the Soviet period and continues to this day. This is not to argue that no such migration occurred prior to 1917; over the course of many centuries, much migration certainly did occur. However, it did *not* have the intensity that it would acquire in the 20th century, as a result of invasions, revolutions, famines, deportations, collectivization, urbanization, and socioeconomic and technological development. For these same reasons, modern-day elections cannot be expected to reflect the effects of Polonization as clearly as the 1917 one did. The effects of Polonization upon a particular region will have been diffused into others, via the emigration of its residents, and their transmission of Polonization's effects (1) to their descendants and (2) more generally to the communities to which they migrated.

Furthermore, assimilation and migration have greatly reduced the share of ethnic Ukrainians in the territories that once formed the Don Cossack, Kuban, Kursk, Stavropol, and Voronezh Governates of the Russian Empire, and now comprise part or all of the Belgorod, Rostov, Kursk, Volgograd, and Voronezh Oblasts of the Russian Federation²². Additionally, the near-absence of political competition within Belarus on the subject of relations with Russia means that Belarusians' understanding of Russia, and attitude towards it, cannot be easily derived from their elections. This leaves only elections *within modern Ukraine* as a viable gauge of how Russia features within national identity, and thereby as a means of testing how Polish rule and Polonization relate to variation within that identity.

However, such tests would omit (for reasons that are, from the perspective of the study, arbitrary) many of the observations that in 1917 provided the strongest support for the Polonization theory. Indeed, it was the near absence of nationalism-separatism within Belarus that inspired me to develop the Polonization theory in the first place.

²² While the Don Cossack, Kuban, Kursk, Stavropol, and Voronezh Governates were 28%, 47%, 22%, 37%, and 36% Ukrainian in 1897, only 3%, 2%, 1%, 1%, and 2% of Belgorod, Rostov, Kursk, Volgograd, and Voronezh Oblasts identified their nationality as Ukrainian in the 2010 Russian census. See: Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (accessed 24.02.2021)

And when the 1917 election regression's sample is restricted to the governates comprising modern-day Ukraine, its fit indeed worsens, with r^2 declining from .78 to .67 for the absolute-Polish-rule model, and from .79 to .66 for the Polish-rule-relative-to-Russian-settlement model.

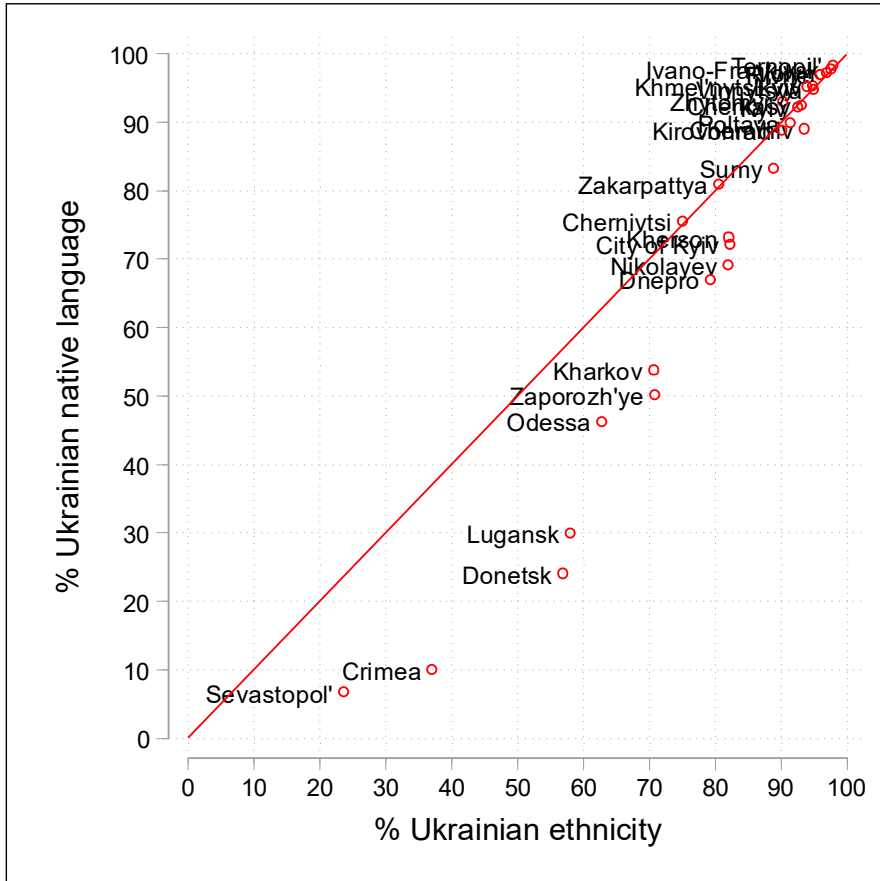

Figure 12. (Former) oblasts of Ukraine, by percent of population claiming Ukrainian ethnicity (x-axis) and percent of population claiming Ukrainian as native language (y-axis), according to the 2001 (most recent) Ukrainian census

Source: Made by the author

Nevertheless, despite these problems, I do regress the results of certain modern Ukrainian elections over measures of Polish rule, to see how well it continues to predict national identity and policy with regard to Russia. Note, however, that a low correlation would not disprove or even really contradict the Polonization theory. It *could* mean that the effects of Polonization existed but have been overwhelmed by the passage of time, by socioeconomic modernization, by Soviet policies of nation-building, by the formation of Ukraine as an independent state, etc. But, alternatively, it could also mean simply that the effects are enduring but have become disassociated from ter-

ritory by intra-Ukrainian migration, or even by intra-Ukrainian communication that diffuses variants of national identity without their bearers having to physically carry them anywhere.

With these caveats out of the way, we can proceed to a discussion of the modern-day tests. I chose the second rounds of Ukraine's 1994, 2004, and 2010 presidential elections, because these features clear, mutually exclusive choices between candidates who are differentiated principally by their positions on an "east-west", Russia-Atlantic axis (note that the **re-run** of the 2004 election's second round is used). Other presidential races were either defined more by economic (1999) or economic-corruption-populist (2019) issues or did not make it into a second round at all (1991, 2014). Parliamentary elections, on the other hand, are never entirely defined by the east-west axis, with some parties focusing more on other issues and/or taking a more neutral position.

Also, while the dependent variable in the 1917 tests was support for nationalism-separatism relative to proportion of the population with Ukrainian/Belarusian as its native language, the modern-day tests' dependent variable is support for the pro-Atlantic/anti-Russian candidate relative to proportion of the population that reports Ukrainian *ethnicity*. There are two reasons for this. First, native language was the only option available for the 1917 test, since the 1897 Imperial Russian census did not report ethnicity. Second, while native language is available in the modern day, it is not appropriate for use in this study, because many of the ethnic Ukrainians ideologically and culturally closest to Russia continue to report their ethnicity as Ukrainian but give (Great) Russian as their native language, as can be seen in the following scatterplot (Figure 12).

While there is a 1:1 correlation between Ukrainian ethnicity and native language in Ukraine's west and center, the relationship begins to break down in the southeast, and a large fraction or even outright majority of the ethnically-Ukrainian population identifies (Great) Russian as its native language in the (former) parts of Ukraine that are generally understood to be the most Russophile: Lugansk, Donetsk, and Crimea. Defining Ukrainian identity by native language rather than by given ethnicity, and qualifying electoral behavior by it, would therefore exaggerate ethnic Ukrainians' support for anti-Russian candidates, *especially* in areas that are more pro-Russian. It would essentially amount to including attitude towards Russia in both the independent and dependent variables of the regression. Thus, I use ethnicity as reported in the 2001 Ukrainian census (the one most recently conducted), even though I used native language in the 1917 election's analysis.

The timeline (Table 7-8) contains the history of political control over the various oblasts that comprise(d) modern-day Ukraine.

Table 7. Historical control of Ukraine's (former) oblasts

Zakarpattia	by 1000: Hungary												1918: Czechoslovakia	1944: USSR		
L'viv	1340: northern 1/3 Lithuania; 1340-1349: southern 2/3 Poland	1377: northern 1/6 Lithuania, southern 5/6 Poland	late 1400s: Poland										1772: Austria	1921: Poland	1944: USSR	
Volyn	1340: Lithuania	late 1400s: western 1/4 Poland, eastern 3/4 Lithuania											1795: Russia	1921: Poland	1944: USSR	
Ivano-Frankivsk	1349: Poland	1349: northern 1/5 Lithuania, southern 4/5 Poland											1772: Austria	1921: Poland	1944: USSR	
Terнопil'	1349: Poland	1349: northern 1/5 Lithuania, southern 4/5 Poland											1772: southern 7/8 Austria, northern 1/8 Poland; 1793: northern 1/8 Russia	1921: Poland	1944: USSR	
Rivne	1336-1340: Lithuania	1569: northern 1/5 Lithuania, southern 4/5 Poland											1793-1795: Russia	1921: Poland	1944: USSR	
Chernivtsi	1349: Poland, middle 1/3 Moldavia, eastern 1/3 Rus	1359: western 1/3 Poland, eastern 2/3 Moldavia	late 1400s: Moldova										1775: western 1812: western 1/2 Austria, eastern 1/2 Moldova	1918: Romania	1944: USSR	
Khmel'nyts'kyi	1340: Lithuania, southern 1/2 Rus	1366: northern 3/5 Lithuania, southern 2/5 Poland	1569: Poland										1793: Russia	1921: USSR		
Zhytomyr	1362: Lithuania	1569: Poland											1793: Russia	1921: USSR		
Vinnitsya	1363: Poland, eastern 9/10 Lithuania	late 1400s: western 1/8 Poland, eastern 7/8 Lithuania	1569: Poland										1793: Russia	1921: USSR		
Kyiv	1362: Lithuania	1569: Poland											1648: western 2/3 Poland, eastern 1/3 independent then Russia in 1667	1793: Russia	1921: USSR	
City of Kyiv	1362: Lithuania	1569: Poland											1648: independent then Russia in 1667	1921: USSR		
Cherkasy	1363: Lithuania	1569: Poland											1648: western 3/4 Poland, eastern 1/4 independent then Russia in 1667	1793: Russia	1921: USSR	
Chernihiv	1356-1362: Lithuania	1503: northern 1/2 Russia, southern 1/2 Lithuania	1569: northern 1/2 Russia, southern 1/2 Poland	1618: Poland	1648: independent then Russia in 1667									1921: USSR		

column 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14

Source: Made by the author according to existing data: Николаев В. 2003. Атлас всемирной истории. URL: <http://historyatlas.narod.ru> (accessed 24.02.2021); Ganse A. World History at Korean Mimjok Leadership Asademy Historical Atlas. URL: <https://www.zum.de/whkmla/> (accessed 24.02.2021); (Gilbert 2007; Freeman, Bury 1903).

Table 8. Historical control of Ukraine's (former) oblasts, continued

Poltava	by 1000: western 2/3 Rus	1562: Lithuania	1569: Poland	1648: independent then Russia in 1667	1921: USSR
Sumy	by 1000: Rus	1362: Lithuania	1503: Russia	1618: western 3/4 Poland, eastern 1/4 Russia	1921: USSR
		1362: western 1/6 Lithuania	early 1400s: Lithuania	1569: Poland	1648: eastern 1/2 Russia, western 1/2 independent then Russia in 1667
Kirovohrad		1362: Lithuania	early 1400s: Lithuania	1648: northwestern 1/3 Poland, southeastern 2/3 independent but increasingly under Russia	1921: USSR
				1734: northwestern 1/3 Poland, southeastern 2/3 Russia	1921: USSR
Odessa				1774-1791: northern 1/2 Russia	1918-1921: southern 1/2 Romania, northern 1/2 USSR
Nikolayev		early 1400s: Lithuania	c. 1484: northern 1/4 Lithuania, rest regained by Crimean Khanate	1648: northern 1/4 independent but increasingly under Russia	1921: USSR
		early 1400s: Lithuania	late 1400s: northern 1/6 Lithuania, rest regained 1/2 Lithuania by Crimean Khanate	1734: northern 1/4 Russia	1921: USSR
Kherson		early 1400s: Lithuania	late 1400s: northern 1/6 Lithuania, rest regained 1/2 Lithuania by Crimean Khanate	1648: northern 1/6 independent but increasingly under Russia	1921: USSR
				1774-1783: Russia	1921: USSR
Crimea				1783: Russia	1921: USSR
Sevastopol'				1783: Russia	1921: USSR
Dnepro		early 1400s: Lithuania	western 1/4 Lithuania	1648: independent but increasingly under Russia	1921: USSR
				1734: Russia	1921: USSR
Zaporozh'ye		early 1400s: Lithuania	western 1/4 Lithuania	1648: independent but increasingly under Russia	1921: USSR
				1734: northern 1/4 Russia	1921: USSR
Kharkov		early 1400s: Lithuania	western 1/6 Lithuania	1648: northern 1/4 independent but increasingly under Russia	1921: USSR
				1734: northern 1/4 Russia	1921: USSR
Donetsk		early 1400s: Lithuania	western 1/6 Lithuania	1648: western 1/3 independent then Russia in 1667, eastern 2/3 Russia	1921: USSR
				1774: Russia	1921: USSR
Lugansk		late 1500s: Russia	northern 1/2 Russia	1648: western 1/3 independent then Russia in 1667, eastern 2/3 Russia	1921: USSR
				early 1600s: northeastern 1/3 Russia	1921: USSR
column 1				1774: Russia	1921: USSR

Source: Made by the author according to existing data: Compiled by the author according to existing data: Николаев В. 2003. Атлас всемирной истории. URL: <http://historyatlas.narod.ru> (accessed 24.02.2021); Ganse A. World History at Korean Mimjok Leadership Asad-emy Historical Atlas. URL: <https://www.zum.de/whkmla/> (accessed 24.02.2021); (Gilbert 2007; Freeman, Bury 1903).

Based on this information, we can draw up the following table (Table 9), similar to the one describing Imperial Russian governates, which contains the length of time that each oblast was settled by Russians and ruled by Poland, the share of ethnic Ukrainians in each oblast's population, and the degree of support (in absolute terms, and relative to the ethnically-Ukrainian population) that each oblast provided to the pro-Atlantic/anti-Russian candidates Kravchuk, Yushchenko, and Timoshenko in the second rounds of the 1994, 2004, and 2010 elections, and the average of those three levels of support.

Based on the above data, the following scatterplots (Figures 13-16) depict the relationship of Polish rule (measured in absolute terms) to support for each of the three pro-Atlantic/anti-Russian candidates, and to average support for all three. The cities of Kyiv and Sevastopol' – which are/were administratively distinct from Kyiv Oblast and the Autonomous Republic of Crimea – are omitted, because the majorities of their populations are drawn from residents of other regions or the descendants thereof, and the geography-based approach that I use could therefore not be expected to predict their electoral behavior: most of their residents will have received a “treatment” that is different from that of the cities' actual territories.

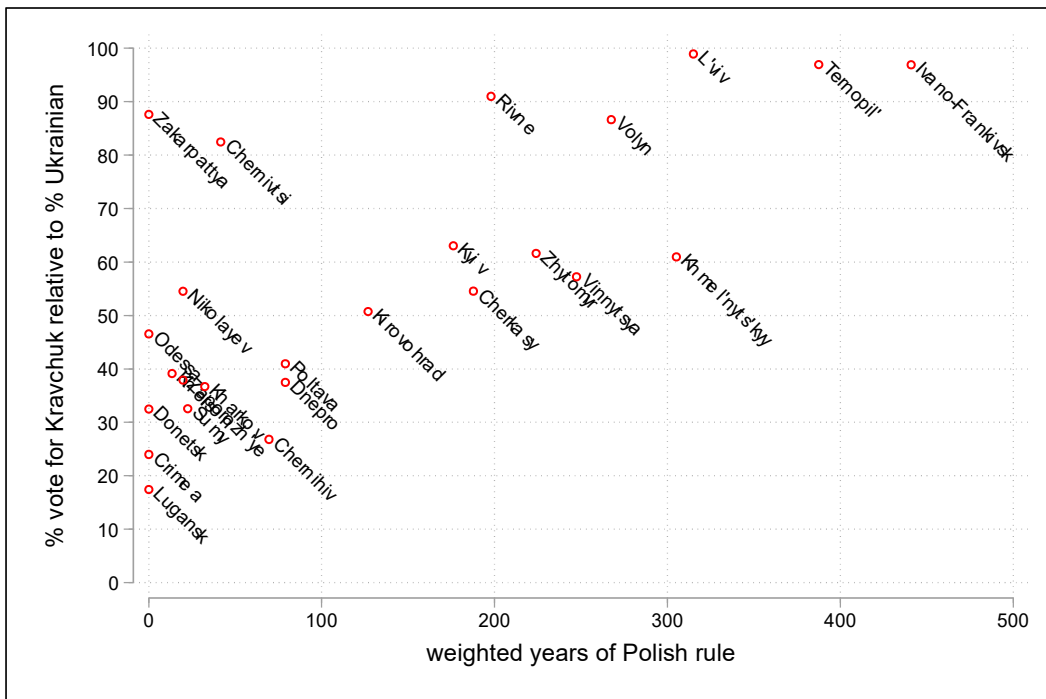

Figure 13. (Former) Ukrainian oblasts, by duration of Polish rule (x-axis) and level of support for Kravchuk in the second round of the 1994 elections relative to the ethnically-Ukrainian portion of the population (y-axis)

Source: Made by the author

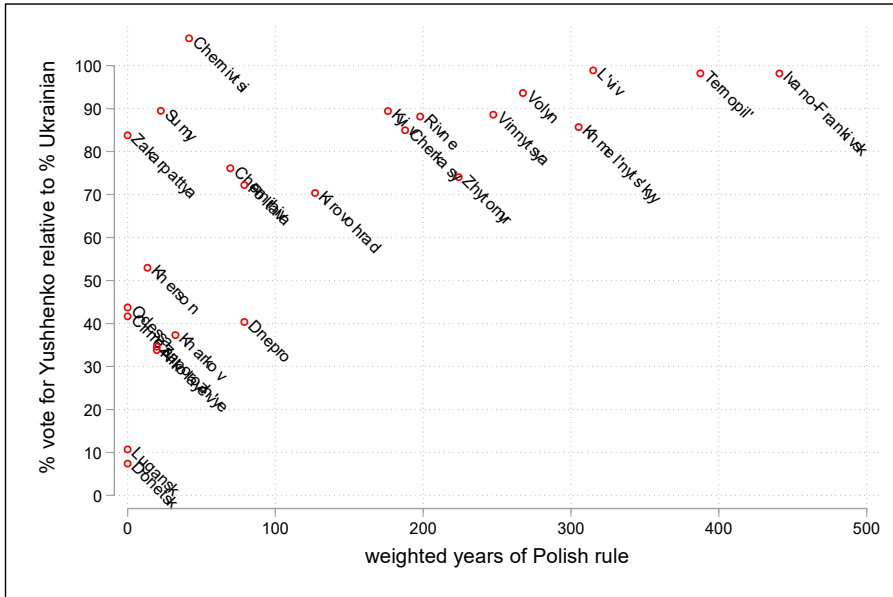

Figure 14. (Former) Ukrainian oblasts, by duration of Polish rule (x-axis) and level of support for Yushchenko in the 'third' round of the 2004 elections relative to the ethnically-Ukrainian portion of the population (y-axis)

Source: Made by the author

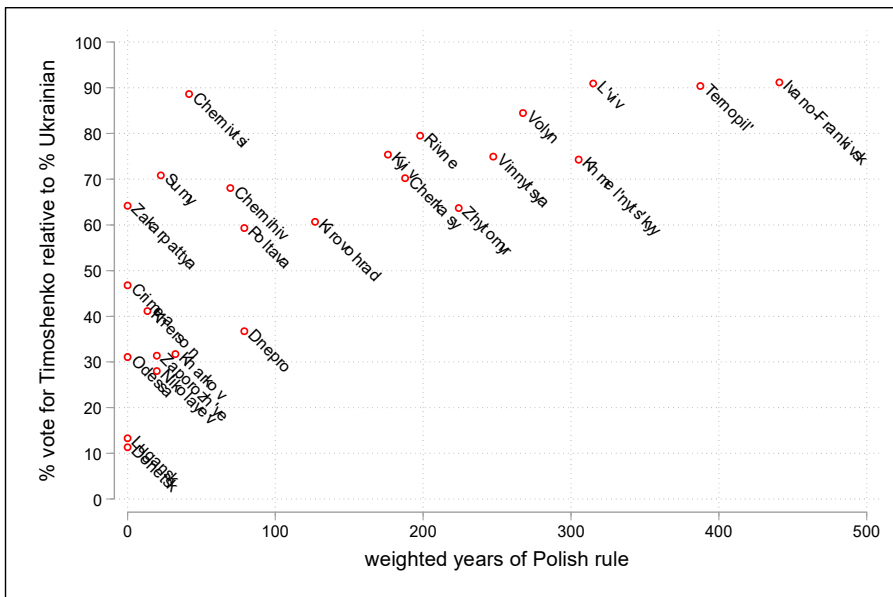

Figure 15. (Former) Ukrainian oblasts, by duration of Polish rule (x-axis) and level of support for Timoshenko in the second round of the 2010 elections relative to the ethnically-Ukrainian portion of the population (y-axis)

Source: Made by the author

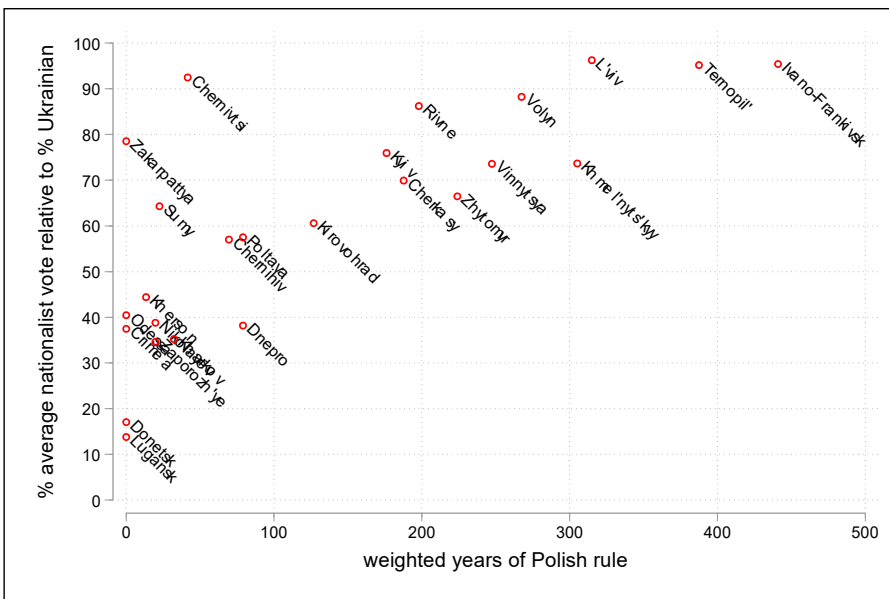

Figure 16. (Former) Ukrainian oblasts, by duration of Polish rule (x-axis) and average level of support for the three nationalist candidates (Kravchuk, Yushchenko, and Tymoshenko) relative to the ethnically-Ukrainian portion of the population (y-axis)

Source: Made by the author

In the above plots, the effect of Polish rule largely appears to hold. The only real outliers are Zakarpattia, Chernivtsi, and (in 2004 and 2010) Sumy. While the Polonization theory cannot account for this, I would offer some tentative explanations for the behavior of Zakarpattia and Chernivtsi that are also not contradictory to it (I have no justification for the case of Sumy; unless it was subject to an inordinately large amount of migration from areas of historical Polish rule, it appears to be an outlier whose behavior is incompatible with the Polonization theory).

First, Zakarpattia and Chernivtsi are unique in Ukraine for having large populations that are neither Ukrainian nor (Great) Russian: 20% of Chernivtsi’s population identified itself as Moldovan or Romanian in the 2001 census, and 15% of Zakarpattia’s identified itself as Romanian or Hungarian²³. Insofar as these Romanians, Moldovans, and Hungarians vote for pro-Atlantic/anti-Russian parties, this will raise the measured support of Chernivtsi and Zakarpattia for those forces, and the model will erroneously interpret this as indication of *Ukrainians’* support for them, and thus of their possession of a particularist national identity – even though it is Romanian/Moldovan/Hungarian national identity, and/or other factors that are entirely irrelevant to the Polonization theory, that is actually producing the results. All that said, this expla-

²³ Всеукраїнська перепись населення 2001. Національний склад населення, громадянство. *Государственный комитет статистики України*. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/nationality_popul/ (accessed 24.02.2021)

nation cannot entirely account for the divergence of Chernivtsi and Zakarpattya: even if the entirety of their Romanian, Moldovan, and Hungarian populations voted for anti-Russian candidates, this would account for only 20% and 15% of the oblasts' support for those candidates (assuming that the minorities had the same rates of participation as the rest of the population). Removing that support would reduce the oblasts' average support for anti-Russian candidates (relative to ethnic Ukrainians) to 72% and 64%, respectively, eliminating about half of their divergences from the trend line.

A second explanation, though, points to the fact that Chernivtsi and Zakarpattya are unique in a second respect: they are the only oblasts whose Russian population was ruled by non-Russian, non-Lithuanian, non-Polish states for a long period of time. As depicted in the above timeline, Zakarpattya was ruled by Hungary (sometimes under the Habsburgs) for more than 900 years, and much or all of Chernivtsi was ruled by Moldova (sometimes under the Ottomans), and the Habsburgs for almost 600 years. Now, the Polonization theory is built on a distinction between the effects of Polish rule and those of local, Lithuanian, and Russian rule. It does not actually assume or require that Polonization and its effects are an entirely unique phenomenon. If Hungarian, Moldovan, or even just Habsburg rule share more similarities with Polish rule than they do with local, Russian, or Lithuanian rule, then this would entirely account – in a manner that is besides the point of Polonization theory but fully compatible with it – for the large pro-Atlantic/anti-Russian vote that we observe in Chernivtsi and Zakarpattya despite the lack of Polish rule there.

On the basis of the above, I offer two sets of regressions, one that omits the cities of Kyiv and Sevastopol', and one that omits them as well as Chernivtsi and Zakarpattya. I believe that the latter set provides a better test of the Polonization theory – mainly because, as stated above, the theory simply does not deal with the effects of Hungarian, Moldovan, Ottoman, or Habsburg rule (after all, areas subject to such rule did not participate in the 1917 elections). The theory's predictions of the behavior of Chernivtsi and Zakarpattya are thus indeterminate, and the strength or weakness of their behavior's relationship with Polish rule would neither support nor undermine the theory's validity.

These regressions also make use of tapered IV values. As in the 1917 regressions, I taper absolute and proportional rule beyond the point at which it begins consistently producing DV values that are about as high as they can go. In these cases, that point is L'viv. Absolute Polish rule in excess of 315 years, and relative Polish rule in excess of 31.8% of Rus-settled years, is thus square-rooted, a procedure that affects Ternopil' and Ivano-Frankivsk, both of which would otherwise fall far below their predicted levels of anti-Russian voting, despite displaying levels of it (95%) that could – practically or theoretically – hardly be any higher.

The results of the regressions are presented in Table 10.

Table 10. Linear regressions of modern-day support for Ukrainian nationalist presidential candidates over duration of historical Polish rule, amongst Ukrainian oblasts

DV	type of Polish rule as IV	w/o the cities of Kyiv and Sevastopol' (n=25)					also w/o Chernivtsi & Zakarpattya (n=23)						
		cons.	coef.	95% CIs		IV p-value	r ²	cons.	coef.	95% CIs		IV p-value	r ²
Kravchuk	absolute	39.26	0.13	0.08	0.19	.000	.51	30.88	0.18	0.13	0.22	.000	.75
	proportional	37.71	1.30	0.69	1.90	.000	.46	27.41	1.81	1.29	2.32	.000	.72
Yushhenko	absolute	47.91	0.16	0.09	0.24	.000	.47	40.33	0.19	0.13	0.25	.000	.66
	proportional	46.98	1.53	0.69	2.37	.001	.38	37.57	1.90	1.18	2.62	.000	.59
Timoshenko	absolute	40.17	0.15	0.10	0.21	.000	.57	34.50	0.18	0.13	0.22	.000	.73
	proportional	39.13	1.45	0.78	2.12	.000	.47	32.02	1.73	1.15	2.31	.000	.65
average	absolute	42.23	0.15	0.10	0.21	.000	.57	35.23	0.18	0.14	0.22	.000	.81
	proportional	41.08	1.46	0.80	2.13	.000	.48	32.33	1.81	1.31	2.31	.000	.73

Source: Made by the author

These results confirm that, depending on whether Chernivtsi and Zakarpattya are omitted, Polish rule predicts modern-day Ukrainian electoral behavior either moderately worse, or moderately better, than it does electoral behavior in 1917 (recall that the 1917 models, when limited to the governates that today comprise modern Ukraine, have r² values of .67 (absolute rule) and .66 (proportional rule).

The regressions also raise two other points of interest.

First, while absolute and proportional-to-Rus-settlement Polish rule performed equally well in the 1917 regressions, absolute Polish rule consistently performs substantially better in the modern-day regressions.

Second, while the Polish-rule-based 1917 regressions had constants (that is, y-intercepts) of 11 and 12, their modern-day counterparts have constants of 38 to 50. Moreover, while 1917 models still retained fairly high r² values even when their constants were fixed at zero, their modern-day successors perform extremely badly when this is done – so badly that I do not even present those models in the above table. (For instance, while the average-vote-over-proportional-Polish-rule model has an r² value of .73, as listed above, this falls to .06 when its constant is fixed to zero.) This could be regarded as problematic for the Polonization theory: even if anti-Russian vote increases in close proportion with duration of Polish rule, why would it start out so high in the first place? However, I believe that this is not actually much of a problem. As mentioned at the beginning of this section, one of the main issues with running modern-day tests is that a huge amount of migration occurred in the 20th century between areas with more and less Polish rule. This intermixing could have produced a relatively high average anti-Russian vote even in areas that entirely lack a history of Polish rule – for instance, the 42% y-intercept of the average-anti-Russian-vote-over-absolute-Polish-rule model – just as a lesser amount of it could have produced the 12% y-intercept of the 1917 nationalist-separatist-vote-over-absolute-Polish-rule model.

Conclusion

Belarusians, southeastern Ukrainians, and western-central Ukrainians have consistently supported very different policies with regard to Russia for over a century now, at least. The differences are not explicable by common materialist explanation of international affairs, but they also predate the areas' treatment by the factors that are most commonly held to produce nationalism. Instead, they appear to be the products of different national identities that formed before the modern period – specifically, between 1350 and 1800. Areas of Ukraine that were ruled by Poland for longer were subjected to greater Polonization, which failed to endow their residents with Polish identities, but did Polonize and westernize those residents' Ukrainian identities. This, in turn, led to the perception of non-westernized Russian nations as totally foreign, and thus drove and drives a preference for separation from Russia (and alignment with western Europe). In contrast, Belarus and those areas of Ukraine that were briefly or not at all ruled by Poland were subject to far less Polonization, and their non-westernized national identities continued to view other non-westernized Russian nations (specifically Russia) as kindred peoples, promoting a preference for alignment with Russia. This argument is borne out by statistical tests, which find relatively strong relationships between duration of Polish rule over Ukrainian and Belarusian areas, on the one hand, and their support (in 1917 and the modern day) for separating and distancing their countries from Russia, on the other.

If correct, this theory solves several puzzles: why the east-west faultline in Ukraine exists, and lies where it does, and why Belarusian foreign and cultural policies have been so different from Ukraine's since the USSR collapse. It also greatly complicates our understanding of nationalism, focusing not on the degree to which it exists, but on its actual content, and placing the formation of national identities far earlier than most conventional theories of nationalism would. Indeed, this theory is based on the *longue durée* (in the broadest sense of the term), and it forces the analyst to look far back into history to trace the processes that produced national identities that are clearly identifiable only recently, but may have existed much earlier.

Actually, I have only done this to a very limited extent in this paper – more work on the links between Polish rule and Polonization, and between Polonization and the adoption of a westernized national identity, is necessary. In addition, the theory set forth in this article would benefit from work examining the diffusion of the westernized version of Ukrainian identity from the west and center of the country into its south and east – both via the physical movement of Ukrainians (as mentioned a few paragraphs above) and via the spread of this identity throughout the Ukrainian body politic (probably with the assistance of both Soviet *korenizatsiya* and, later, the independent Ukrainian government).

But the argument and evidence presented in these pages are, I hope, at least a good foundation.

About the author:

Dylan Payne Royce – PhD Candidate, George Washington University, Washington, DC, USA.

E-mail: dylanroyce@gwu.edu

Conflict of interests:

The author declares the absence of any conflict of interests.

Acknowledgements:

I thank Guzel Musavirovna Lenton for fixing the language, Harris Mylonas and Henry Hale for their support and advice, and the two anonymous reviewers for their useful recommendations.

Поступила в редакцию: 13.01.2021 г.

Принята к публикации: 14.02.2021 г.

Роль полонизации в формировании национальной идентичности Украины и Беларуси

Дилан Пэйн Ройс

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-48-93](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-48-93)

Университет Джорджа Вашингтона, Соединённые Штаты Америки

После обретения независимости Украина и Беларусь стали проводить противоположные политические курсы в отношении России. В значительной степени это было обусловлено не материальными стимулами (так как они схожи), а расходящимися представлениями о национальном самосознании среди украинских и белорусских народов и элит, что привело к утверждению различных убеждений относительно того, как эти нации связаны с Россией, и каким образом они должны выстраивать с ней свои отношения.

Данные различия начали формироваться в XVI-XVII вв., когда южные земли Великого княжества Литовского (являющиеся территорией современной западно-центральной Украины) были переданы Королевству Польскому, а затем были завоеваны Россией, в то время как Беларусь оставалась в пределах Великого Княжества Литовского вплоть до присоединения литовских владений к России. Продолжительность польского господства значительно отличается для разных украинских и белорусских территорий, так же как и его характер: от полного господства на одних (западно- и центрально-украинских) до фактического отсутствия контроля на других (белорусских) территориях. Учитывая, что общерусской культуре в начальный период в Великом Княжестве Литовском был определён особый важный статус, и, что полонизация, естественно, происходила в Королевстве Польском более интенсивно, чем в Великом Княжестве, следует, что чем дольше территория находилась под польской властью, тем сильнее она подвергалась полонизации; чем сильнее она подвергалась полонизации, тем сильнее там развивалось западно-европейское самосознание; чем интенсивнее западноевропейское самосознание сливалось с украинским и белорусским национальными идентичностями,

тем больше они становились отчуждёнными от невестернизированных руських наций и национальных идентичностей, в первую очередь от великорусской/российской; чем значительнее отчуждено от России национальное самосознание, тем активнее его носители стремятся отдалиться от неё.

В данной статье доказывается, что чем дальше регион находился под властью Польши, тем сильнее его население впоследствии стремилось и стремится к отдалению от России. Украинские территории, особенно на западе и в центре страны, длительное время находились под польским владычеством и, соответственно, отличаются анти-российскими настроениями, которые царили уже столетие назад. С другой стороны, Беларусь, территорией которой Польша никогда не владела, а лишь контролировала опосредованно через Великое Княжество Литовское, и в настоящее время продолжает политику сближения и дружественных отношений с Россией.

Ключевые слова: полонизация, Украина, Беларусь, национальная идентичность, Россия, Польша, СССР, Великое Княжество Литовское, Королевство Польское, национализм

Об авторе:

Дилан Пэйн Ройс – соискатель PhD, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, округ Колумбия, США. E-mail: dylanroyce@gwu.edu

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор благодарен Гузель Мусавировнт Лентон за помощь с редактурой русского языка, Harris Mylonas и Henry Hale за поддержку и советы, а также двоим анонимным рецензентам за полезные рекомендации по доработке текста.

References:

- Anderson B. 1983. *Imagined Communities*. London: Verso. 256 p.
- Bednarczuk L. 2013. Language in Contact and Conflict on the Territory of the Grand Duchy of Lithuania. *Acta Baltico-Slavica*. №37. P. 19-39. DOI: 10.11649/abs.2013.002
- Berkhoff K. 2008. *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge: Belknap Press. 480 p.
- Borzecki J. 1996. The Union of Lublin as a Factor in the Emergence of Ukrainian National Consciousness. *The Polish Review*. 41(1). P. 37-61.
- Brubaker R. 1996. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge University Press. 216 p.
- Danylenko A. 2017. A Missing Chain? On the Sociolinguistics of the Grand Duchy of Lithuania. *Acta Baltico-Slavica*. №41. P. 31-57. DOI: 10.11649/abs.2017.002
- Darden K. 2013. *Resisting Occupation: Mass Schooling and the Creation of Durable National Loyalties*. New York: Cambridge University Press.
- Fowkes B. 1997. *The Disintegration of the Soviet Union: A Study in the Rise and Triumph of Nationalism*. New York: St. Martin's Press. 273 p.
- Freeman E., Bury J.B., eds. 1903. *Atlas to the Historical Geography of Europe*, 3rd ed. London: Longmans Green and Co. 1360 p.
- Gellner E. 1983. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press. 150 p.
- Gilbert M. 2007. *The Routledge Atlas of Russian Modern History*, 4th ed. Abingdon: Routledge. 256 p.

Himka J. 2011. Debates in Ukraine over Nationalist Involvement in the Holocaust, 2004-2008. *Nationalities Papers*. 39(3). P. 353-370.

Hirsch F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press. 392 p.

Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 368 p.

Kempa T. 2010. Religious Relations and the Issue of Religious Tolerance in Poland and Lithuania in the 16th and 17th Century. *Sarmatia Europaea*. №1. P. 31-66.

Liebich A., Myshlovska O. 2014. Bandera: Memorialization and Commemoration. *Nationalities Papers*. 42(5). P. 750-770. DOI: 10.1080/00905992.2014.916666

Plokhy S. 2006. *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. New York: Cambridge University Press. 400 p.

Radkey O. 1990. *Russia Goes to the Polls: The Election to the All-Russian Constituent Assembly, 1917*. Ithaca: Cornell University Press. 171 p.

Rossolinski G. 2014. *Stepan Bandera: Fascism, Genocide, and Cult*. New York: Ibidem Press.

Rudling P.A. 2016. The Cult of Roman Shukhevych in Ukraine. *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*. 5(1). P. 26-65. DOI: 10.1163/22116257-00501003

Simon G. 1991. *Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*. Abingdon: Routledge. 502 p.

Slezkine Y. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*. 53(2). P. 414-452.

Snyder T. 2003. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*. New Haven: Yale University Press. 367 p.

Stone D. 2001. *The Polish-Lithuanian State, 1386-1795*. Seattle: University of Washington Press. 392 p.

Subtelny O. 1994. *Ukraine: A History*, 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press. 888 p.

Suny R.G. 1993. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Palo Alto: Stanford University Press. 200 p.

Grushevskiy M. 1903. Obychnaya skhema «russkoy» istorii i vopros ratsional'nogo uporyadocheniya istorii vostochnogo slavyanstva [The Usual Scheme of "Russian" History and the Question of Rational Ordering of the History of the Eastern Slavs]. *Forum: Obshchestvenno-politicheskiy zhurnal*. №17. P. 162-171. (In Russian)

Ivanov V. 2003. *Slavyanskiye dialekty v sootnoshenii s drugimi yazykami Velikogo knyazhestva litovskogo* [Slavic Dialects in Relation to Other Languages of the Grand Duchy of Lithuania]. Lyublyana: XIII mezhdunarodnyy s"yezd slavistov. P. 258-288. (In Russian)

Kuchin, Yu.S. 2015. *Etnicheskiye obrazovaniya slavyan Vostochnoy Yevropy IX-XII vv. v otechestvennoy istoriografii (ser. XX – nach. XXI vv.)* [Ethnic Formations of the Slavs of Eastern Europe IX-XII Centuries in Russian Historiography (Mid 20 - Early 21 Centuries)]. PhD (History) Dissertation: 07.00.09. Moscow. 24 p. (In Russian)

Morozov K.N. 2017. Eserovskaya demokraticeskaya al'ternativa Oktyabryu 1917 g. [Socialist-Revolutionary Democratic Alternative to October 1917]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. №4. P. 144-157. (In Russian)

Petkevich K. 2005. Litovtsy, russkiye, polyaki v pol'sko-litovskom gosudarstve XIV-XVII vv. (postanovka problemy) [Lithuanians, Russians, Poles in the Polish-Lithuanian State of the 14-17 Centuries]. *Istoriya i sovremennost'*. №1. P. 78-93. (in Russian)

Rashin A.G. 1956. *Naseleniye Rossii za 100 let (1813-1913): Statisticheskiye ocherki. Gramotnost' naseleniya Yevropeyskoy Rossii v 1897 g. po guberniyam* [Population of Russia for 100 years (1813-1913): Statistical Essays]. 351 p. (In Russian)

Soldatenko V.F. 2009. Fenomen Ukrainской revolyutsii [The Phenomenon of the Ukrainian Revolution]. *Rossiyskaya istoriya*. №1. P. 34-46. (In Russian)

Troynitskiy N. (ed.). 1905. *Obshchiy svod po imperii: Rezul'tatov razrabotki dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya proizvedennoy 28 Yanvarya 1897 goda* [General Code of the Empire: Results of the Development of Data from the First General Population Census Made on January 28, 1897]. Vol II. Saint Petersburg: Zakonodatel'nyy otdel. 500 p. (In Russian)

Usova L. 2011. Vneshnyaya politika Ukrainy: mezhdv vneblokovost'yu i yevroatlanticheskoy integratsiyey [Ukraine's Foreign Policy: between Non-alignment and Euro-Atlantic Integration]. *Vlast'*. №7. P. 156-158. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Грушевский М. 1903. Обычная схема «русской» истории и вопрос рационального упорядочения истории восточного славянства. *Форум: Общественно-политический журнал*. №17. С. 162-171.

Иванов В. 2003. *Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества литовского*. Люблина: XIII международный съезд славистов. С. 258-288.

Кучин Ю.С. 2015. *Этнические образования славян Восточной Европы IX-XII вв. в отечественной историографии (сер. XX – нач. XXI вв.)*. автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09. Кучин Юрий Степанович; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. Москва. 24 с.

Морозов К.Н. 2017. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. *Петербургский исторический журнал*. №4. С. 144-157.

Петкевич К. 2005. Литовцы, русские, поляки в польско-литовском государстве XIV-XVII вв. (постановка проблемы). *История и современность*. №1. С. 78-93.

Рашин А.Г. 1956. *Население России за 100 лет (1813-1913): Статистические очерки*. Грамотность населения Европейской России в 1897 г. по губерниям. 351 с.

Солдатенко В.Ф. 2009. Феномен Украинской революции. *Российская история*. №1. С. 34-46.

Тройницкий Н. (ред.). 1905. *Общий свод по империи: Результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения произведенной 28 Января 1897 года*. Том II. Санкт Петербург: Законодательный отдел. 500 с.

Усова Л. 2011. Внешняя политика Украины: между внеблоковостью и евроатлантической интеграцией. *Власть*. №7. С. 156-15

Формирование национальной идентичности в современной Словакии

М.В. Ведерников

Институт Европы РАН

«Бархатный развод», произошедший между Чехией и Словакией в 1993 г., привёл к появлению двух независимых государств. В отличие от Чехии, которая до момента образования Чехословакии в 1918 г. имела историю независимого существования и воспринимала возникшее после Первой мировой войны государство как продолжение своей государственности, в Словакии были распространены иные взгляды. Прежде всего, они базировались на идеях об отсутствии преемственности в историческом развитии между Чехословакией и современным словацким государством и вынужденном сосуществовании чехов и словаков в рамках единого государства, притеснении их прав на протяжении более чем 70 лет. Для обоснования подобных идей в обстановке усиливающихся националистических настроений, которые эксплуатировались руководившими страной политическими силами, происходило активное использование политики памяти и соответствующего ей инструментария. Это вело к восстановлению образов не только персоналий, которые активно боролись за национальные права словаков, представляли народ на международной арене, но и тех, кто, реализуя права народа на самоопределение, сотрудничали с преступными политическими режимами и прибегали к нарушению базовых прав и свобод человека. Как отмечено в исследовании, обращение к этим страницам истории было свойственно для властей, прежде всего, на начальном этапе самостоятельного развития государства. В дальнейшем по мере реализации плана по интеграции в западноевропейское общество произошёл отход от националистического дискурса, хотя полного отказа от него в Словакии не произошло. Стоит отметить возникновение дискуссионных моментов особенно в ходе т.н. мемориального бума (2015–2020) и сопутствующих событий. Для понимания особенностей исторической политики Словакии необходимо сравнение с опытом Чехии. Ключевые отличия заключаются в выбранной национальными элитами основе новой идеологии. Для Чехии таковой стал антикоммунизм, в Словакии же не произошло полного отрицания коммунистического прошлого. Во многом это сказалось на восприятии СССР и его правопреемницы России, которое оказывает существенное влияние на состояние текущих словацко-российских и чешско-российских отношений.

Ключевые слова: Словакия, Чехословакия, историческая политика, историческая память, идентичность, политика памяти, М.Р. Штефаник

УДК: 321.02

Поступила в редакцию: 15.09.2020 г.

Принята к публикации: 24.12.2020 г.

Историческая память и связанное с ней напрямую историческое сознание являются важными факторами, оказывающими влияние на формирование идентичности человека, прежде всего национальной. Как отмечает И.С. Семененко, национальная идентичность «опирается на чувства принадлежности к нации как значимому для самоидентификации сообществу и личной сопричастности его развитию»¹. Л.П. Репина замечает, что в прошлом народа или нации «прежде всего раскрывается смысл исторического существования, воплощается система ценностей» (Репина 2016: 12). Впрочем, благополучное становление национальной идентичности возможно при опоре «на положительное восприятие исторического опыта», в случае формирования негативного образа конкретных исторических событий/явлений/героев – «происходит размытие национального самосознания и кризис идентичности сообщества»².

«Воспоминания о минувшем» способствуют коллективной идентификации, сравнимой по размаху с религиозной идентификацией. Впрочем, важно отметить, что память о прошлом не обладает статичным характером и, наоборот, подвергается постоянным изменениям. Таким образом, можно говорить о ней как о динамичной системе, которая меняется во времени и зависит от контекста, в котором развивается общество. Словацкий социолог О. Дьярфашова выделяет три категории факторов, которые влияют на изменение интерпретации прошлого: 1) перемены в структуре общества ввиду смены поколений; 2) изменение политических режимов, представители которых имеют своё собственное, противоположное по сравнению с предшественниками, представление об истории; 3) международные обстоятельства, которые оказывают влияние на коллективную память (Gyárfašová 2015: 25). Чем больше несоответствие между прошлым и системой ценностей настоящего, тем активнее принимаемые меры и сильнее давление на общество.

Образы прошлого, которые широко тиражируются в общественном пространстве социума, могут быть либо результатом контролируемой «политики памяти», сформированной сверху, либо могут быть созданы «снизу» как память поколений. Как показывают наблюдения, память поколений не представляет собой надёжного инструмента передачи воспоминаний (Майорова 2010). Она сильно подвержена трансформациям, которые возникают в ходе заметных социально-политических сдвигов или попросту с течением времени. Некоторые события могут забываться в рамках устной традиции передачи образов прошлого из поколения в поколение. В первом же случае, который более эффективен (Малинова 2018: 29–30; Поцелуев 1999) и широко используется, власти стараются закрепить «память» в политических институтах путём увековечива-

¹ *Идентичность. Личность. Общество. Политика*. 2017. Энциклопедическое издание. Под ред. И.С. Семененко. Москва: ИМЭМО РАН. 992 с. С. 405.

² Там же. С. 410.

ния национальных символов, традиций и героев. Говоря о «политике памяти», следует определить «границы этого концепта». Так, П. Веровшек выделяет широкий и узкий подходы к его пониманию. Если в рамках первого – «феномен включает в себя любое высказывание о прошлом и все сферы общественной жизни», то во втором случае речь идёт об институциональном подходе, где внимание сконцентрировано на деятельности политических элит (Verovšek 2016). Конкретизируя понятие, «политику памяти» можно обозначить как «усилия политических элит, их сторонников и противников по конструированию значения прошлого и его широкому распространению или навязыванию прочим членам общества» (Lebow, Kansteiner, Fogu 2006: 7).

При реализации «политики памяти» используются инструменты, направленные на создание коллективной памяти путём выделения конкретных исторических событий и личностей и, с другой стороны, забвения иных, которые не укладываются в концепции, продвигаемые текущей властью. Одним из характерных механизмов в этом направлении является формирование пантеона национальных героев, которые представляют золотой век истории. Как отмечает Д. Ковач, «в определённый момент национальной агитации они перестают быть историческими персоналиями и начинают выполнять функцию национальных символов» (Kováč 2009: 340). Подобное обращение с историей, где одних целенаправленно забывают, а на передний план выносят других, несомненно, достойных, но призванных оказывать определённое идеологическое воздействие, ведёт к «коллективной амнезии» событий и процессов, которые рассматриваются текущими властями как второстепенные и способные оказывать влияние на государственную идеологию.

Курс власти на использование истории в своих прагматичных целях не может не вызвать общественное обсуждение, которое ведёт к появлению политических и идеологических разделительных линий. Таким образом, попытки представить объективную картину исторического развития государства приводят к «борьбе за историю», где преимущество находится на стороне тех, кто в данный момент обладает большим административным ресурсом. Впрочем, А. Миллер отмечает, что «политика памяти» может быть пространством диалога и различных трактовок и быть «более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов» (Миллер 2009).

Особое место «политика памяти» занимает в странах, которые пережили в конце 1980-х гг. переход от социалистической модели управления государством к капиталистической, что сопровождалось также трансформацией идеологической составляющей обществ. Постсоциалистические государства были наиболее активны в Европе в разработке подходов «политики памяти» и расширении её применения. Стоит привести классификацию методов, о которых говорит А. Миллер: 1) создание специальных институтов для насаждения определённой трактовки прошлого и финансирование идеологизированных исследователь-

ских проектов; 2) манипуляция архивами, сохранение режима секретности; 3) разработка мер контроля за деятельностью историков; 4) вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории; 5) принятие мемориальных законов, закрепляющих единственную трактовку прошлого (Миллер 2009: 10).

Говоря о Словакии, стоит отметить, что власти страны на протяжении последних 30 лет не использовали полностью весь набор методов. Они ограничивали свой инструментарий конкретными мерами, которые служили подспорьем для реализации национальной и исторической политик. Поначалу они касались необходимости разрешения существующего конфликта между чехами и словаками в обстановке наметившегося с начала 1990-х гг. курса на дезинтеграцию единого чехословацкого государства. Затем они сводились к обоснованию существования самостоятельного государства.

Пример Словакии интересен тем, что он показывает вариант ненасильственного становления государственности, в ходе которого удалось избежать националистических выпадов, произошедших в других государствах на фоне возрождения и последующего повышения значения национальной идентичности. В этой связи словацкий случай противоречит утверждению Г.-Р. Уикера, что «этнизация и возрождение национальных идентичностей ведёт к ослаблению государства, уменьшению социальных прав и проблемам в экономике» (Wicker 1997: 31).

Неизбежность «бархатного развода»?

После «бархатной революции» 1989 г. новые власти Чехословакии оказались в ситуации, когда перед ними встала необходимость формирования новой идеологии государства, поскольку отказ от предшествующего идейного курса был озвучен как один из главных постулатов революции. В обстановке предшествующего 40-летнего пребывания в рамках социалистической системы, где была разработана глубокая идейно-политическая система ценностных координат, базирующаяся на постулатах марксистско-ленинской философии, страна была вынуждена искать пути обоснования нового пути развития. Исторические реминисценции стали одним из ориентиров, которые способствовали новому правительству держаться на плаву и выстраивать движение в соответствии с заранее озвученным планом, который сводился к «вовлечению Чехословакии в процесс европейской интеграции и реализации идеи европейского дома» (Suk 1997: 295). В случае Чехословакии эта задача упрощалась благодаря тому, что страна имела уходящую далеко в прошлое традицию государственности. Каждый период истории, будь то Средние века (правление Карла IV), или Новейшее время (современная Чехословакия), демонстрировал существование жизнеспособного и конкурентного государства. Впрочем, деятели «бархатной революции» из всего имеющегося многообразия в качестве образца взяли за

основу пример «чехословацкой государственности межвоенного времени». С одной стороны, это был наиболее близкий по времени период чешской и словацкой истории, некоторые свидетели которого на тот момент были ещё живы. С другой – в это время воплотились в жизнь принципы, которые в начале «революции» были озвучены в качестве программных целей Гражданского форума³: создание правового государства, реализация гражданских прав и свобод, функционирование демократических механизмов, наличие гражданского общества.

Впрочем, можно говорить о сформировавшемся и закрепившемся уже тогда, в начале 1990-х гг., идеалистическом представлении о межвоенной Чехословакии (1918–1938 гг.) как о стабильном, процветающем государстве, лишённом внутренних противоречий (Динуш 2019: 122; Шимов 2015). Однако, если обратиться к его истории, то становится очевидным, что оно было во многом противоположностью тому образу, который пытались представить молодые демократы, стремящиеся поскорей избавиться от «тоталитаризма». Здесь были и проявления авторитаризма, и нестабильность политической системы, и, что более важно, отсутствие взаимопонимания между двумя государствообразующими народами – чехами и словаками.

В ходе «бархатной революции» в обеих частях государства – чешской и словацкой – в политике, науке и культуре формировались собственные национальные элиты, которые в атмосфере общественного возбуждения переходного периода начали активно поднимать разговоры о словацко-чешских отношениях. В основном они велись с позиции ущемлённого положения словацкого народа и необходимости его уравнивания (Hlavová, Žatkulial 2002: 23; Krno, Lysý, Krno 2009: 305). В такой ситуации на помощь словацким политикам приходила история, которая давала им почву для расширения требований и их оправдания. Например, неучтённые притязания словаков о наделении их автономией накануне образования самостоятельной Чехословакии в 1918 г. предоставляли словацким общественным деятелям возможность говорить о диктате Праги, губительном последствии идеологии чехословакизма и попытках ассимиляции словаков. Представители двух народов имели зачастую противоположную оценку межвоенного периода, марионеточного государства Й. Тисы и событий Пражской весны 1968 г. Историк А. Рейх отмечает, что «те фазы чехословацкой истории, которые вызывали восторг у чехов, наталкивались на критику и неприятие словаков, и наоборот» (Рейх 2010: 302).

³ Гражданский форум (ГФ) – политическое движение, которое было создано через два дня после начала «бархатной революции» в Чехословакии и стало центром политической жизни страны. Представители ГФ, возглавив революционный процесс, выступили против коммунистического режима и предложили программу демократических реформ. Вацлав Гавел стал первым неформальным лидером ГФ.

Особенности «политики памяти» в Словакии

Несмотря на то, что разделение Чехословакии на два независимых государства зачастую рассматривается как «естественный результат более 100-летнего стремления словаков обрести национально-государственный суверенитет» (Махачек 2005: 134), социологи констатировали, что среди широких слоев населения отсутствовала крепкая увязка со словацкой идентичностью, существовало сильное разобщение как по региональному (Восток – Запад), так и по социально-экономическому (город – деревня, уровень достатка, образования) признакам (Krekovičová 2002: 164). Политикам, вставшим у руля нового государства, необходимо было использовать доступный инструментарий для укрепления национально-идеологического фундамента государства. В условиях недостатка у Словакии богатого на исторические события, громкие имена и устоявшиеся политические традиции прошлого, конструкторы словацкой государственности использовали, с одной стороны, наиболее актуальные события (отказ от коммунизма и обретение самостоятельности), с другой – те страницы истории, которые в предшествующее время были недоступны ввиду идеологических барьеров (Е. Крековичова называет коммунизм «заморозкой коллективной памяти»: Krekovičová 2002: 151). Можно согласиться с утверждением Р. Пинсента, который говорит о том, что словаки нуждались в том, чтобы «их придумали как нацию». Для этого был использован метод «активного атавизма», подразумевающий «поиск предков путём извлечения истории из настоящего, а не обретение настоящего в истории» (Pynsent 1994: 60).

Процесс нациестроительства был сложен и не был продуман на должном уровне: отсутствовала чёткая стратегия, с помощью которой можно было бы осуществлять шаги по укреплению национальной идентичности. Наглядный пример идеологического «микса» и исторических наслоений можно обнаружить при обращении к государственным праздникам и официальным символам Словакии, установленным после 1993 г. Так, бело-сине-красный флаг, возникший в ходе революционной «весны народов» 1848 г. как противопоставление венгерскому стягу, делал отсылку к идее славянской взаимности; в то же время герб был напрямую связан с символикой венгерского государства – частично он изображён на современном гербе Венгрии. В свою очередь национальным гимном («Над Татрами молнии сверкают») стала расширенная версия словацкой части чехословацкого гимна, который исполнялся на двух языках (надо отметить, что в годы военного словацкого государства (1939–1945 гг.) использовалась песня «Гей, словаки»).

Переплетение традиций различных исторических эпох и идеологий наглядно продемонстрировано и в установившихся после 1993 г. государственных праздниках и памятных датах. Они отражают произошедшие политические изменения и направлены на укрепление национальной идентичности словаков. Впрочем, при их комплексном рассмотрении заметно противоречие заложен-

ных в них смыслов. Так, их можно разделить на несколько категорий. К наиболее крупной группе празднеств относятся религиозные торжества, которые в коммунистические годы были под запретом. Тем самым подтверждался христианский характер словаков (в 2001 г. 82,7% населения страны назвали себя приверженцами римско-католической церкви) (Krekovičová 2002: 152) как противопоставление бывшему атеистическому государству чехов и словаков. Другая группа праздников направлена на закрепление прозападных демократических позиций Словакии, вставшей на путь «возвращения в Европу» и отказа от социалистического прошлого. К ним можно отнести День борьбы за права человека (25 марта), День памяти несправедливо осуждённых (13 апреля), День освобождения от фашизма (8 мая), День борьбы за свободу и демократию (17 ноября).

В череде антикоммунистических дат, которые должны были обозначить идейное наполнение новой власти, особняком стоит День словацкого национального восстания (*Slovenské národné povstanie, SNP*) (29 августа), который остался единственной памятной датой, сохранившейся со времен Чехословакии. Хотя толкование события изменилось – просоветское и коммунистическое содержание было заменено на демократическое и антифашистское – наличие такого праздника вызывало широкую дискуссию. Противоречивость этого события была также связана с двойственным отношением к политическому режиму, который существовал в Словакии в годы Второй мировой войны и против которого было направлено сопротивление. Будучи недемократичным и квазифашистским, это государственное образование в то же время символизировало возникновение независимой, свободной от диктата Праги Словакии. Официальное торжество, будучи нацеленным на широкие слои населения, должно было символизировать наличие консенсуса в отношении событий, которым оно было посвящено. Впрочем, на волне словацкого националистического подъёма в начале 1990-х гг. словацкое национальное восстание (СНВ) содержало много разделительных линий.

Дискуссии вокруг СНВ разделились на два противоположных в ценностном восприятии подхода – «за» и «против». Упрощённо можно говорить о том, что участники восстания и их симпатизанты выступали за его прославление как акт героизма. В свою очередь их оппоненты рассматривали это событие как вооружённое подстрекательство и «заговор против народа», который привёл к бессмысленному кровопролитию и «государственной измене» (Michela, Kšinan 2012: 37–38). Это вело к расширению политических и общественных столкновений, поскольку требовалось примириться с прошлым и найти варианты совместного проживания граждан, смотрящих по-разному на события Второй мировой войны.

Событие, доставшееся в наследство от социалистической Чехословакии, неизменно поднимало вопросы об остатках советского наследия в Словакии. После «бархатной революции» новые власти были бескомпромиссны в отношении

своих предшественников и идеологии, которой они придерживались. Во многом импульс такому поведению был задан их чешскими коллегами. В апреле 1990 г., ещё в едином государстве чехов и словаков, был принят закон о судебной реабилитации осуждённых по приговорам, которые противоречили «принципам демократического общества»⁴. Далее, в ноябре 1990 г., последовали постановления о возвращении в пользу государства движимой и недвижимой собственности Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ)⁵; в 1991 г. – закон о разрешении имущественных правонарушений в отношении лиц венгерской и немецкой национальностей и представителей религиозных организаций⁶. Вершиной антикоммунистического движения на официальном уровне стал «Закон о времени несвободы», где говорилось о том, что «коммунистический режим с 1948 по 1989 гг. нарушал права человека и государственные законы»⁷. В 1996 г. последовала расширенная версия этого юридического акта, в котором были озвучены главные преступления коммунизма⁸. Впрочем, в документе в отличие от аналогичных законов, принимавшихся во многих постсоциалистических государствах, не была осуждена деятельность КПЧ и её деятелей. Можно предположить, что это было связано с традицией чествования героев СНВ, многие участники которого были членами партии и не могли соответственно быть «преступниками». В свою очередь это позволило сохранить на территории страны значительное количество улиц, памятников и других мемориальных мест, посвящённых деятелям, непосредственно связанным с КПЧ. Можно говорить о консервации в Словакии коммунистического наследия и его смешении с новыми тенденциями, которые пришли в страну после «бархатной революции».

Отметим символический парадокс, произошедший в Братиславе: местные власти приняли решение переименовать парк, на территории которого был размещён памятник участнику СНВ, коммунисту Каролу Шмидке, в честь Андрея Глинки, идейного вдохновителя словацкого военного государства (Miháliková 2006). Таким образом, в одном месте объединялись две совершенно противоположные исторические традиции.

Впрочем, после 1996 г. к наиболее существенным шагам словацких властей по преследованию остатков коммунизма можно отнести принятие в 2002 г. закона об Институте памяти нации, согласно которому учреждалась одноименная

⁴ Zákon č.119/1990 Z.z. o súdnej rehabilitácii. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/119-1990.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁵ Ústavný zákon zo dňa 16. novembra 1990 o navrátení majetku Komunistickej strany Česko-Slovenska ľudu Českej a Slovenskej Federatívnej republiky. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/496-1990.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁶ Zákon č. 282/1993 Z.z. o zmiernení niektorých majetkových krívď spôsobených cirkvám a náboženským spoločnostiam. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/282-1993.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁷ Zákon 480/1991 Zb. o dobe neslobody. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/480-1991.pdf> (accessed 13.02.2021).

⁸ Zákon 125/1996 Z.z. o nemorálnosti a protiprávnosti komunistického systému. *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/pdf/125-1996.pdf> (accessed 13.02.2021).

организация. Она сочетала в себе научно-исследовательскую и общественно-просветительскую функции, должна была «сделать доступной информацию о тайной деятельности репрессивных органов Третьего рейха и СССР в “период несвободы” (1939–1989 гг.) и найти виновных за порабощение родины»⁹. Несмотря на активную деятельность Института, который выпускает в свет значительное количество научной и научно-популярной литературы, важно отметить, что после 2006 г., когда к власти пришла партия «Смер – Социальная демократия», негативная риторика в отношении коммунистического этапа развития Словакии заметно ослабла. Можно говорить о смене курса правительства, продолжавшегося у власти до 2020 г., в связи с тем, что оно имело левую политическую ориентацию (Марушьяк 2018: 76) и декларировало проведение политики, нацеленной на восстановление социальной справедливости. Также словацкие власти, взяв на вооружение национал-популизм¹⁰ и евроскептицизм, выбрали в качестве объекта для критики Евросоюз, поэтому острая необходимость в осуждении коммунистического режима отпала. В этой связи неудивительно, что с 2007 г. парламент страны не принял ни одного закона, осуждающего коммунизм и его приверженцев.

Обращение к историческим персоналиям для обоснования политических требований

На финальном этапе развития чехословацкого государства в истории был найден источник легитимизации национальных требований. Словаки в обстановке нарастающих националистических настроений в обществе и, прежде всего, в среде новой элиты старались найти в прошлом героев, вокруг которых мог быть сформирован национальный пантеон.

В качестве практической меры, которая была направлена на конструирование словацкой идентичности можно обозначить активную популяризацию деятеля национально-освободительного движения М.Р. Штефаника. Так, согласно принятому 23 апреля 1990 г. закону, признавался его чрезвычайный вклад в «создание государства чехов и словаков»¹¹. В его честь была учреждена государственная награда, был переименован аэропорт Братиславы, Академия вооружённых сил Словакии, его имя присвоили сотням улиц, проспектов и площадей по всей Словакии. На крупнейшей по номиналу банкноте (5 тыс. крон) был изо-

⁹ Zákon 553 o sprístupnení dokumentov o činnosti bezpečnostných zložiek štátu 1939 – 1989 a o založení Ústavu pamäti národa a o doplnení niektorých zákonov (zákon o pamäti národa). *Ústav pamäti národa*. URL: <https://www.upn.gov.sk/data/zakony/553-2002.pdf> (accessed 13.02.2021).

¹⁰ Саморуков М. 2020. Обманутые надежды. Что сменит национал-популизм в Восточной Европе. *Московский центр Карнеги*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81200> (дата обращения 13.02.2021)

¹¹ Zákon č. 117/1990 Zb. o zásluhách M. R. Štefánika. *Zbierka zákonov SR*. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1990-117> (accessed 13.02.2021).

бражен его профиль. Через 10 лет, в 2000 г., был принят очередной *lex Štefánik*, в котором подтверждались его особые заслуги в процессе образования «чешско-словацкого государства»¹².

Обращение к этой исторической персоналии при наличии спорных моментов в её биографии¹³ преследовало несколько задач. Во-первых, показать вовлечённость словацкого народа в создание самостоятельного чехословацкого государства; во-вторых, продемонстрировать наличие у словаков политического деятеля, который мог бы состязаться на равных с «отцом» чехословацкой нации – Т.Г. Масариком. В-третьих, вхождение М.Р. Штефаника в высшие политические круги Франции накануне и в годы Первой мировой войны демонстрировало признание представителями великих держав статуса словацкого народа; в-четвёртых, хождение слухов о спланированной авиакатастрофе, в которой погиб М.Р. Штефаник в 1919 г., давало почву приверженцам теорий заговора для обвинения чехов, которые якобы не были заинтересованы в наличии такой сильной фигуры среди словаков.

Если личность М.Р. Штефаника была неразрывно связана с демократической межвоенной Чехословакией с присущей ей системой ценностей, то на другой стороне исторических коммеморативных практик находилась фигура идеолога словацкого национального возрождения Л. Штура (1815–1856 гг.). Повышенное внимание к его персоне приходится уже на момент, последовавший за возникновением независимого словацкого государства (Macho, Kodajová 2015). Фигура составителя языкового стандарта современного словацкого языка и борца за национальные права в парламенте Королевства Венгрия использовалась для придания веса дискуссиям об отличии словаков от чехов, обоснованию укоренённости словацкой идентичности в сознании рядовых словаков; постоянной борьбе словацкого элемента против притеснений со стороны иных народов, например, венгров. В то же время его политические воззрения, связанные с идеей всеславянского единения под главенством России, частично соответствовали курсу, выбранному находящейся у власти партией «Народная партия – Движение за демократическую Словакию» под руководством В. Мечиара. Последний на протяжении своего нахождения в должности премьер-министра (1993–1998 гг., с небольшим перерывом в 1994 г.) говорил о неоднозначности ориентации на «возвращение в Европу» и заявлял, что «если нас не хотят видеть на Западе, то мы можем повернуться на Восток» (Марушьяк 2010: 143).

¹² Zákon č. 402/2000 Z. z. o zásluhách Milana Rastislava Štefánika o Slovensko. Zbierka zákonov SR. URL: https://www.slovlex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2000/402/vyhlasene_znenie.html (accessed 13.02.2021).

¹³ Накануне Первой мировой войны М.Р. Штефаник не связывал своего будущего со Словакией, поскольку на тот момент он стал не только видным французским учёным, но и политическим и дипломатическим работником, отстаивающим интересы Французской Республики. Важно отметить, что и в России уже в ходе войны его воспринимали как француза, о чём свидетельствует данное ему российскими представителями Охранного отделения прозвище – «француз».

В качестве мер, которые были направлены на популяризацию Л. Штура, необходимо назвать принятие закона о внесении объектов наследия, связанных напрямую с жизнедеятельностью этого деятеля в городе Модра, в перечень памятников национального достояния¹⁴. В том же году был учреждён Орден Людовита Штура – третья по значимости награда Словакии, которая предназначена исключительно для граждан страны¹⁵. Топография страны пополнилась новыми улицами, проспектами и площадями, названными в честь этого словака.

В условиях националистического подъёма, который отмечался в Словакии в момент обретения независимости и в последующие годы правления В. Мечиара, политики и общественные деятели «актуализировали» прошлое, прежде всего, для обоснования появления независимого государства. В этой связи они зачастую обращались к спорным страницам словацкой истории, которые, по их мнению, свидетельствовали об оправданности возникновения самостоятельной Словакии. Наиболее неоднозначным явлением, вокруг которого существовали разные оценки, было военное словацкое государство, возникшее в годы Второй мировой войны и выступавшее на стороне нацистской Германии. Опросы общественного мнения, проведённые в 1993 г., показывали, что словаки среди исторических персоналий, которые вызывали у них гордость, практически в равном соотношении называли как М.Р. Штефаника, так и Й. Тисо, главу данного марионеточного государства (Blašćák, Gyárfášová, Hlavinka, Vrzgulová 2013: 28). Существование такого восприятия истории свидетельствовало о противопоставлении двух политических тенденций, которые на тот момент царили в обществе, – либерально-демократической и национал-авторитарной.

Неудивительно, что в 1990-е гг. активно о себе заявили сторонники Й. Тисо, объединившиеся в обществе «Друзей президента Тисо в Словакии и за рубежом». Они вели активную просветительскую деятельность, с помощью которой стремились опровергнуть, по их мнению, устоявшиеся к тому времени ложные теории и наветы, касающиеся первой словацкой республики. Они требовали признать её «историческое значение», снять обвинения с её президента, реабилитировав его. Они делали акцент на том, что ему удалось спасти тысячи человек от опасности попадания в немецкие концентрационные лагеря и газовые камеры. В этой связи они считали должным увековечить его память на официальном уровне, поставив его в один ряд с героями Второй мировой войны, СНВ и жертвами Холокоста. Таким образом, они подчёркивали: «Первая словацкая республика не была фашистским государством, Й. Тисо не является ни военным преступником, ни фашистом, ни нацистом, ни союзником Гитлера и не несёт ответственность за депортацию евреев в Третий рейх» (Zamlčaná pravda o

¹⁴ Nariadenia vlády Z.z. č 288/1994. *Zbierka zákonov SR*. URL: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1994/288/19941027.html> (accessed 13.02.2021).

¹⁵ Nariadenia vlády Z.z. č. 37/1994. *Zbierka zákonov SR*. URL: <https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1994/37/> (accessed 13.02.2021).

Slovensku 1996: 4–5). Однако такие настроения не получили повсеместного распространения. Можно говорить об их опосредованном значении, что, впрочем, не мешало им оказывать влияние на формирование национальной идентичности словаков. М. Кшинян отмечает, что соцопросы, проведённые с 1989 по 2008 гг., свидетельствовали о том, что зачастую сторонники Словацкого национального восстания поддерживали также и режим Тисо (Michela, Kšinan 2012: 38).

Как показывают последующие исследования, в ходе внутренних политических трансформаций и процесса принятия страны в ЕС отношение к военному словацкому государству сместилось к его негативному восприятию (Gyúrfašová 2015: 26). Впрочем, в стране до сих пор активно присутствуют политические силы, которые восхваляют достижения тисовского режима и, что немаловажно, получают поддержку со стороны населения, которая оценивается в 8-12% во время национальных выборов (Выборы в Европарламент... 2019). В этой связи неудивительно, что словацкие власти делают акцент на изучении вопросов, касающихся военного словацкого государства, прежде всего темы Холокоста, при преподавании истории в учебных заведениях. Министерство образования Словакии в своих методологических рекомендациях подчёркивает важность усиленного внимания к теме преступлений, совершённых в годы Второй мировой войны против беззащитных людей. Так, например, дополнительный третий час истории в средней школе, введённый в 2019 г., должен был быть посвящён преследованию евреев в Словакии и в глобальном историческом контексте. Учителям надлежит организовывать экскурсии в музеи на территории концлагерей, демонстрировать документальные фильмы, рассказывать о повседневной истории людей, оказавшихся жертвами геноцида. Словацкий историк Л. Гоптова отмечает, что усилия властей направлены на предупреждение распространения «ложной информации из СМИ, пропагандирующих экстремистские взгляды» (Hoptová 2020: 436).

Относительно компромиссной политической фигурой межвоенного времени, которая выступала с призывами к обретению Словакией автономии в рамках Чехословакии и не была при этом скомпрометирована сотрудничеством с нацистской Германией, стал Андрей Глинка¹⁶. Его образ активно использовался словацкими властями, поскольку он был главой политической партии, которая в межвоенное время оперировала националистической риторикой (Нечаева 2016: 157) и при этом обладала широкой поддержкой среди населения, что подтверждалось итогами демократических выборов (Чехия и Словакия 2010: 119, 145, 162). Среди важных коммеморативных мер, связанных с его персоной, необходимо назвать следующие: его профиль был помещён на вторую по номи-

¹⁶ Умер в 1938 г. за год до раздела Чехословакии нацистской Германией и начала сотрудничества словацких властей с Берлином.

налу банкноту национальной валюты (1 тыс. крон)¹⁷; в его честь был учреждён Орден Андрея Глинки (второй по значимости в стране)¹⁸. Кульминацией процесса признания заслуг А. Глинки стало принятие в 2007 г. специального закона, согласно которому он получил почётный титул «Отец народа». В данном документе подчёркивалось, что «его фигура, труды и наследие привели к возникновению независимой Словакии в 1993 г.». Более того, мавзолеем А. Глинки в г. Ружомберок признавался памятным местом: «Каждый посетитель мавзолея обязан выражать почтение к личности А. Глинки и сдерживаться от всего, что могло бы нарушить спокойствие в данном месте»¹⁹. Впрочем, меры правительства по увековечиванию памяти А. Глинки раздели профессиональное историческое сообщество Словакии на два лагеря. Представители первого говорили о том, что *lex Hlinka* ведёт к повторному установлению государственной пропаганды, как в тоталитарных государствах, не способствует укреплению исторической памяти и разделяет учёных на покорных и непослушных. Во втором – отмечали, что подобный закон демонстрирует признание заслуг А. Глинки перед словацким народом (Kšifan 2014: 93).

Воскрешение образов М.Р. Штефаника, Л. Штура и А. Глинки проходило одновременно с популяризацией и других исторических периодов и личностей, которые могли подтвердить укоренённость словацкой истории в общеевропейской летописи, обозначить наличие «золотого века» словацкой государственности. Так, в преамбуле Основного закона страны, принятом 1 сентября 1992 г., прослежена связь новообразованного государства с духовным наследием славянских миссионеров Кирилла и Мефодия и подчёркивается историческая преемственность с Великой Моравией²⁰, средневековым государством, расцвет которого пришёлся на IX–X вв. Тот факт, что два государства разделял тысячелетний промежуток, в который вместились почти 800-летнее пребывание словацких территорий в составе Венгрии, не учитывался. Обращение именно к этому историческому периоду было обосновано желанием указать, с одной стороны, на древность словацкого государства как самого первого славянского государства в Европе. С другой – этот факт давал возможность для заявлений о словаках как более древнем и развитом народе, нежели венгры, с которыми у словаков на протяжении долгих периодов времени были острые конфликтные отношения²¹. На официальном уровне процесс активизировался в январе 2008 г.

¹⁷ Vyhláška Národnej banky Slovenska o vydaní bankoviek po 1 000 Sk do obehu a o stiahnutí okolokovaných bankoviek po 1 000 Kčs z obehu. *Zbierka zákonov*. URL: https://www.slov-lex.sk/static/SK/ZZ/1993/228/vyhlasene_znenie.print.html (accessed 13.02.2021).

¹⁸ Zákon 37/1994 Z. z. o štátnych význameniach. *Zbierka zákonov*. URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1994/37/vyhlasene_znenie.html (accessed 13.02.2021).

¹⁹ Zákon o zásluhách Andreja Hlinku o štátotvorný slovenský národ a o Slovenskú republiku. *Národná rada Slovenskej republiky*. URL: <https://www.nrsr.sk/web/Dynamic/DocumentPreview.aspx?DocID=266658> (accessed 13.02.2021).

²⁰ Ústava Slovenskej republiky. – Úrad vlády SR. URL: <https://archiv.vlada.gov.sk/old.uv/8576/ustava-slovenskej-republiky8786.html?menu=1280> (accessed 13.02.2021).

²¹ Венгры перекочевали на территорию современной Венгрии только в 896 г., когда Великая Моравия уже была в зените своего могущества и влияния.

после выступления премьер-министра Роберта Фицо во время празднования 15-летия независимости Словакии, в котором он использовал термин «древние словаки» в отношении жителей государства Великая Моравия²².

Для закрепления образа этого государства, который для обывателя не был хорошо знаком, в её истории был выбран полумифический князь Святополк, который активно стал «ословачиваться». Итогом популяризации этого исторического деятеля стала установка в 2010 г. в центре Братиславы, на Граде, восьмиметровой статуи. Тот факт, что на церемонии открытия присутствовали президент Иван Гашпарович, премьер Р. Фицо и ряд других видных чиновников, говорит о значении Святополка для власти, который, по словам премьера, являлся «патроном словацких земель как св. Штефан у венгров и св. Вацлав у чехов»²³. Впрочем, пришедшее через несколько недель после открытия памятника, правительство Иветы Радичевой постановило собрать экспертную группу для принятия решения о целесообразности размещения этого монумента в центре столицы. Несмотря на то, что комиссия заявила о необходимости его демонтажа (Святополк никогда не был «королём словаков», многие государственные знаки на статуе не соответствовали времени появления, да и он сам не был никогда на территории нынешней Братиславы)²⁴, монумент после некоторых внесённых в него изменений был возвращён на своё первоначальное место. Во многом это было связано с непродолжительным пребыванием у власти нового правительства, которое было вынуждено уйти в отставку. На его смену вновь пришёл кабинет во главе с предыдущим премьером Р. Фицо, который не отказался от своей ранее реализованной инициативы. Тот факт, что подобная дискуссия по поводу исторического деятеля стала возможна, служит доказательством демократичности словацкого общества. В этой связи стоит согласиться с Ю.А. Сафроновой, которая говорит, что «историческая политика может существовать только в демократических режимах, так как она предполагает конкуренцию интерпретаций и возможность общественных дебатов, которые обеспечиваются свободой слова» (Сафронова 2020: 203).

На фоне борьбы за памятник шли дискуссии историков, которые разделились на два лагеря – тех, кто соглашался с существованием «древних словаков» и «словака Сватополка» и тех, кто стоял в жёсткой оппозиции. Первые, воспринимая понятие «нация» как объективно существующее явление и руководствуясь примордиалистским подходом, неосознанно участвовали в установке идеологических и ценностных рамок, где появлялась плодородная почва для национализма. Их оппоненты, отрицая примордиализм и руководствуясь объ-

²² Hrdý premiér Fico nastolil krále Svatopluka. Český rozhlas. *Radiozurnal*. URL: <https://radiozurnal.rozhlas.cz/hrdy-premier-fico-nastolil-krale-svatopluka-6272157> (accessed 13.02.2021).

²³ Krempaský J. 2010. Svätopluka na Hrade vítalí červené zástavy. *SME*. URL: <https://domov.sme.sk/c/5410141/svatopluka-na-hrade-vitali-cervene-zastavy.html> (accessed 13.02.2021).

²⁴ Саморуков М. 2010. Как маленькая нация поборолa большие комплексы. *Republic*. URL: <https://republic.ru/posts/1458656> (accessed 13.02.2021).

ективными фактами социальных трансформаций, указывали на то, что появление средневекового государства не ведёт к автоматическому преобразованию его жителей в нацию, которая в дальнейшем с ним отождествляется (Kšíňan 2014: 99). Сторонники первого подхода были предпочтительнее для премьера Р. Фицо, умеренно использующего умеренный националистический дискурс. Впрочем, итоги конкурса «Великий словак», который проводился в 2019 г., показали, что князь Святополк не стал национальным героем, заняв 64-е место в рейтинге. Лидерами общественного мнения стали М.Р. Штефаник, Л. Штур и А. Глинка²⁵.

Создание пантеона национальных героев свойственно молодым государствам, которым необходимо обоснование своего права на существование. Набор персоналий, которые формируют этот список выдающихся лиц, во многом зависит от характера политической власти. Для Словакии первых лет её независимости, где к власти приходили силы, использующие националистический дискурс (правление В. Мечиара, отчасти Р. Фицо), была свойственна героизация политиков и общественных деятелей, отстаивавших в прошлом либо уникальность словацкой идентичности, либо её особый статус (автономию), либо независимость.

В то же время действия политиков не были односторонними, поскольку они получали запрос на подобные действия от местного населения. Как отмечает Н.В. Коровицына, «наиболее популярные словацкие партии 1990–2016 гг. имели максимальную поддержку именно в регионах доминирования ... Глинковской словацкой народной партии» (Коровицына 2019: 249). Понимая «тесную» отложенную связь «уровня общественного развития, существовавшего в межвоенный период, с нынешней политической культурой, где господствовал традиционализм» (Коровицына 2019: 248), политики не могли не использовать воскрешение образов прошлого для получения дополнительных политических очков.

Преемственность словацкого государства с Чехословакией

Стоит указать на тот немаловажный факт, что в Конституции Словакии²⁶ не содержится ссылок на её преемственность с предыдущими государственными образованиями, прежде всего с Чехословакией. В основном законе лишь говорится о «политическом и культурном наследии предков» и о «столетнем опыте борьбы за национальное существование и государственность». В то же время указывается на то, что образование Словакии обосновано «естественным правом наций на “самоопределение”», что, по мнению Ю. Марушьяка, являет-

²⁵ Najväčší Slovák. Rozhlas a televízia Slovenska. RTVS. URL: <https://www.rtvsk/najvacsi-slovak/poradie-v-top-100> (accessed 13.02.2021).

²⁶ Ústavný zákon č. 460/1992 Zb. *Zakony pre ľudí*. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460> (accessed 13.02.2021).

ся краеугольным камнем понимания исторических традиций авторами данного документа (Marušiak 2017: 178)²⁷. Для того чтобы отбросить груз прошлого, который был связан с существованием словаков в едином государстве с чехами, новым властям страны необходимо было обратить внимание на формирование иного восприятия истории у граждан страны, прежде всего у молодого поколения. В условиях всеобщего среднего образования, где курс истории обязателен, этот предмет всегда способствовал социализации человека, который получал ту картину прошлого, которую хотели составить авторы исторических концепций, учебников и курсов (Ачкасов 2013: 113-114). Словацкий социолог С. Отченашева делает акцент на том, что «факты, собранные в учебниках истории, не являются нейтральной информацией о прошлом, а представляют собой выборку фактов, собранных на основании политических и культурных тенденций конкретного общества, и поэтому они являются социальным конструктом» (Otčenášová 2010: 8).

В этой связи стоит обратить внимание на работу исследователя М. Герхартовой (Gerhartova 2013). Она заметила, что после 1993 г. благодаря целенаправленной политике словацких властей в области образования произошла трансформация словацкой идентичности из-за изменения содержания преподаваемых курсов по истории. Отмечая, что идентичность во многом формируется в противопоставлении с другими народами, М. Герхартова указывает, что словаки в качестве таких «других» выбрали помимо венгров и немцев также и чехов. Составители учебных концепций сваливали вину и перекладывали ответственность на указанные народы, усиливая разницу между «ними» и «нами». Обвинения не всегда были направлены на всю нацию, иногда они были персонализированы и обращены к конкретным личностям (например, Э. Бенеш, Э. Гаха). Также она отмечает, что на страницах изученных учебных изданий не хватало баланса в освещении некоторых тем, поскольку авторы учебников акцентировали внимание преимущественно на словацкой истории, оставляя без должного внимания не только чешскую историю, но и мировую. Исследователь выделяет четыре стратегии для трактовки истории Словакии в XX в., свойственные авторам пособий: 1) «стратегия оправдания» направлена на объяснение, например, неизбежности распада Чехословакии в 1993 г. или появления независимого государства в годы Второй мировой войны; 2) «стратегия минимизации» указывает на то, что в принятии решений была задействована небольшая группа людей при исключении большинства из обсуждения; 3) «стратегия избегания» призвана исключить сведения о других народах, их представителях и политических партиях; 4) «стратегия легимитизации» подчёркивает правильность принятых решений.

²⁷ Ústavný zákon č. 460/1992 Zb. *Zakony pre ľudí*. URL: <https://www.zakonypreludi.sk/zz/1992-460> (accessed 13.02.2021).

«Мемориальный бум»

В 2015 г. в Словакии начался «мемориальный бум», который был вызван значительным количеством круглых дат, связанных с юбилеями исторических деятелей и годовщинами событий. Прежде всего, отметим 150-летие со дня рождения А. Глинки в 2014 г., 200-летие со дня рождения Л. Штура в 2015 г. Пик мемориальных событий пришёлся на 2018 г., когда в стране вспоминали образование Чехословакии (100-летие), Мюнхенское соглашение (80-летие), Пражскую весну (50-летие) и появление независимой Словакии (25-летие). В 2019 г. также было много памятных дат – 30-летие «бархатных революций» в Центральной Европе, 15-летие в ЕС и НАТО и, что важно, 100-летие смерти М.Р. Штефаника. Исследователь О.Ю. Малинова отмечает: «Символизируя дистанцию, отделяющую нас от исторического события, юбилеи “приглашали” к подтверждению его связи с настоящим» (Малинова 2017: 12).

Впрочем, вовлечённость словаков в празднование каждой из дат была разная, поскольку, как отмечают эксперты, «юбилеи порой актуализируют события, которые власти предпочли бы не вспоминать» (Малинова 2017: 12). Наиболее спорные круглые даты пришлось на 2018 г., когда общественному обсуждению подверглись события, прежде всего, касающиеся общего государства чехов и словаков. Важно отметить, что в отличие от Чехии, где 28 октября, день образования Чехословакии, является государственным праздником, в Словакии он к таковым не принадлежит. Несмотря на то что в 2018 г. специальным постановлением парламента этот день стал нерабочим, интересен тот факт, что в обосновании подобного решения указано не образование государства чехов и словаков, а 100-летие подписания 30 октября 1918 г. Декларации словацкого народа в Турчанском Св. Мартине (т.н. Мартинской декларации)²⁸. Таким образом, можно констатировать желание руководства Словакии обозначить своё собственное видение истории, не следовать чешской интерпретации.

В этой связи нужно отметить 100-летний юбилей не рождения, а гибели М.Р. Штефаника, состоявшийся в 2019 г. Эта историческая фигура за последние годы стала безоговорочным лидером различных опросов общественного мнения (Osudové osmičky 2018: 29) и популярных рейтингов²⁹, что, несомненно, послужило поводом для принятия правительством Словакии решения о придании этому году особого статуса – «года М.Р. Штефаника»³⁰. Размах проведённых

²⁸ Stráňavová L. 2018. V parlamente schválili mimoriadny štátny sviatok. *Noviny*. URL: <https://www.noviny.sk/slovensko/344978-v-parlamente-schvalili-mimoriadny-statny-sviatok> (accessed 13.02.2021).

²⁹ Najväčší Slovák. Rozhlas a televízia Slovenska. RTVS. URL: <https://www.rtvs.sk/najvacsi-slovak/poradie-v-top-100> (accessed 13.02.2021).

³⁰ Памятные мероприятия продлились до 21.07.2020. В этот день отмечалось 140 лет со дня рождения М.Р. Штефаника. См.: Rok 2019 vláda vyhlásila za Rok M.R. Štefánika. *Teraz*. URL: <https://www.teraz.sk/mrstefanik/rok-2019-vyhlasila-za-rok-m-r-stefa/376847-clanok.html> (accessed 13.02.2021).

мероприятий, которые прошли не только в самой стране, но и за её пределами, свидетельствовал о чётком демократическом курсе, взятом на вооружение последними правительствами страны, об отказе от националистического дискурса и о международном признании словаков как суверенного народа.

Активная инструментализация истории в период с 2015 по 2019 гг. совпала с миграционным кризисом, который обрушился на Европу в 2015 г. Наложение этих событий друг на друга придало новый смысл наследию предков, которые в первую очередь выступали с позиций защиты национальной самобытности. В обстановке, когда руководство Европейского союза начало, по мнению словацких властей, посягать на словацкий суверенитет³¹, предлагая принимать обязательные квоты по распределению беженцев, нарративы словацких исторических деятелей наполнились новым смыслом. Можно говорить, что вновь появлялся образ «другого», против которого можно было направить идеи, возвращаемые конструкторами национальной идеологии после 1989 г. В обстановке, когда противопоставление венграм, немцам и чехам противоречило интересам государства, которое входило с указанными народами в одно наднациональное объединение (ЕС), обращение к «третьим» народам было выгодно, прежде всего, политикам, которые активно использовали эту риторику для получения одобрения со стороны населения. В ходе выборов 2016 г. активную поддержку получили крайне правые националистические партии («Народная партия – наша Словакия» (8,04%)³², Словацкая национальная партия (8,64%)³³; помимо этого население голосовало и за другие политические силы (прежде всего, победивший «Смер – СД» – 28,28%), которые высказывались за необходимость сохранения национального суверенитета, который, по их мнению, мог быть нарушен со стороны беженцев, ищущих в Европе убежище³⁴. Впрочем, показательно, что спустя четыре года на следующих выборах, когда пик миграционного кризиса прошёл, партии, широко использовавшие ранее эти темы в своих предвыборных программах, не смогли получить схожие результаты и были вынуждены довольствоваться меньшими показателями одобрения деятельности со стороны избирателей (некоторые из них вообще остались за бортом национального парламента) (Ведерников 2020).

В этой связи можно заметить, что населению свойственно обращаться к спорным страницам своей истории в основном в сложные и переходные периоды своего развития, когда граждане дезориентированы и подвержены влиянию со стороны заинтересованных сил – прежде всего политиков, стремящихся через формирование определённой картины прошлого оказать воздействие на

³¹ Robert Fico: Najskôr bezpečnosť, potom ostatné. *Vlada*. URL: <https://www.vlada.gov.sk//robert-fico-najskor-bezpecnost-potom-ostatne/> (accessed 13.02.2021); СМИ: премьер Словакии заявил, что ЕС совершает «ритуальный суицид». РИА. URL: <https://ria.ru/20160126/1365538877.html> (accessed 13.02.2021).

³² Programové ciele našej strany Kotlebovci. *Ludová strana Naše Slovensko*. URL: <http://www.lsnaseslovensko.sk/> (accessed 13.02.2021).

³³ Volby do NR SR 2016. *Sns*. URL: <https://www.sns.sk/dokumenty/volby-2016/> (accessed 13.02.2021).

³⁴ *Volby do Národnej Rady SR 2016*. URL: <https://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2016/sk/data02.html> (accessed 13.02.2021).

мировоззрение человека. Имеющиеся в их арсенале СМИ, система государственного образования и тенденциозные общественные деятели способствуют созданию заданной картины мира, где выдаваемое изображение не всегда соответствует реальной исторической действительности. Необходимо отметить отличие начавшегося в 2015 г. в Словакии «мемориального бума» от прежних периодов активного использования «исторической политики». Прежде всего, важно подчеркнуть, что страна вышла на тот уровень развития, когда историческая политика использовалась не для «удлинения» истории, беспочвенной героизации полумифических персоналий и поиска собственного «золотого века», а для увековечивания памяти исторических героев, оказавших существенное влияние на становление словацкой государственности, а также для закрепления в памяти населения памятных дат, символизирующих борьбу за независимость страны, когда она была под угрозой ликвидации.

Случай Чехии

Рассматривая историческую политику Словакии, необходимо обязательно обратить внимание на особенности её проведения в Чехии. Хотя оба государства начали самостоятельное развитие одновременно, они имели сильные различия в характере и содержании этой политики. Прежде всего, это было вызвано тем, что Чехия, обладавшая полноценной государственностью с X в., не испытывала необходимости искать обоснования своего возникновения после «бархатного развода» в 1993 г. В отличие от властей Словакии, которые после разделения Чехословакии, старались отстраниться от её наследия и не воспринимали опыт проживания с чехами как время независимого существования, их чешские коллеги уверенно говорили об этом государстве как об особом этапе развития чешской государственности. В первую очередь речь шла о межвоенной Чехословакии, которая была в момент своего существования одним из самых экономически и политически развитых государств мира и возникла на карте мира в 1918 г. как продолжение независимого государства, существовавшего в Европе до 1620 г. и затем вошедшего в состав Австрийской империи. Преемственность исторического развития Чехии отображена в её Конституции, где указаны добрые традиции исторической государственности земель Короны Чешской и Чехословакии. Она также прослеживается в территориальной идентификации граждан Республики как «граждан Богемии, Моравии и Силезии» – исторических регионов, составлявших основу чешского государства с момента его возникновения в IX в. и правления первых представителей династии Пржемысловичей. Отметим также тот факт, что разделение Чехословакии на два отдельных государства рассматривалось в конституции как «восстановление независимого Чешского государства»³⁵.

³⁵ Ústava České republiky. Psp. URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html> (accessed 13.02.2021).

Впрочем, позитивное восприятие новыми элитами Чехословакии не распространялось на весь период её существования и ограничивалось временем до начала Второй мировой войны. Последовавшие события, связанные с возникновением Протектората Богемии и Моравии, фашистского марионеточного государства, с установлением коммунистического правления в 1948 г. и с Пражской весной 1968 г., порывали связь с демократическим характером чехословацкого государства. В этой связи многие общественные деятели «бархатной революции» воспринимали свою деятельность как работу по восстановлению того «идеального» государства, которое было ликвидировано немцами, а затем принудительно интегрировано в Восточный блок (Marková 2016: 208). После «бархатной революции» произошёл отказ от критического восприятия межвоенного государства, повлёкший его идеализацию и рост ностальгических чувств по отношению к нему. В первую очередь, превозносилась установившаяся в Чехословакии политическая система. В то же время политики забывали указывать на то, что она «представляла палку о двух концах: на одном были преимущества демократических свобод, а на другом наличие постоянных политических кризисов и смен правительств, не способных проводить единый политический курс» (Ведерников 2019: 156). Но важнее то, что диссиденты, вставшие во главе государства, заявляли о необходимости возвращения к внешнеполитическому курсу, ориентированному на западные страны³⁶. Это вело к очернению образа СССР, который обвинялся в различных спорных сюжетах, имевших место в истории Чехословакии в XX в. Таким образом, антикоммунизм и полное отрицание советского прошлого становилось главной идеологической компонентой возникавшей в начале 1990-х гг. чешской политической культуры. Коммунизм рассматривался как продукт советского импорта, и поэтому все стороны общественной жизни, которые каким-либо образом сохраняли связь с прошлым, подвергались проверке и избавлению от этих «наслоений». Подобный курс государства был официально закреплён принятием в 1993 г. закона «О противозаконности коммунистического режима и о сопротивлении ему»³⁷ и осуществлён на практике в виде комплекса мер. Прежде всего, речь идёт о реституции национализированной недвижимости, приватизации предприятий, сооружённых в годы коммунистического правления, и люстрации коммунистических чиновников.

Чешский подход к коммунистическому прошлому сильно контрастирует с подходом, реализованным в Словакии. Так, исследователь В. Пехе отмечает, что «в то время, когда в Чехии самые большие политические достижения были осуществлены через политику радикального разрыва с коммунистическим прошлым, то в Словакии победы на политическом поприще были совер-

³⁶ *Programové prohlášení Občanského fóra Co chceme*. 1989, 26. listopad, 18.00 hod., Praha. (Suk 1998: 29).

³⁷ *Zákon č. 198/1993 Sb. ze dne 9. července 1993 o protiprávnosti komunistického režimu a o odporu proti němu*. URL: <https://web.archive.org/web/20100724020022/http://www.kpv.kozakov.cz/normy/zakon.htm> (accessed 13.02.2021).

шены при использовании противоположной стратегии, которая подчёркивала преемственность с коммунистическим прошлым, особенно 1968 г.» (Pehe 2020: 29). Она видит объяснение в том, что Словакия не была так сильно затронута мерами, к которым прибегала центральная власть в годы т.н. нормализации³⁸, последовавшей после неудачи Пражской весны, и которые коснулись в первую очередь чешской части единого государства. Стоит добавить, что согласно исследованиям, проведённым в начале XXI в., словацкие граждане, оценивая исторические периоды современной истории страны, отдавали предпочтение как раз 1970-1980 гг., т.е. времени «нормализации» (Коровицына 2019: 236). В. Пехе также отмечает, что в отличие от соседних не только Словакии, но даже Польши, местные коммунисты не смогли интегрироваться в политическую среду и стать полноценными участниками политического процесса. Факт многолетнего присутствия коммунистической партии в чешском парламенте, которая до недавнего времени оставались «нерукопожатной»³⁹, можно объяснить как раз демонстрацией механизма морального превосходства новой власти, которая тем самым реализовывала принцип «мы – не они». Стоит также привести мнение Й. Коубека и М. Полашека, которые считают, что «чешский антикоммунизм стал идеологией национальной элиты, которая утвердила свою культурную гегемонию после 1989 г.» (Koubek, Polášek 2013: 10).

Как и Словакии, Чехии после свержения коммунистической партии необходимо было заняться формированием своего собственного национального пантеона героев. Отчасти он пересекался со словацким, но это была скорее дань памяти проживанию в общем государстве. Так, помимо набора исторических персоналий, которые подтверждали укоренённость чешской истории в веках (например, Вацлав I, Карл IV) и которые не подвергались сомнению в годы коммунистического правления (например, Ян Оплетал), популяризировались новые деятели. Одновременно с этим некоторые исторические личности получали отличное от предыдущего толкование своих поступков. Кроме того, восстанавливалась память об исторических деятелях, которые в предшествующее время были преданы забвению или редко вспоминались.

В отличие от Словакии, где на передний план попадали исторические персоны, которые активно боролись за признание словацкого государства и словацкой идентичности, в Чехии по традиции популярен был иной тип героя. В этой связи вполне можно согласиться с английским антропологом чешского происхождения Л. Голым, который утверждал, что для чехов вне зависимости

³⁸ Нормализация в Чехословакии – комплекс мер коммунистического правительства после Пражской весны 1968 г., который был направлен на нейтрализацию последствий данного события. Прежде всего, речь идёт об отказе от демократических нововведений, усилении партийного контроля, ограничении гражданских свобод и подчинении внешней политики страны курсу СССР.

³⁹ В 2018 г. премьер-министру Чехии Андрею Бабишу для одобрения состава правительства в национальном парламенте пришлось заручиться поддержкой коммунистической партии. За 30-летний срок существования постсоциалистической Чехии это первый подобный прецедент.

от исторического периода было свойственно увековечивание мучеников (например, Я. Гус, Ю. Фучик, Я. Палах) (Holy 1996: 40). В этом ряду особое место занимал Я. Гус, который, несмотря на удаленность своего проживания во времени, оказал значимое влияние на формирование чешского менталитета. Его пример, который демонстрировал историю человека, борющегося с превосходящей несправедливой силой и готового пожертвовать жизнью ради правды, превзошёл его историческую роль как средневекового церковного деятеля, сделав его актуальным спустя столетия (Svoboda, Lašek, Hanuš 2015). Тема борьбы за правду прошла сквозь национальную идеологию чешского государства и утвердилась под воздействием президента-философа Т.Г. Масарика в 1920 г. посредством официального девиза Чехословакии, помещённого на президентский штандарт в виде лозунга – «Правда побеждает». Многие чешские герои – это люди, которые борются за свои убеждения, несмотря на давление сверху, и которые готовы пожертвовать собой для реализации гуманистических идей. В зависимости от времени – это или коммунист Ю. Фучик, расстрелянный немецкими нацистами, или студент-антикоммунист Я. Палах, совершивший самоожжение на центральной площади Праги в знак несогласия с вводом войск Варшавского договора в 1968 г.

Тема правды отчётливо прослеживалась в ходе «бархатной революции» и стала лейтмотивом выступлений В. Гавела, писателя-диссидента, который провёл пять лет в заключении, получив наказание за свои антикоммунистические взгляды. Слова, прошедшие красной линией через его творчество, о необходимости «жить по правде» и «победе любви и правды над ложью и ненавистью», во многом перекликались с взглядами его именитых соотечественников⁴⁰. Получив почву для развития, эти идеи стали ключевыми в чешской исторической политике, чему способствовало также пребывание В. Гавела на посту президента до 2003 г. Будучи гарантом этих взглядов, он способствовал укреплению Чехии в качестве проводника демократических преобразований в других странах, которые находились на пути преобразования политических систем.

В свою очередь, распространившиеся в Чехии тенденции способствовали ухудшению восприятия Российской Федерации, правопреемницы СССР, ввиду возобладавшего в новых элитах антикоммунизма. П. Кратохвил отмечает, что в это время «чешская идентичность формировалась на противопоставлении коммунистическому “тоталитарному прошлому”, что представлялось как нечто неестественное и несовместимое с демократичной Европой» (Kratochvíl, Cibulková, Beneš 2006: 501). Если для начального периода существования независимого чешского государства было свойственно игнорирование российской тематики для переориентации в западном направлении, то по мере усиления международных позиций РФ, что приходится на период после 2007 г., и закрепления Чехии

⁴⁰ Гавел В. *Сила бессильных*. URL: <https://old.inliberty.ru/library/181-sila-bessilnyh> (accessed 13.02.2021).

в западном сообществе, его представители стали более критично воспринимать действия восточного партнёра. Например, это выразилось в открытии в 2008 г. Института по исследованию тоталитарных режимов, который стал заниматься изучением двух периодов чехословацкой истории – нацистской оккупации (1939-1945 гг.) и коммунистического правления (1948-1989 гг.) Таким образом, в исследовательской среде получил распространение подход в восприятии двух политических режимов как равнозначных и нанёсших одинаковый вред (Plasák 2015; Geyer, Fitzpatrick 2012). В то же время стоит отметить, что для словацкого исторического мейнстрима, несмотря на существование схожего по идеологии Института памяти нации, подобный подход не являлся широко популярным. Более того, всегда подчёркивалась особая роль советского государства в освобождении Словакии от фашистских захватчиков, на официальном уровне указывался вклад СССР в борьбу с немецким национал-социализмом (Maniak 2020)⁴¹.

Наиболее спорным историческим сюжетом чешско-российских отношений являются события Пражской весны 1968 г. Если до 2014 г. это историческое событие постепенно уходило от внимания широкой публики в сторону исследования историков, то после вхождения Республики Крым и г. Севастополь в состав России, чешские политики и историки начали активно эксплуатировать данную тему в своей публичной риторике, что, несомненно, повлияло на содержание «политики памяти». «Реанимация» данного исторического сюжета связана во многом со схожим характером произошедших событий. Вновь тема поиска правды стала преобладающей, и Россия оказалась тем формирующим центром, вокруг которого происходила борьба за историческое прошлое. Особенно сильно она развернулась в 2018 г., который, как и в Словакии, был связан с «судьбоносными восьмеричными юбилеями». Наравне со 100-летием образования Чехословакии широко отмечалось 50-летие неудачной попытки придания социализму «человеческого лица». В этой связи 22 августа чешский парламент принял политическое заявление, в котором говорилось, что «вторжение войск пяти государств Варшавского договора в Чехословакию привело к оккупации страны». В качестве причин подобного политического жеста парламентарии называли «действия России, направленные на искажение фактов, касающихся событий 1968 г.»⁴². Спустя год чешский парламент одобрил закон об объявлении 21 августа Днём памяти жертв вторжения и последующей оккупации Чехословакии войсками государств Варшавского договора⁴³. Как отмечает российский

⁴¹ Премьер Словакии напомнил о роли Красной армии в освобождении страны. *PIA*. URL: <https://ria.ru/20190922/1558969475.html> (accessed 13.02.2021).

⁴² Invaze v roce 1968 byla v rozporu s právem, řekli poslanci. 11 se zdrželo. *iDNES.cz*. URL: https://www.idnes.cz/zpravy/domaci/poslanci-prohlasi-okupace-1968.A180822_155835_domaci_kop (accessed 13.02.2021).

⁴³ Zákon č. 356/2019 Sb. Zákon, kterým se mění zákon č. 245/2000 Sb., o státních svátcích, o ostatních svátcích, o významných dnech a o dnech pracovního klidu, ve znění pozdějších předpisů. *Zakony pro lidi*. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2019-356> (accessed 13.02.2021). Данный законопроект был реакцией на инициативу представителей фракции КПРФ в Государственной думе ФС РФ приравнять бывших советских военнослужащих – участников операции августа 1968 г. к ветеранам войны.

богемист В.В. Трухачёв, «в чешском обществе существует почти полный консенсус относительно видения событий 1968 г. Они до сих пор занимают важное место в чешском национальном самосознании и остаются для него сильной травмой»⁴⁴. В дальнейшем борьба с Россией посредством политизации истории продолжилась в виде решения городских властей Праги о демонтаже памятника И.С. Коневу, руководившему войсками по освобождению столицы Чехии в годы Великой отечественной войны, и установке монумента власовцам, солдатам-коллаборационистам, перешедшим на сторону войск противника.

В Чехии, в отличие от Словакии, не было роста националистических настроений внутри общества и местных элит. Что, впрочем, не сказалось на неизбежном поиске новых форм идеологий и нового места в европейской семье народов. Как отмечает Н.В. Коровицына, на момент «бархатного развода» в самой Чехии отсутствовала как таковая национальная элита, поскольку в предшествующее время она формировалась в рамках иных государственно-территориальных образований (Австрийской и Австро-Венгерской империй, Чехословакии) (Коровицына 2018: 184). Таким образом, лица, пришедшие к власти после 1993 г., взяли за основу своего идеологического курса антикоммунизм в виде полного неприятия 40-летнего опыта пребывания в рамках социалистической Чехословакии. Это сказалось на расхождении путей национального определения словаков и чехов, что во многом прослеживается в характере их отношения не только к локальным историческим персоналиям, но и в восприятии России, которая на протяжении всего XX в. была ключевым актором чешско-словацкой политики.

Словакия – одно из самых молодых государств мира и самое молодое в Европейском союзе. Возникнув в 1993 г. в результате мирной договорённости с представителями Чехии, страна встала перед необходимостью самостоятельного политического развития. В обстановке демократических преобразований ей был нужен особый идеологический курс. Он предполагал целенаправленное использование «политики памяти» для обоснования разделения Чехословакии и исторической обусловленности возникновения независимой Словакии. Посредством «воскрешения» отдельных исторических персоналий и памятных событий происходило формирование ценностного ряда и отказ от преемственности с чехословацким государством. Впрочем, важно подчеркнуть неизбежность возникновения националистического дискурса, интенсивность которого зависела от характера стоящей во главе государства партии и наличия консенсуса внутри общества относительно вектора политического развития. Необходимо отметить, что, несмотря на выбор Словакии в пользу интеграции в западноев-

⁴⁴ Трухачёв В.В. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики. *Перспективы*. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/chehija_neodnoznachnoje_proshloje_kak_chast_tekushhej_politiki_2020-02-04.htm (accessed 13.02.2021).

ропейское пространство, в стране сформировался особый тип идентичности, заметно отличающийся от наиболее близкой к ней идентичности – чешской. Для неё свойственны следующие черты: традиционализм, умеренный национализм, религиозный консерватизм, стремление позитивно осмыслить социалистическое прошлое государства. При этом не ставится под сомнение важность поддержания завоеваний «бархатной революции» 1989 г., а именно либерально-демократических ценностей.

Случай Словакии в вопросе нациестроительства является уникальным и малоизученным в отечественной историографии. Для неё свойственна тенденция накладывать шаблоны, существующие в отношении Чехии, на её словацкого соседа, с которым они развивались на протяжении 75 лет. Впрочем, как показано в исследовании, обе страны в начале самостоятельного пути в 1990-е гг. находились на разных исходных позициях, и поэтому их молодые элиты выбрали хотя в общих чертах схожие, но в деталях отличающиеся варианты. Так, например, обращение к исторической памяти для решения политических задач словацкими политиками было более активным при объективном недостатке исторических сюжетов, персоналий и дат. Поэтому неудивительно, что закрепление роли отдельных словацких деятелей и их вклада в развитие государства происходило на государственном уровне через принятие особых мемориальных законов. Современные элиты желали поначалу обосновать существование молодого государства, а затем уже закрепить свои позиции через возникновение определённых ассоциаций. Важно признать, что героизация исторических фигур находила отклик среди населения и не встречала сопротивления с его стороны. Успех исторической политики, выразившийся в формировании словацкой идентичности и в решении всех национальных противоречий, был во многом связан с тем, что власти не старались направить эффект своих действий вовне, концентрируясь только на внутреннем потреблении культивируемой идеологии. Важно заметить, что словаки демонстрируют уникальный пример в европейской, даже мировой практике выстраивания добрососедских отношений со всеми странами, с которыми граничит Словакия и с которыми её связывала долгая история взаимоотношений. В этой связи интересно было бы более предметно изучить причины улучшения отношений с Венгрией (год 100-летия Трианонского договора тому подтверждение), с Чехией и умеренного восприятия России Словакией.

Стоит отметить, что словацкий опыт важен, прежде всего, как демонстрация возможности бесконфликтного выстраивания национальной идентичности при использовании традиционных инструментов исторической политики.

Об авторе:

Михаил Владимирович Ведерников – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН, Москва, Россия. E-mail: vishma@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Автор выражает благодарность Луциане Гоптовой за помощь в подборе литературы в словацких библиотеках в непростое время, обременённое пандемией коронавируса.

Received: September 15, 2020

Accepted: December 24, 2020

Formation of National Identity in Slovakia

M.V. Vedernikov

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-94-125](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-94-125)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Abstract: “Velvet divorce” between the Czech Republic and Slovakia in 1993 led to the establishment of two independent states. Unlike the Czech Republic, which until the formation of Czechoslovakia in 1918 had a history of independence and regarded the state that emerged after the WWI as an extension of its statehood, Slovakia viewed itself differently. It believed that there was no historical continuity between Czechoslovakia and the modern Slovak state, that coexistence of Czechs and Slovaks in a single state was forced and Slovaks’ rights were oppressed for more than 70 years. The politics of memory helped support such ideas in an atmosphere of growing nationalist sentiments. This led to the restoration of memories not only of historical figures who actively fought for the national rights of Slovaks but also of those who collaborated with criminal political regimes and violated basic human rights and freedoms. It was particularly popular in the early period of independence. Along the integration into Western Europe there was a departure from the nationalist discourse in Slovakia, although its rejection was never complete. It resurfaced during the so-called “memorial boom” (2015 – 2020). To understand the specifics of politics of memory in Slovakia it has to be compared with that of Czech. The key differences are in the new ideology chosen by national elites. For the Czech Republic, anti-communism became a basis, while in Slovakia there was no complete denial of the communist past. In many respects, this affected the perception of the USSR and Russia as its successor.

Keywords: Slovakia, Czechoslovakia, politics of history, historical memory, identity, memory politics, M.R. Štefanik

About the author:

Mikhail V. Vedernikov – Candidate of Sciences (History), Senior Research Associate of Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: vishma@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The author expresses gratitude to Luciana Hoptová for help in the selection of the literature in Slovak libraries in a difficult time burdened by the Coronavirus pandemic.

References:

- Gerhartova M. 2013. *The Transformation of Czech and Slovak National Identity and Creation of the New Other*. Budapest. 59 p.
- Holy L. 1996. *The Little Czech and the Great Czech Nation: National Identity and the Post-Communist Social Transformation*. Cambridge University Press. 240 p.
- Hoptová L. 2020. The Issue of the Holocaust Teaching at Primary and Secondary Schools in Slovakia. *Journal of Education, Culture and Society*. №2. P. 429–443.
- Kratochvíl P., Cibulková, Beneš V. 2006. Foreign Policy, Rhetorical Action and the Idea of Otherness: The Czech Republic and Russia. *Communist and Post-Communist Studies*. №39. P. 497–511.
- Krno S., Lysý J., Krno M. 2009. National Council from the dissolution of Czecho-Slovakia and the birth of the Slovak Republic until today. Pekník M. (ed.) *Slovak National Councils and the Road to Parliamentarism*. Bratislava. P. 305–351.
- Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. 2006. *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Duke University Press. 384 p.
- Marušiak J. 2017. National Identities and Their Expressions in the Political Systems of Slovakia and the Czech Republic since 1993. *Európai Identitás(ok), Identitások Európában. Károlyi József Alapítvány*. P. 170–183.
- Michela M., Kšiňan M. 2012. The Slovak National Uprising. Kšiňan M. (ed.) *Communists and Uprisings. Ritualization and Commemoration of anti-Nazi Uprisings in Central Europe 1945–1960*. Krakow. P. 36–66.
- Miháliková S. 2006. The Making of the Capital of Slovakia. *International Review of Sociology*. №16. P. 309–327. DOI: 10.1080/03906700600708949
- Miháliková S. 2012. Changing Slovak Memory Patterns – Seeking a Useable Past. *Politics in Central Europe*. №3. P. 58–70.
- Pehe V. 2020. *Velvet Retro. Postsocialist Nostalgia and the Politics of Heroism in Czech Popular Culture*. New York: Berghahn. 190 p.
- Pynsent R.B. 1994. *Questions of Identity: Czech and Slovak Ideas of Nationality and Personality*. Budapest: CEU Press. 244 p.
- Verovšek P. 2016. Collective Memory, Politics, and the Influence of the Past: the Politics of Memory as a Research Paradigm. *Politics, Groups, and Identities*. №4. P. 1–15. DOI: 10.1080/21565503.2016.1167094.
- Wicker H.R. 1997. Introduction. Theorizing Ethnicity and Nationalism. Wicker H.R. (ed.) *Rethinking nationalism and Ethnicity. Struggle for Meaning and Order in Europe*. Oxford. P. 26–42.
- Blašcák F., Gyárfašová O., Hlavinka J., Vrzgulová M. 2013. *Slovenský vojnový štát a Holokaust v kolektívnej pamäti slovenskej spoločnosti* [The Slovak War State and the Holocaust in the Collective Memory of Slovak Society]. Bratislava. 42 p. (In Slovak).

Geyer M., Fitzpatrick S. (eds.) 2012. *Za obzor totalitarismu: Srovnání stalinismu a nacismu* [Beyond Totalitarianism: A Comparison of Stalinism and Nazism]. Praha, Academia. (In Czech).

Gyárfašová O. 2015. Sonda do historickej pamäti slovenskej spoločnosti zaostrená na mladých [A Probe into the Historical Memory of Slovak Society Focused on Young People]. *Annales Scientia Politica*. №1. P. 23–33. (In Slovak).

Hlavová V., Žatkuliac J. (eds.) 2002. Novembrová revolúcia a česko-slovenský rozchod [The November Revolution and the Czech-Slovak Dissolution]. *Od česko-slovenskej federácie k samostatnej demokratickej slovenskej štátnosti. Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov*. Vol. XIV. Bratislava : Literárne informačné centrum. (In Slovak).

Koubek J., Polášek M. 2013. *Antikomunismus: nekonečný příběh české politiky?* [Anticommunism: an Endless Story of Czech Politics?]. Praha: Friedrich Ebert-Stiftung e.V. 20 p. (In Czech).

Kováč D. 2009. Identita a národ [Identity and Nation]. Kiliánová G. and Kowalská E. and Krekovičová E. (eds.) *My a tí druhí v modernej spoločnosti*. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV. P. 338–342. (In Slovak).

Krekovičová E. 2002. Identity a mýty novej štátnosti na Slovensku po roku 1993 (Načrt slovenskej mytológie na prelome tisícročia) [Identities and Myths of the New Statehood in Slovakia after 1993. Outline of Slovak Mythology at the Turn of the Millennium]. *Slovenský národopis*. 2(50). P. 147–170. (In Slovak).

Kšišňan M. 2014. Politika vs. história? Diskusie v slovenskej historiografii [Politics versus History? Discussions in Slovak Historiography]. *Historický časopis*. 1(62). Bratislava. P. 91–113. (In Slovak).

Macho P., Kodajová D. 2015. *Ludovít Štúr na hranici dvoch vekov* [Ludovít Štúr on the Border of Two Centuries]. Bratislava: Veda. 398 p. (In Slovak).

Maniak M. 2020. *Draho vykúpená sloboda* [Dearly Bought Freedom]. 258 p. (In Slovak).

Marková K. 2016. Obraz první Československé republiky při projednávání Ústavy ČR [Image of the First Czechoslovak Republic in the Debate about the Czech Constitution]. *Středoevropské politické studie*. №2–3. P. 197–222. DOI: 10.5817/CEPSR.2016.23.197 (In Slovak).

Osudové osmičky 2018 a Nežná revolúcia – ponovembrový vývoj 2019. Pramenná publikácia [Destiny's Eights in 2018 and Velvet Revolution – Post-November Development 2019. Source Publication]. *Sociologický ústav Slovenskej akadémie vied v Bratislave*. (In Slovak).

Otčenášová S. 2010. *Schválená minulosť. Kolektívna identita v československých a slovenských učebniciach dejepisu (1918 – 1989)* [Approved Past. Collective Identity in Czechoslovak and Slovak History Textbooks]. Košice. 158 p. (In Slovak).

Placák P. 2015. *Gottwaldovo Československo jako fašistický stát* [Gottwald's Czechoslovakia as a Fascist State]. Praha. (In Czech).

Suk J. 1998. *Občanské forum listopad – prosinec 1989* [Civic Forum November – December 1989]. №2. Brno. (In Czech).

Svoboda J., Lašek J.B., Hanuš J. 2015. *Jan Hus. 600 let od smrti* [Jan Hus. 600 Years since Death]. Praha. 115 p. (In Czech).

Zamĺčaná pravda o Slovensku: prvá Slovenská republika: prvý slovenský prezident Dr. Jozef Tiso: tragédia slovenských židov podľa nových dokumentov [The Hidden Truth about Slovakia: The First Slovak Republic: The First Slovak President Jozef Tiso: the Tragedy of Slovak Jews in the Light of New Documents]. 1996. Partizánske: Garmond. 811 p. (In Slovak).

Achkasov V.A. 2013. «Politika pamyati» kak instrument stroitel'stva postsocialisticheskikh nacij [«Memory Policy» as an Tool for Building Post-Socialist Nations]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. №4. P. 106–123. (In Russian).

Dinuš P. 2019. 100-letie vozniknovenija Chechoslovakii [The 100th Anniversary of Czechoslovakia]. *Vishegradskaja Evropa. Central'noevropejskij zhurnal*. №1–2. P. 122–129. (In Russian).

Chehija i Slovakiya v XX v.: ocherki istorii [Czechia and Slovakia in 20 Century : Essays on the History]. 2005. Moscow. (In Russian).

Korovicyna N.V. 2018. Sovremennaya cheshskaya natsiya: problemy identichnosti [Modern Czech Nation: Problems of Identity]. *Scientific and Analytical Herald of the IE RAS*. №4. P. 184–189. DOI: 10.15211/vestnikieran42018184189 (In Russian).

Korovicyna N.V. 2019. *Kak zhivut central'noevropejcy posle «barhatnykh» revolucij. Poljaki, chehi, slovaki* [How Central Europeans Live after the "Velvet" Revolutions. Poles, Czechs, Slovaks]. Moscow: Institut Evropy RAN. 256 p. DOI: 10.15211/978-5-98163-136-8. (In Russian).

Mahaček L. 2005. Molodye ljudi o «checoslovackoj», nacional'no-gosudarstvennoj i evropejskoj identichnosti [Young People about „Czechoslovak“, National-State and European Identities]. *Vostochnoevropejskie issledovanija*. №1. P. 134–145. (In Russian).

Majorova A.S. 2010. Pamjat' i zabvenie: izmenenie vosprijatija «Sil'nyh mira sego» v blizhajšem pokolenii [Memory and Oblivion: a Change in the Perception of the "Powerful of this World" in the Next Generation]. *Istorija i istoricheskaja pamjatj*. №2. P. 176–195. (In Russian).

Malinova O. 2017. Kommemoratsiya istoricheskikh sobytii kak instrument simvolicheskoj politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Politics: the Possibilities of Comparative Analysis]. *Politia*. 4(87). P. 6–22. (In Russian).

Malinova O.Ju. 2018. Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoj politiki [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati*. Moscow, Saint-Petersburg : Nestor Istorija. P. 27–54. (In Russian). DOI: 10.31249/mims/2018.00.00

Marušiak J. 2010. Rossija v slovackoj politike posle 1989 g. [Russia in Slovak Policy after 1989]. *Rossija i Vostochno-Central'naja Evropa: v poiske novej formuly otnoshenij*. Moscow. P. 137–167. (In Russian).

Marušiak J. 2018. Krizis podderzhki partii SMER – social'naja demokratija v 2017–2018 gg [Electoral Crisis of Smer-SD in 2017-2018]. *Sovremennaja Evropa*. №7. P. 73–85. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope720187589

Miller A. 2009. Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*. №3–4. P. 6–23. (In Russian).

Nechaeva N. 2016. Slovackij vopros v mezhoennoj Chechoslovakii [Slovak Issue in Interwar Czechoslovakia]. *Slavjanskij al'manah*. №3–4. P. 152–160. (In Russian).

Poceluev S.P. 1999. Simvolicheskaja politika kak inscenirovanie i jestetizacija [Symbolic Politics as Dramatization and Aestheticization]. *Polis. Politicheskie issledovanija*. №5. P. 62–76. (In Russian).

Rejh A. 2010. Chechoslovackij patriotizm i cheshsko-slovackij nacionalizm – neudavshajasja popytka posrednichestva mezhdum dvumja jakoby nesovmestimymi jetnonacionalizmami [Czechoslovak Patriotism and Czech-Slovak Nationalism – a Failed Attempt at Mediation between Two Supposedly Incompatible Ethno-Nationalisms]. *Nacionalizm v pozdne-i postkommunisticheskoj Evrope*. Moscow. (In Russian).

Repina L.P. 2016. Istoricheskaja pamjat' i natsional'naya identichnost'. Podkhody i metody issledovanija [Historical Memory and National Identity. Approaches and Research Methods]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. №54. (In Russian).

Safronova Yu.A. 2019. *Istoricheskaya pamyat'* [Historical Memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 220 p. (In Russian).

Shimov J.V. 2015. Prazdnik, kotoryj vseгда. Den' rozhdenija Chechoslovakii i cheshskaja nacional'no-gosudarstvennaja mifologija [A Holiday that is Always. Birthday of Czechoslovakia and Czech National-State Mythology]. *Neprikosnovennyj zapas*. №2. P. 166–180. (In Russian).

Vedernikov M. 2019. [Osobennosti vozniknoveniya pervoj chechoslovatskoj respublikii]. *Visegrad Europe. Central European Journal*. №1–2. P. 148–160. (In Russian).

Vedernikov M.V. 2020. Slovakiya: Dilemma novogo pravitel'stva [Slovakia: the New Government's Dilemma]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. №2. P. 55–62. (In Russian).

Vybory v Evroparlament – 2019: nacional'nye otvety na dilemmy evropejskoj integracii. Pod red. Ju.D. Kvashnina, A.K. Kudrjavceva, N.S. Plevako, V.Ja. Shvejcera (European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration. Ed. by Ju.D. Kvashnin, A.K. Kudrjavcev, N.S. Plevako, V.Ja. Shvejcer). 2019. Moscow: IMEMO RAN, IE RAN. 178 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Ачкасов В.А. 2013. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. *Журнал социологии и социальной антропологии*. №4. С. 106–123.

Ведерников М.В. 2019. Особенности возникновения первой Чехословацкой республики. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*. №1–2. С. 148–160.

Ведерников М.В. 2020. Словакия: дилемма нового правительства. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №2. С. 55–62. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran20205562>.

Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. 2019. Москва: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. 178 с.

Динуш П. 2019. 100-летие возникновения Чехословакии. *Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал*. №1–2. С. 122–129.

Коровицына Н.В. 2018. Современная чешская нация: проблемы идентичности. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №4. С. 184–189. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018184189>

Коровицына Н.В. 2019. *Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций. Поляки, чехи, словаки*. Москва: Институт Европы РАН. 256 с.

Майорова А.С. 2010. Память и забвение: изменение восприятия «Сильных мира сего» в ближайшем поколении. *История и историческая память*. №2. С. 176–195.

Малинова О.Ю. 2017. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития*. 4(87). С. 6–22.

Малинова О.Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Под ред. Миллера А.И., Ефременко Д.В. Москва – Санкт-Петербург: Нестор История С. 27–54. DOI: [10.31249/mims/2018.00.00](https://doi.org/10.31249/mims/2018.00.00)

Марушьяк Ю. 2010. Россия в словацкой политике после 1989 г. *Россия и Восточно-Центральная Европа: в поиске новой формулы отношений*. Москва. С. 137–167.

Марушьяк Ю. 2018. Кризис поддержки партии «Смер – социальная демократия» в 2017–2018 гг. *Современная Европа*. №7. С. 73–85. DOI: [10.15211/soveurope720187589](https://doi.org/10.15211/soveurope720187589)

Махачек Л. 2005. Молодые люди о «чехословацкой», национально-государственной и европейской идентичности. *Восточноевропейские исследования*. №1. С. 134–145.

- Миллер А. 2009. Россия: власть и история. *Pro et Contra*. № 3–4. С. 6–23.
- Нечаева Н. 2016. Словацкий вопрос в межвоенной Чехословакии. *Славянский альманах*. №3–4. С. 152–160.
- Поцелуев С.П. 1999. Символическая политика как инсценирование и эстетизация. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 62–76.
- Рейх А. 2010. Чехословацкий патриотизм и чешско-словацкий национализм – неудавшаяся попытка посредничества между двумя якобы несовместимыми этнонационализмами. *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Москва.
- Репина Л.П. 2016. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. №54.
- Сафронова Ю.А. 2019. *Историческая память*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 220 с.
- Чехия и Словакия в XX в.: очерки истории*. 2005. Москва.
- Шимов Я.В. 2015. Праздник, который всегда. День рождения Чехословакии и чешская национально-государственная мифология. *Неприкосновенный запас*. №2. С. 166–180.

Список литературы на чешском и словацком языках

- Blašcák F., Gyárfášová O., Hlavinka J., Vrzgulová M. 2013. *Slovenský vojnový štát a Holokaust v kolektívnej pamäti slovenskej spoločnosti*. Bratislava. 42 p.
- Geyer M., Fitzpatrick S. (eds.) 2012. *Za obzor totalitarismu: Srovnání stalinismu a nacismu*. Praha: Academia.
- Gyárfášová O. 2015. Sonda do historickej pamäti slovenskej spoločnosti zaostrená na mladých. *Annales Scientia Politica*. №1. P. 23–33.
- Hlavová V., Žatkulial J. (eds.) 2002. Novembrová revolúcia a česko-slovenský rozchod. *Od česko-slovenskej federácie k samostatnej demokratickej slovenskej štátnosti. Pramene k dejinám Slovenska a Slovákov*. Vol. XIV. Bratislava: Literárne informačné centrum.
- Koubek J., Polášek M. 2013. *Antikomunismus: nekonečný příběh české politiky?* Praha: Friedrich Ebert-Stiftung e.V. 20 p.
- Kováč D. 2009. Identita a národ. Kiliánová G. and Kowalská E. and Krekovičová E. (eds.) *My a tí druhí v modernej spoločnosti*. Bratislava: Veda, Vydavateľstvo SAV. P. 338 – 342.
- Krekovičová E. 2002. Identity a mýty novej štátnosti na Slovensku po roku 1993 (Načrt slovenskej mytológie na prelome tisícročia). *Slovenský národopis*. 2(50). P. 147–170.
- Kšiňan M. 2014. Politika vs. história? Diskusie v slovenskej historiografii. *Historický časopis*. 1(62). Bratislava. P. 91–113.
- Macho P., Kodajová D. 2015. *Ludovít Štúr na hranici dvoch vekov*. Bratislava: Veda. 398 p.
- Maniak M. 2020. *Draho vykúpená sloboda*. 258 p.
- Marková K. 2016. Obraz první Československé republiky při projednávání Ústavy ČR. *Středoevropské politické studie*. №2–3. P. 197–222. DOI: 10.5817/CEPSR.2016.23.197
- Osudové osmičky 2018 a Nežná revolúcia – ponovembrový vývoj 2019. *Pramenná publikácia. Sociologický ústav Slovenskej akadémie vied v Bratislave*.
- Otčenášová S. 2010. *Schválená minulosť. Kolektívna identita v československých a slovenských učebniciach dejepisu (1918 – 1989)*. Košice. 158 p.
- Placák P. 2015. *Gottwaldovo Československo jako fašistický stát*. Praha.

- Suk J. 1998. *Občanské forum listopad – prosinec 1989*. №2. Brno.
- Svoboda J., Lašek J.B., Hanuš J. 2015. *Jan Hus. 600 let od smrti*. Praha. 115 p.
- Zamlčaná pravda o Slovensku: prvá Slovenská republika: prvý slovenský prezident Dr. Jozef Tiso: tragédia slovenských židov podľa nových dokumentov*. 1996. Partizánske: Garmond. 811 p.

Обычная законодательная процедура в ЕС как пример кооперативных практик

Н.Ю. Кавешников

Московский государственный институт международных отношений МИД России;
Институт Европы РАН

Взаимодействие институтов ЕС выстроено таким образом, чтобы агрегировать широкий спектр интересов и обеспечить максимально широкую (желательно консенсусную) поддержку проводимой политики. В то же время, с точки зрения теории игр, обычная законодательная процедура предполагает конкуренцию двух созаконодателей – Совета ЕС и Европарламента – за то, чтобы отразить в тексте закона свои предпочтения. В настоящем исследовании сделана попытка оценить развитие кооперативных практик в обычной законодательной процедуре (с момента её учреждения под названием «процедура совместного принятия решений») и показать значение этих практик для эффективности законодательного процесса. Развитие кооперативных практик показано на трёх примерах. Во-первых, трансформация правил реализации третьего чтения. Во-вторых, особенности функционирования Согласительного комитета. В-третьих, развитие механизма триалогов и особенности их функционирования.

По результатам исследования сделан вывод, что в рамках обычной законодательной процедуры сформировался набор кооперативных практик взаимодействия Совета ЕС и Европарламента. Процедура выстроена таким образом, что подталкивает созаконодателей к сотрудничеству и интенсивным межинституциональным переговорам, которые дополняют переговоры внутри каждого из институтов. Причина этого в том, что в обычную законодательную процедуру, как и в другие процедуры принятия решений, встроено много сдержек и противовесов. Это позволяет любому из институтов заблокировать или, как минимум, сильно затянуть процесс. Сложные процедуры в буквальном смысле вынуждают институты ЕС конструктивно взаимодействовать друг с другом. Зафиксированные в договорах процедуры дополняются основанными на политических договоренностях кооперативными практиками, позволяющими более эффективно организовать взаимодействие между институтами. Необходимость обеспечить поддержку всех институтов (всех (подавляющего большинства) государств-членов в Совете ЕС и ключевых политических сил в Европарламенте) вынуждает принимать во внимание интересы всех акторов. В итоге обеспечивается высокое качество принимаемых решений и управления.

Ключевые слова: Европейский союз, процедуры принятия решений, обычная законодательная процедура, триалогов

УДК: 327.7

Поступила в редакцию: 02.09.2020 г.

Принята к публикации: 24.12.2020 г.

Ключевые аспекты формирования и функционирования институтов ЕС, в частности процедуры принятия решений, сконструированы таким образом, чтобы агрегировать широкий спектр интересов и обеспечить поддержку проводимой политики (желательно консенсусную). Наличие в ЕС большого числа вето-игроков вынуждает создавать институты и процедуры, способные учесть интересы каждого. Характерно, что Саймон Хикс назвал Евросоюз «гипер-консенсусной системой управления» (Hix 2008: 589). Именно такая гипер-консенсусная система в наибольшей степени отвечает потребностям разнородного по множеству параметров «общества народов Европы».

На макроуровне к таким чертам можно отнести стремление достичь консенсуса в Совете, даже если формально возможно принять решения квалифицированным большинством (Heisenberg 2005; Mattila 2009), способность Европарламента отстаивать свою позицию при поддержке абсолютного большинства депутатов, что требует широкого межпартийного компромисса (Hix et al. 2003; Кавешников 2020a), совершенствование механизмов контроля над Комиссией со стороны Европарламента (Corbett et al. 2011), множество элементов децентрализации на основе разделения компетенции и принципов subsidiarity и пропорциональности (Пименова 2019; Стрженева 2016; Blockmans et al. 2014).

В то же время некоторые процедуры принятия решений, прежде всего обычная законодательная процедура, выстроены на противопоставлении двух созаконодателей. Формальное прочтение правил процедуры позволяет сделать вывод, что её сутью является конкуренция Совета ЕС и Европарламента (ЕП) за то, чтобы отразить в тексте закона свои предпочтения. ЕП предлагает поправки, Совет принимает либо отклоняет их, ЕП имеет право настаивать на принятии отклонённых Советом поправок и т.п.

Академические исследования, проводимые на основе теории игр, чаще всего пытались найти ответ на вопрос, какой из двух институтов имеет в рамках процедуры более выгодную позицию. Был сформирован широкий экспертный консенсус о том, что процедура совместного принятия решений (после Лиссабонского договора именуемая «обычная законодательная процедура») даёт Европарламенту более значимые полномочия, чем процедура сотрудничества (Bainbridge 1998, Corbett 2000, Crombez et al. 2000, Kasack 2004, Moser, 1997, Rittberger 2000, Scully 1997)¹.

Большое число эмпирических исследований было выстроено в логике теории игр. Они оценивали результат конкуренции со-законодателей. В их числе упомянем работы, выполненные по методологии пространственного анализа (Thomson, Hosli 2006; Thomson 2009; Thomson et al. 2012) и методологии анализа выживаемости (König 2008; Golub 2008; Toshkov 2017).

¹ Некоторые сомнения на этот счёт были ликвидированы после реформы процедуры совместного принятия решения, проведённой в Амстердамском договоре (см. далее).

Позже появился ряд исследований, которые акцентировали различные практики взаимодействия между институтами и их влияние на результат законодательного процесса (Farrell, Heritier 2003, 2004; Hage, Kaeding 2007; Costello, Thomson 2011; Rasmussen 2011; Ripoll Servent 2011; Kaveshnikov 2015). В частности, они затрагивали вопросы эффективности триалогов, влияние таких факторов, как политическая принадлежность докладчика по законопроекту, наличие теневого докладчиков, число и объём поправок.

В отечественной научной литературе к исследованию процесса принятия решений в ЕС обращалось ограниченное число авторов. В монографии Н. Кавешникова (Кавешников 2010) исследовано взаимодействие институтов ЕС и эволюция процедур принятия решений. К практическим исследованиям о влиянии институтов и методах управления в отдельных сферах деятельности ЕС можно отнести работы М. Стрежневой (Стрежнева 2009) и Н. Кавешникова (Кавешников 2015). Интерес представляют исследования о принятии решений в Совете ЕС (Клочкова 2006) и о распределении влияния в Европарламенте (Камалова 2016). Некоторые авторы уделяли внимание процедурам принятия делегированных актов и, в широком смысле, функционированию системы комитологии (Стрежнева 2010; Стельникова 2017). Ряд работ посвящён отдельным аспектам процесса принятия решений в ЕС, например, роли национальных парламентов (Стрежнева 2015) и лоббизма в институтах ЕС (Леви 2009; Руденкова 2015).

В настоящей работе предпринята попытка оценить развитие кооперативных практик в обычной законодательной процедуре ЕС (процедура совместного принятия решений) и показать значение этих практик для эффективности законодательного процесса. В современной отечественной политической и экспертной дискуссии, на наш взгляд, чрезмерно акцентируются существующие в ЕС противоречия и игнорируется весь массив наработанных кооперативных практик. Актуальность данного исследования в том, что оно обращает внимание на фундаментальные характеристики взаимодействия акторов в ЕС.

В основу работы положен лонгитюдный подход, предполагающий исследование эволюции процедуры на протяжении длительного периода. Анализ нормативных текстов сопровождается отдельными кейс-стади и элементами метода отслеживания процесса (process tracing). По структуре работа состоит из четырёх частей. В первой части дан обзор обычной законодательной процедуры, её этапов и основных характеристик. Во второй части проанализирована трансформация правил проведения третьего чтения с точки зрения замены конфронтационных практик кооперативными. В третьей части рассмотрены особенности функционирования Согласительного комитета и выявлены факторы, стимулирующие кооперативное поведение созакондателей. В четвёртой части показано развитие механизма триалогов, специфика и некоторые итоги их реализации.

Обычная законодательная процедура: общий обзор

Процедура совместного принятия решений (co-decision) была учреждена Маастрихтским договором 1992 г. и развивала идеи, заложенные в процедуре сотрудничества. Суть процедуры в том, что Европарламент получил право не только предлагать поправки, но и его согласие стало необходимо для принятия итогового текста закона. Амстердамский договор модифицировал эту процедуру, уравнивая полномочия Европарламента и Совета на стадии третьего чтения (см. далее). Постепенно сфера применения процедуры совместного принятия решений расширялась за счёт её распространения на сферы, где ранее использовались процедуры консультации и сотрудничества. К примеру, Ниццкий договор предусматривал применение этой процедуры в 40 предметных областях (ранее – в 15)². Лиссабонский договор 2007 г. ещё более расширил сферу применения этой процедуры – до 83 предметных сфер (Roederer-Rynning 2019: 960). С момента вступления Лиссабонского договора в силу, согласно этой процедуре, в Евросоюзе ежегодно принимается около 80 законодательных актов³ (Кавешников 2020b).

Также Лиссабонский договор переименовал процедуру совместного принятия решений в обычную законодательную процедуру. Имея в виду, что речь идёт об одной и той же процедуре, мы будем использовать название «процедура совместного принятия решений» при рассмотрении событий до 2007 г., и название «обычная законодательная процедура» – при анализе последующих событий. В настоящее время эта процедура используется при принятии актов вторичного законодательства ЕС (Blom-Hansen 2019). Формально в рамках этой процедуры Европарламент и Совет имеют равные права созаконодателей.

Обычная законодательная процедура детально описана в ст. 294 ДфЕС. Она состоит из трёх чтений и предполагает активное взаимодействие Совета, Европарламента и Комиссии на всех стадиях (см. рисунок 1). Базовый принцип состоит в том, что оба созаконодателя должны в итоге поддержать окончательный текст, иначе закон не будет принят. Совет принимает документ в соответствии с предложением Комиссии квалифицированным большинством, а вносит поправки единогласно.

Вся процедура *de jure* строится вокруг обсуждения поправок, предлагаемых Европарламентом. Совет должен либо согласиться с ними, либо во взаимодействии с ЕП прийти к компромиссным формулировкам. Роль Комиссии в этой межинституциональной игре велика. В ходе и первого, и второго чтений Комиссия высказывается о предложенных ЕП поправках. Если Комиссия поддержива-

² European Parliament «Conciliation and Codecision. A Guide to how Parliament co-legislates». DV/547830, November 2004.

³ В данном случае мы учитываем только директивы и регламенты, поскольку решения не создают норм права общего характера и, как правило, являются актами правоприменения.

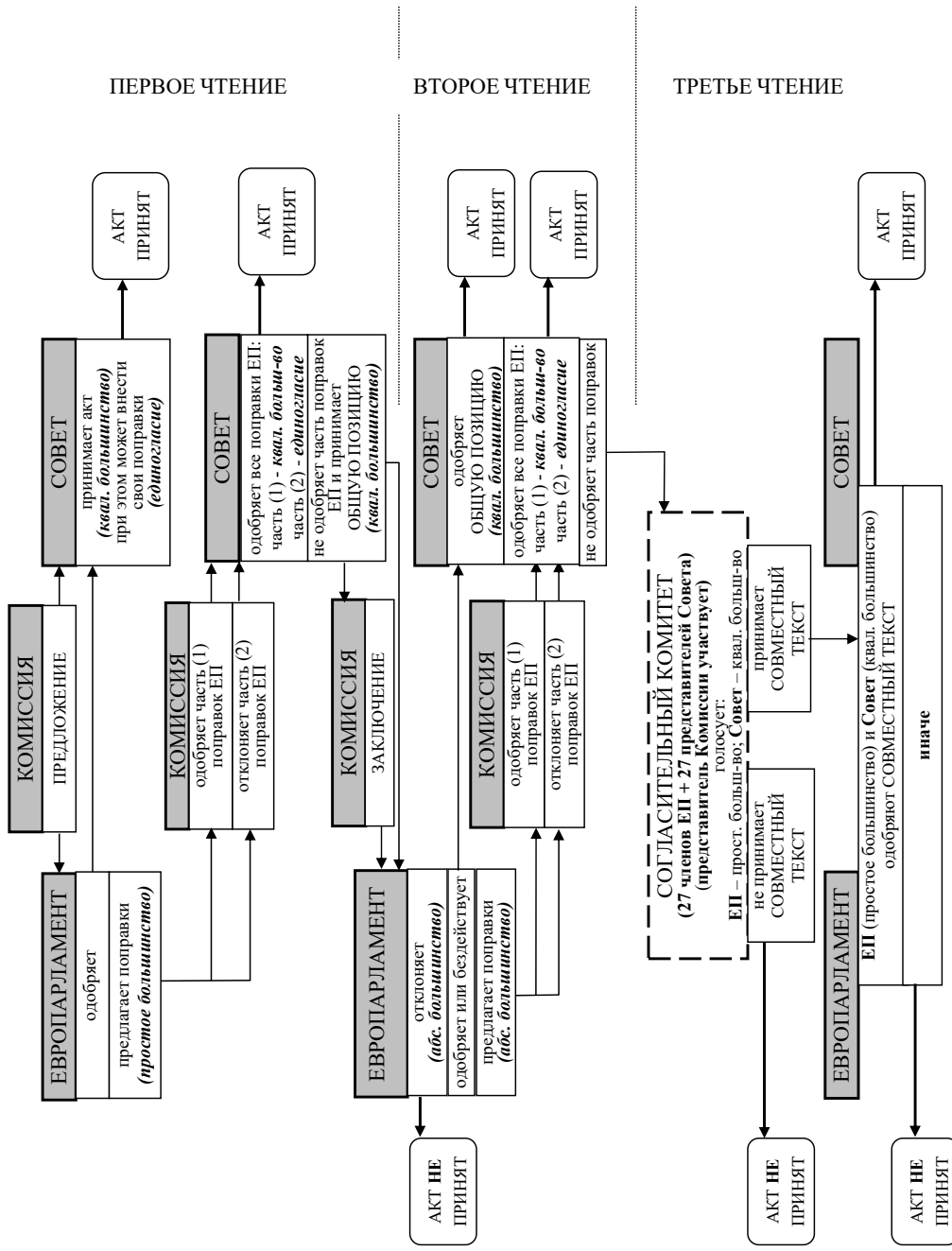

Рисунок 1. Обычная законодательная процедура
 Figure 1. The Ordinary legislative procedure

ет поправку ЕП, то она включает её в текст законопроекта. В этом случае Совет может изменить эту часть законопроекта лишь единогласно, а принять текст законопроекта в целом он может квалифицированным большинством. Если же Комиссия негативно оценивает поправку ЕП, то для её принятия в Совете требуется единогласие. Отметим, что с конца 1990-х гг. сформировались эффективные механизмы рабочего взаимодействия между Комиссией и ЕП по вопросам текущего законодательства. В частности, согласно межинституциональному соглашению 2010 г., Комиссия обязалась «тщательно изучать» одобренные Европарламентом поправки и принимать их во внимание при «модификации законопроекта (proposal)»⁴.

Второе чтение проводится, если между Советом и ЕП остались разногласия. ЕП должен подтвердить своё желание внести поправки, но на этой стадии требуется абсолютное большинство голосов (большинство от списочного состава депутатов). Учитывая, что в пленарных голосованиях обычно принимают участие 75-80% депутатов (Nix et al. 2009), собрать такое большинство сложно. Поэтому во втором чтении ЕП обычно подтверждает наиболее значимые поправки, причём только те, по которым имеется широкий межпартийный консенсус. Эти поправки заново оцениваются Комиссией и рассматриваются в Совете. При этом, поскольку поправки поддержаны абсолютным большинством депутатов ЕП, Комиссия и Совет вынуждены отнестись к ним с ещё большим вниманием, чем в первом чтении. В частности, Комиссия обязалась на этой стадии уделять «предельное внимание» поправкам ЕП⁵.

Если Совет по итогам второго чтения отказывается принять хотя бы одну из поправок ЕП, то созывается согласительный комитет из представителей Совета и членов ЕП. Согласительный комитет должен выработать общий текст, который позднее должны одобрить и Европарламент, и Совет. Если этого не произойдёт, то закон считается не принятым и процедура прекращается. На стадии третьего чтения Комиссия теряет часть своих полномочий: Совет может утверждать согласованные с ЕП поправки квалифицированным большинством, даже если Комиссия не согласна с этими поправками. Кроме того, на этой стадии Комиссия не может отозвать законопроект. Представители Комиссии участвуют в работе согласительного комитета, но не имеют права голоса. Та часть законодательной власти, которую теряет Комиссия, переходит к Европарламенту. Таким образом, баланс между наднациональным и межправительственным началом в целом сохраняется.

Во втором чтении у ЕП есть три месяца, чтобы внести поправки, а у Совета – три месяца, чтобы рассмотреть поправки ЕП и сформулировать свою позицию. В третьем чтении согласительный комитет должен выработать общий

⁴ Point 12, Framework Agreement on relations between the European Parliament and the European Commission. 2010. *Official Journal*. L 304.

⁵ Point 12, Framework Agreement on relations between the European Parliament and the European Commission. 2010. *Official Journal*. L 304.

текст в течение шести недель, а Европарламент и Совет имеют ещё шесть недель для одобрения общего текста. Эти периоды могут быть продлены, но суммарно второе и третье чтение не могут продолжаться более 12 месяцев. Продолжительность первого чтения никак не ограничена, и это имеет больше значение в контексте механизма триалогов.

В 1990-е гг. (Маастрихтский период) использование процедуры совместного принятия решения «характеризовалось конфронтацией и недостатком сотрудничества между ЕП и Советом» (Stie 2010: 95). Причина этого заключалась в том, что ранее использовавшиеся законодательные процедуры не предусматривали интенсивного взаимодействия обоих институтов. Соответственно, Совет и ЕП не имели опыта регулярного взаимодействия, тем более взаимодействия на равной основе. Европарламент, как более слабый законодатель, боролся за дополнительное влияние. Совет, в свою очередь, не имел традиции всерьёз воспринимать позицию Европарламента и старался минимизировать значение новых полномочий ЕП.

Трансформация правил третьего чтения в конце 1990-х гг.

Как отмечалось ранее, отличительной особенностью процедуры совместного принятия решения является стадия третьего чтения, предполагающая созыв согласительного комитета. В изначальном варианте процедуры, действовавшем от Маастрихтского до Амстердамского договора, если работа согласительного комитета не привела к принятию решения, Совет мог повторно проголосовать за свою версию закона. В этом случае Европарламент должен был абсолютным большинством голосов отклонить проект (обеспечить большинство от списочного состава в ЕП традиционно непросто). Если же ЕП не смог отклонить законопроект, то он считался принятым. Авторы этих правил полагали, что депутаты вынужденно смиряются с позицией Совета, поскольку, в случае непринятия законопроекта, либо вопрос останется неурегулированным, либо предыдущая менее проинтеграционная редакция документа сохранит действие.

И эксперты, и сами депутаты посчитали эти правила искажающими равенство двух созаконодателей: Совета и Европарламента (Nugent 2003: 353).

Депутаты восприняли это вопрос как принципиальный, что демонстрирует кейс директивы о голосовой телефонии. Когда впервые в 1994 г. Совет повторно подтвердил свою позицию, ЕП сумел обеспечить абсолютное большинство и отклонил директиву⁶. Тогда же депутаты внесли изменения в Процедурный регламент. Согласно Правилу 78, если Совет повторно проголосует за свою версию законопроекта, то ЕП автоматически обращается к Комиссии с просьбой отозвать законопроект, а если Комиссия не делает этого, то ЕП автоматически выносит на

⁶ Commission Proposal for a Council Directive on the application of open network provision (ONP) to voice telephony. COM(92) 247 final, Brussels, 27 August 1992.

пленарное заседание вопрос об отклонении законопроекта. Тем самым ЕП дал понять, что готов пожертвовать краткосрочными выгодами (принятие новых, пусть не вполне совершенных документов) ради долгосрочных институциональных выгод (создание условий для эффективных переговоров с Советом).

Совет ЕС, осознав сложившуюся ситуацию, стал более ответственно относиться к работе согласительного комитета и, в случае неудачи последнего, больше никогда не подтверждал свою позицию по законопроекту. Европарламент продемонстрировал техническую способность оперативно и грамотно рассматривать законопроекты и проявил политическую волю к мобилизации широкой коалиции депутатов на защиту новых законодательных прерогатив.

С течением времени изменился подход обоих институтов к согласительной процедуре. Изначально Совет и Европарламент были настроены на «продавливание» своего варианта текста, но со временем акцент был сделан на согласование компромиссного текста поправок. В итоге доля поправок Европарламента, одобренных в их изначальной форме, сократилась с 44% в 1994 г. до 8% в 1999 г., а доля поправок, одобренных в компромиссной форме, увеличилась с 22% до 59% соответственно⁷.

В итоге в Амстердамском договоре 1997 г. процедура совместного принятия решения была модифицирована: если согласительный комитет не может выработать компромиссный вариант, то документ считается не принятым. Это правило действует и в настоящее время. С этих пор Совет и Европарламент формально являются равными созаконодателями в рамках процедуры совместного принятия решения (обычной законодательной процедуры).

Эти события являются первым примером замены конкурентных практик кооперативными. Необходимость достичь общего решения в согласительном комитете «воздействует на то, как каждая сторона воспринимает другую и культивирует общие подходы, которые способствуют устранению различий» (Shackleton 2000: 336). Маастрихтский период использования процедуры совместного принятия решений теперь считается периодом проб и ошибок. После Амстердамского договора развиваются практики конструктивного взаимодействия между созаконодателями. Задача сократить срок рассмотрения законопроектов и число досье, направляемых в Согласительный комитет, потребовала развития неформальных практик взаимодействия (см. далее).

Согласительный комитет как площадка взаимодействия Совета ЕС и Европарламента

Согласительный комитет является уникальным форматом в практике деятельности институтов ЕС. Это единственный предусмотренный основопола-

⁷ European Parliament. Activity Report of the EP delegation to the Conciliation Committee for the period 1993 to 1999. PE 230.998.

гающими договорами формат, в рамках которого представители Совета ЕС и Европарламента встречаются лицом к лицу⁸.

Порядок формирования и работы Согласительного комитета (далее – Комитет) регулируется ст. 294 (3-7) ДфЕС. Комитет состоит из равного числа представителей Совета ЕС и Европарламента: по 27 от каждого института, что равно числу государств-членов. Делегация Совета ЕС всегда одна и та же по своему составу: это заместители постпредов при ЕС (то есть члены КОРЕПЕР I) и профильный министр от государства-председателя. Европарламент же назначает специальную делегацию для каждого обсуждаемого досье (подробнее см. далее).

В работе Комитета также участвуют представители Комиссии, как правило – профильный член Комиссии с несколькими помощниками (Corbett et al. 2007: 224). Однако представители Комиссии не имеют права голоса. Более того, на этой стадии законодательной процедуры Комиссия теряет право предлагать поправки⁹ и отозвать законопроект. Полномочия Комиссии на этой стадии ограничиваются ролью посредника, который содействует достижению соглашения между Советом и Европарламентом. Таким образом, Комиссия теряет то формализованное влияние над законодательным процессом, которое она имела на предыдущих стадиях. Роль единственного гаранта общего интереса переходит к Европарламенту.

Задача Согласительного комитета – «достичь соглашения о совместном тексте» (ст. 294 (10) ДфЕС). Его функции – вести переговоры и голосованием одобрить совместный текст. Изначально предметом переговоров в Комитете были разногласия, оставшиеся между Советом и ЕП после второго чтения. Сегодня работа Комитета преимущественно ограничивается этими вопросами. Однако при необходимости Комитет вправе согласовывать любые поправки в текст. Основой для этого стало решение Суда ЕС 2006 г., где, в частности, сказано: основополагающие договоры «не предусматривают никаких ограничений в отношении содержания мер [формулировок – Н.К.], которые могут быть выбраны для того, чтобы достичь согласия о совместном тексте»¹⁰. Такое расширительное толкование возможностей Комитета облегчило его задачу поиска компромисса и обеспечило дополнительную косвенную легитимацию работы триалогов (см. ниже) в первом и втором чтениях.

Каждая делегация Европарламента в Согласительном комитете уникальна по своему составу и формируется в зависимости от обсуждаемого законопроекта. В начале каждой легислатуры Конференция председателей определяет квоту для каждой политической группы так, чтобы состав делегации отражал расклад по-

⁸ Есть ещё несколько форматов, в которых встречаются представители Совета и ЕП, но они не предусмотрены основополагающими договорами.

⁹ Поправки в смысле формулировок законопроекта, которые могут быть изменены единогласным решением Совета ЕС, как это предусмотрено ст. 293 (1) ДфЕС. Комиссия вправе и даже обязана предлагать компромиссные формулировки, которые могут оказаться приемлемыми для членов Согласительного комитета.

¹⁰ Case C-344/04, Judgment of the Court (Grand Chamber), 10 January 2006.

литических сил в ЕП (Правило 77 Правил процедуры ЕП)¹¹. Затем политические группы направляют своих представителей в делегацию по конкретному законопроекту. Возглавляет делегацию ЕП заместитель председателя. В состав делегации *ex officio* входят докладчик по законопроекту и председатель профильного комитета ЕП. Как правило, большинство членов делегации ЕП – это члены профильного комитета (Stie 2010: 133), поскольку именно они обладают необходимой экспертизой и участвуют в обсуждении законопроекта со стадии первого чтения.

Деятельность делегации ЕП с самого начала строится на долгосрочных руководящих принципах, которые одобряет Конференция председателей ЕП; это задает рамки возможного компромисса. Делегация представляет депутатам ЕП регулярные отчёты о результатах работы Согласительного комитета, а также в рабочем порядке отчитывается перед Конференцией председателей.

Главная задача делегации ЕП состоит в том, чтобы в её работе были выслушаны и по возможности нашли отражение взгляды всех политических групп. Это необходимо для того, чтобы делегация имела возможность эффективно действовать от лица всего многообразия депутатов ЕП. Только на этой основе можно рассчитывать, что одобренный делегацией текст законопроекта будет поддержан на пленарном голосовании в ЕП. уверенность в представительности делегации делает её договороспособным собеседником в глазах представителей Совета ЕС.

Вопрос о представительности делегации являлся предметом активной дискуссии. Теоретически в рамках концепции принципал-агент проработана идея о том, что агенты могут преследовать цели, отличные от целей принципалов и использовать для их достижения имеющиеся информационные преимущества (Strøm 2003). В приложении к Европарламенту это означает, что члены делегации ЕП в Согласительном комитете могут искаженно выражать интересы депутатского корпуса ЕП. Например, они могут в большей степени представлять интересы какой-либо группы партий, профессиональных групп интересов либо отдельных стран ЕС. Выработанный Согласительным комитетом текст законопроекта не может дополняться поправками в ходе последующего рассмотрения в ЕП, поэтому депутатский корпус может оказаться вынужден принять закон в редакции, не вполне отвечающей их интересам (иначе законопроект не будет отклонен). Эмпирические исследования показали, что в делегации ЕП перепредставлены депутаты крупнейших политических групп, а также члены профильного комитета ЕП, национальность депутатов при этом не имеет значения. Однако анализ позиций членов делегации показал, что «эти искажения в представительстве не ведут к каким-либо искажениям в позиции делегации ЕП в Согласительном комитете» (Rasmussen 2008: 109).

¹¹ Впрочем, наиболее многочисленные группы – ЕНП и СД – обычно слегка перепредставлены, а крайне правые и неприсоединившиеся депутаты как правило не включаются в Согласительный комитет.

Все детали работы Согласительного комитета в настоящее время регулируются Совместной декларацией 2007 г.¹² Вся работа Согласительного комитета строится так, чтобы подчеркнуть равный статус обеих делегаций. Главы делегаций Совета и ЕП совместно определяют повестку заседаний и по очереди председательствуют на них. Заседания по очереди проходят в зданиях Совета и Европарламента.

Чтобы облегчить работу Согласительного комитета, в середине 1990-х было решено проводить заседания на основе общего документа – «совместного документа из четырёх колонок»: общая позиция Совета, поправки ЕП во втором чтении, позиция совета о поправках ЕП, позиция делегации ЕП в Согласительном комитете¹³. В настоящее время этот документ используется преимущественно в ходе триалогов (см. ниже), где снимается большинство разногласий. Согласительный комитет либо формально утверждает результаты триалога, либо имеет дело с немногими оставшимися после триалога разногласиями¹⁴. Заседания Согласительного комитета не предполагают широкой дискуссии, поскольку позиции сторон уже выработаны и известны; идут предметные переговоры по узкому кругу оставшихся разногласий.

Работа Согласительного комитета организована таким образом, чтобы перевести противостояние Совета и Европарламента (имеющих различные позиции по отдельным элементам законопроекта) в их совместную работу по выработке компромиссного решения. Следует выделить следующие особенности:

- Оба института имеют возможность заблокировать законопроект, но заинтересованы в его принятии;
- Согласительный комитет вправе обсуждать любые положения законопроекта, в том числе выходящие за рамки разногласий, оставшихся после второго чтения;
- Комиссия выступает посредником основного источника экспертизы; в случае, если Комиссия поддерживает ЕП, его позиции усиливаются (König et al. 2007);
- Процедуры делегирования отработаны и достаточны, но период времени для обсуждения ограничен;
- Существуют рабочие каналы взаимодействия, в особенности триалоги (см. далее).

Эмпирические исследования о результатах работы Согласительного комитета показывают, что Европарламент добивается успеха чаще, чем Совет, однако Совет более эффективен в случае разногласий по сложным вопросам (König et al. 2007).

¹² Joint Declaration on Practical Arrangements for the Codicision Procedure. 13 June 2007, OJ, C 145, p. 5-9.

¹³ Иногда в документ добавляют пятую колонку, отражающую мнение Комиссии.

¹⁴ European Parliament. Conciliations and Codicision. A Guide to how the Parliament co-legislates. DV/684001, July 2007.

Триалогии как основной механизм современной реализации обычной законодательной процедуры

Во второй половине 1990-х гг. выяснилось, что Согласительный комитет, собираясь в полном составе, слабо способен вести содержательные дискуссии. Тогда за столом сидело 30 человек (представители 15 государств-членов и аналогичное число членов ЕП). Сегодня в Евросоюзе 27 стран-членов, в состав согласительного комитета входят 54 человека, не считая представителей Комиссии и чиновников из аппаратов Совета и ЕП.

Решением проблемы стала организация перед заседанием согласительного комитета так называемых триалогов – неформальных встреч ключевых представителей всех трёх институтов. От лица Совета в них обязательно принимает участие представитель государства-председателя (член КОРЭПЕР или его ближайший помощник), представители ещё двух-трёх стран и сотрудники Секретариата Совета. От Европарламента – вице-председатель ЕП, председатель профильного комитета и докладчик по законопроекту, иногда теньевые докладчики от основных политических групп. Сотрудники Комиссии обеспечивают посредничество и экспертизу. Если в рамках триалога удавалось найти компромиссное решение, то согласительному комитету оставалось утвердить подготовленный текст.

Впервые регулярные триалогии перед заседанием Согласительного комитета стали проводить во второй половине 1995 г. по инициативе Испании как государства-председателя. Эта практика оказалась эффективной, и через несколько лет триалогии стали использовать на стадии первого и второго чтения. К этому призывала Совместная декларация Европарламента, Совета и Комиссии 1999 г., в которой три института обязались использовать все возможные способы согласования своих позиций, чтобы «по возможности одобрять документы в первом чтении»¹⁵. Ныне действующая Совместная декларация 2007 г. детально регулирует порядок проведения триалогов на всех стадиях обычной законодательной процедуры¹⁶.

Изначально триалог в третьем чтении основывался на обсуждении позиций Совета и Европарламента, которые оба института заранее выработали и зафиксировали в виде одобренных поправок ЕП и Общей позиции Совета. Однако постепенно представители обоих институтов стали встречаться до формальной фиксации собственных позиций. Таким образом, в первом чтении параллельно идут сразу три переговорных процесса: 1) работа докладчика по законопроекту с его коллегами из профильного комитета ЕП, 2) дискуссии в рабочих органах Совета, и 3) триалог, объединяющий участников обоих этих процессов. Возможность обмена мнениями между представителями обоих институтов на ранних стадиях обсуждения законопроекта обеспечивает эффективность диа-

¹⁵ Joint Declaration on Practical Arrangements for the New Co-Decision Procedure. 5 May 1999. *Official Journal*, C 148.

¹⁶ Joint Declaration on Practical Arrangements for the Codecision Procedure. 13 June 2007, *Official Journal*, C 145.

логов и обычной законодательной процедуры в целом. При этом речь не идёт об одной встрече; в среднем в ходе первого чтения законопроекта проходит три заседания триалога, а по наиболее спорным и политически значимым число заседаний может достигать десяти (Brandsma 2015).

В итоге, если в первом чтении триалог приводит к успеху, то с формальной стороны это выглядит, как если бы Совет согласился со всеми поправками, принятыми ЕП в первом чтении. Однако в реальности в данном случае речь идёт не о поправках ЕП, а о компромиссных формулировках, заранее согласованных между ЕП и Советом. Аналогично «раннее соглашение» во втором чтении выглядит, будто ЕП согласился с общей позицией Совета; фактически общая позиция фиксирует компромиссные формулировки. «Позднее соглашение» во втором чтении выглядит, будто Совет согласился со всеми поправками, принятыми ЕП во втором чтении; однако в реальности речь идёт не о поправках ЕП, а о компромиссных формулировках, заранее согласованных между ЕП и Советом.

Примером работы триалогов является кейс реформы Директивы о торговле квотами на выбросы парниковых газов. Комиссия обнародовала свое Законодательное предложение 15 июня 2015 г. На протяжении полутора лет обсуждение законопроекта шло параллельно в Европарламенте и Совете ЕС при отсутствии официальных контактов между институтами. Однако и на этой стадии использование неофициальных каналов коммуникации является обычной практикой. О результативности такой коммуникации свидетельствует тот факт, что принятые в феврале 2017 г. позиции Совета и ЕП содержали целый ряд совпадающих формулировок. В частности, оба института совместно выработали два концептуальных изменения в Предложении Комиссии (реформа Резерва для стабилизации рынка и введение механизма гибкости). 15 февраля 2017 г. на пленарном заседании Европарламент одобрил проект поправок к Предложению Комиссии, который является предварительной позицией ЕП, на основе которой начинается серия триалогов с Советом. 28 февраля 2017 г. Совет ЕС одобрил так называемый Общий подход – свою позицию для проведения триалога. После этого наступил этап институтированных переговоров между Европарламентом и Советом. В период с апреля по ноябрь 2017 г. было проведено шесть заседаний триалога. В результате Европарламент и Совет сумели выработать компромиссное решение в рамках первого чтения. Итоговый тест Директивы о реформе СТВ был одобрен обоими созаконотателями в феврале 2018 г.¹⁷

Несмотря на противоречия между странами ЕС в вопросе ограничения выбросов парниковых газов, в рамках первого чтения за два с половиной года удалось выработать компромиссное решение. В этой связи характерно, что Общий

¹⁷ Directive 2018/410 of the European Parliament and of the Council of 14 March 2018 amending Directive 2003/87/EC to enhance cost-effective emission reductions and low-carbon investments, and Decision (EU) 2015/1814

подход Совета ЕС в феврале 2017 г. был принят при девяти голосах против¹⁸, а при голосовании по итоговому тексту Директивы никто из государств-членов не голосовал против и лишь три страны воздержались. В Европарламенте также удалось выработать комплексный компромисс между различными интересами, подтверждением чего является согласованная позиция Комитета по окружающей среде и здравоохранению и Комитета по промышленности, исследованиям и энергетике.

В начале 2000-х гг. высказывались опасения, что регулярное использование триалогов нанесёт ущерб транспарентности законодательного процесса, ограничит политическую дискуссию в ЕП и в целом снизит легитимность принимаемого законодательства. В основном критика была связана с тем, что триалоги создают информационную асимметрию и возможность для так называемых «посредников» (*relais actor*), а именно участников триалогов, использовать своё привилегированное положение для продвижения своих позиций в ущерб позициям других членов Совета и Европарламента (Raunio, Shackleton 2003; Farrell, Heritier 2004; Roederer-Rynning, Greenwood 2017; Curtin, Leino 2017). Однако Европарламент минимизировал эти риски, создав систему адекватного представительства политических групп в триалогах и механизмы регулярной связи между участниками триалогов и профильными комитетами. Результаты каждого заседания триалога обсуждаются на встрече делегации ЕП в Согласительном комитете; на ней разрабатываются инструкции для дальнейшего ведения триалога. По итогам каждого заседания триалога готовится письменный отчёт, который доступен всем депутатам ЕП.

Хотя в целом эксперты позитивно оценивают сформированную систему взаимодействия участников триалогов и депутатского корпуса (Rasmussen, Reh 2013; Costello, Thomson 2011), отдельные исследования показывают, что результаты многих заседаний триалогов докладываются профильным комитетам с запозданием либо не докладываются вообще (Brandtsma 2019). Впрочем, эмпирические исследования не подтверждают, что указанные «посредники» злоупотребляют существующей информационной асимметрией (Costello, Thomson 2011; Rasmussen, Reh 2013). Следует также отметить, что каждый из комитетов ЕП по-разному организует работу триалогов, существуют различия в уровне транспарентности. К примеру, Комитет по экономической политике в седьмой легислатуре выносил на пленарное голосование отдельные блоки поправок. А Комитет по аграрной политике в то же время отказался привлекать к заседаниям рабочей группы заинтересованных депутатов из Комитета по охране окружающей среды (Roederer-Rynning 2019).

¹⁸ В поддержку решения высказались 19 государств-членов, представляющих 71,4% населения ЕС. Против голосовали девять стран: Италия, Кипр и семь стран ЦВЕ (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Хорватия). По правилам процедуры для квалифицированного большинства требуется как минимум 16 государств, представляющих 65% населения ЕС.

Также неоднократно звучала критика в связи с низкой транспарентностью триалогов для общественных наблюдателей. Такая обеспокоенность стала предметом специального доклада Омбудсмана в 2016 г.¹⁹ и получила оценку в решении Суда ЕС по делу *Di Capitani* в 2018 г.²⁰ Сложившаяся практика порождает опасения, что в отсутствие публичного внимания акторы, участвующие в триалогах, будут уязвимы для влияния со стороны организованных групп интересов. Эмпирическое исследование К. Роедерер-Райнинг и Дж. Гринвуд «развеивает миф о том, что триалоги как 'тихая' политика находятся под доминирующим влиянием интересов производителей» (Roederer-Rynning, Greenwood 2020: 1).

В 2000-2009 гг. (пятая и шестая легислатура ЕП) из всех документов, одобренных по процедуре совместного принятия решения, около 60% были приняты в первом чтении, 30% – во втором, и 10% потребовали третьего чтения и созыва согласительного комитета (Rasmussen 2012: 743). А в период 2010-2014 гг. (седьмая легислатура) в первом чтении было принято более 90% всех документов; до третьего чтения дошли лишь два законопроекта. (Brandsma 2015: 309), что представляет собой результат активного использования триалогов.

Таким образом, в большинстве случаев обычная законодательная процедура стала «процедурой одного чтения» благодаря гибкому механизму триалогов. Законопроект переходит во второе и третье чтения, только если законодателям не удалось найти компромиссное решение. При этом первое чтение не ограничено сроками, в среднем на этой стадии документы рассматриваются около 11 месяцев (Toshkov, Rasmussen 2012: 13). Однако некоторые политически значимые и вызывающие существенные разногласия документы могут обсуждаться несколько лет. К примеру, Директива об изменении правил организации рынка электроэнергии была предложена Комиссией в декабре 2016 г.; первое чтение длилось 2,5 года, состоялось более 25 встреч Совета и его рабочих органов и более десятка заседаний триалога; в итоге Директива была принята лишь в мае 2019 г.²¹.

* * *

Хотя вся обычная законодательная процедура строится вокруг обсуждения поправок, предлагаемых Европарламентом, на практике гораздо большее значение имеют переговоры между государствами-членами в Совете. Совет ЕС – это коллегиальный орган, который обеспечивает площадку для гармонизации интересов государств-членов ЕС. Результатом согласования позиция государств-

¹⁹ European Ombudsman. European Ombudsman Strategic Inquiry on the Transparency of Trilogues: Follow Up and First Results 2016 Case OI/8/2015/JAS, Decision of 12 July 2016.

²⁰ General Court of the European Union. Case T540/15. Emiliano De Capitani v European Parliament. Ruling of 22 March 2018.

²¹ Directive 2019/944 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on common rules for the internal market for electricity and amending Directive 2012/27/EU.

членов является большое число поправок, которые Совет вносит в законопроекты Комиссии.

Формально в обычной законодательной процедуре Европарламент и Совет имеют равные полномочия и выступают в качестве созаконодателей. Однако в реальности подключение Европарламента к законодательному процессу означает не появление «второй» силы, а подключение к переговорам в Совете ещё одного, 28-го по счёту участника. Интервью с инсайдерами демонстрируют, что сначала государства-члены в Совете ЕС ищут компромиссы между собой без учёта позиции Европарламента. После первого раунда триалога позиция ЕП начинает приниматься во внимание, и «изначальные балансы в Совете могут измениться» (Novak et al. 2020: 11). Европарламент имеет право вето (чего не имеет ни одна страна при голосовании квалифицированным большинством в Совете), и потому его влияние больше, чем влияние отдельного государства. При этом говорить о равном влиянии Европарламента и Совета (27 стран, представленных в Совете) было бы преувеличением (Thomson, Hosli 2006; Konig 2008; Hagemann, Hoyland 2010; Mariotto, Franchino 2011).

Мы полагаем, что не следует рассматривать законодательный процесс как конкуренцию Европарламента и Совета. Хотя их позиции зачастую различаются, основу взаимодействия составляет сотрудничество. Оба института (а также Комиссия) заинтересованы в принятии нового акта. Законодательная процедура выстроена таким образом, что подталкивает созаконодателей к кооперативному взаимодействию и интенсивным межинституциональным переговорам, которые дополняют переговоры внутри каждого из институтов. В числе таких особенностей обычной законодательной процедуры мы рассмотрели трансформацию правил третьего чтения, особенности формирования и работы Согласительного комитета, механизм триалогов.

Причина этого в том, что в обычную законодательную процедуру, как и в другие процедуры принятия решений, встроено много сдержек и противовесов. Это позволяет любому из институтов заблокировать или, как минимум, затянуть процесс. Сложные процедуры вынуждают институты ЕС конструктивно взаимодействовать друг с другом. Зафиксированные в договорах процедуры дополняются основанными на политических договорённостях кооперативными практиками, позволяющими более эффективно организовать взаимодействие между институтами. Необходимость обеспечить поддержку всех институтов вынуждает принимать во внимание интересы всех акторов.

Об авторе:

Николай Юрьевич Кавешников – кандидат политических наук, заведующий кафедрой интеграционных процессов МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: September 02, 2020

Accepted: December 24, 2020

The Ordinary Legislative Procedure in the EU as an Example of Cooperative Practices

N.Yu. Kaveshnikov

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147)

Moscow State Institute of International Relations (university)
Institute of Europe

Abstract: The interaction of the EU institutions is aimed at aggregating a wide range of interests and ensuring the widest possible (preferably consensual) support for the policy. However, game theory reveals that the ordinary legislative procedure breeds competition between two co-legislators – the Council and the European Parliament – that seek to reflect their preferences within the legislative draft. This study attempts to assess the development of cooperative practices in the ordinary legislative procedure (since its establishment under the name “codecision procedure”) and the importance of these practices for the effectiveness of the legislative process. The development of cooperative practices is illustrated by three examples. First, the transformation of the rules of the third reading. Second, peculiarities of the Conciliation Committee functioning. Third, the development of trialogues and their main features.

According to the results of the study, the author concluded that a set of cooperative practices between the EU Council and the European Parliament has been formed within the framework of the ordinary legislative procedure which is structured in a way that encourages co-legislators to cooperate and engage in intensive inter-institutional negotiations that complement the negotiations within each of the institutions. The reason for this is that the ordinary legislative procedure has a complex system of checks and balances. This allows a number of actors to block or delay the decision-making process. Complex procedure literally forces the EU institutions to come to a compromise. The ordinary legislative procedure as it was set out in the Treaties was supplemented by number of cooperative practices based on political agreements, which enhance a more effective interaction between institutions. The need to ensure the support of all (the vast majority) of the Member States in the Council and key political groups in the European Parliament prompts to take into account the whole spectrum of interests. As a result, it ensures high quality of decision-making process and high quality of governance.

Keywords: European Union, decision making procedures, ordinary legislative procedure, trialogues

About the author:

Nikolay Yu. Kaveshnikov – Head of Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University). 76 pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. E-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Bainbridge T. 1998. *The Impact of the European Parliament on EU Legislation: Cooperation, Co-Decision, Conciliation*. Research and Documentation Service EPP Group – European Parliament.
- Blockmans S. et al. 2014. *From Subsidiarity to Better EU Governance: A Practical Reform Agenda for the EU*. CEPS Essay №10, 08.04.2014 Brussels: Center for European Political Studies.
- Blom-Hansen J. 2019. Studying Power and Influence in the European Union: Exploiting the Complexity of Post-Lisbon Legislation with EUR-Lex. *European Union Politics*. 20(4). P. 692–706. DOI: 10.1177/1465116519851181
- Brandsma G.J. 2015. Co-decision after Lisbon: The Politics of Informal Trilogues in European Union Lawmaking. *European Union Politics*. 16(2). P. 300–319. DOI: 10.1177/1465116515584497
- Brandsma G.J. 2019. Transparency of EU Informal Trilogues through Public Feedback in the European Parliament: Promise Unfulfilled. *Journal of European Public Policy*. 26(10). P. 1464–1483. DOI: 10.1080/13501763.2018.1528295
- Corbett R. 2000. Academic Modeling of the Codecision Procedure: a Practitioner's Puzzled Reaction. *European Union Politics*. 1(3). P. 373–81. DOI: 10.1177/0267323115612212
- Corbett R., Jacobs F. and Shackleton M. 2007. *The European Parliament*. 7th ed. London: John Harper Publishing.
- Corbett R., Jacobs F. and Shackleton M. 2011. 'The Scrutiny and Control of the Executive'. Corbett, R., Jacobs, F. and Shackleton, M. (eds.). *The European Parliament*. London: John Harper Publishing. P. 312–339.
- Costello R., Thomson R. 2011. The Nexus of Bicameralism: Rapporteurs' Impact on Decision Outcomes in the European Union. *European Union Politics*. 12(3). P. 337–357. DOI: 10.1177/1465116511410087
- Crombez C., Steunenberg B., Corbett R. 2000. Understanding the EU Legislative Process: Political Scientists' and Practitioners' Perspectives. *European Union Politics*. 1(3). P. 363–381. DOI: 10.1177/1465116500001003005
- Curtin D., Leino P. 2017. In Search of Transparency for EU Law Making: Trilogues on the Cusp of Dawn. *Common Market Law Review*. 54(6). P. 1673–1712.
- Farrell H., Heritier A. 2003. Formal and Informal Institutions under Codecision: Continuous Constitution-Building in Europe. *Governance*. 16(4). P. 577–600. DOI: 10.1111/1468-0491.00229
- Farrell H., Heritier A. 2004. Interorganizational Negotiation and Intraorganizational Power in Shared Decision-Making: Early Agreements under Codecision and Their Impact on the European Parliament and Council. *Comparative Political Studies*. 37(10). P. 1184–1212. DOI: 10.1177/0010414004269833
- Golub J. 2008. The Study of Decision-Making Speed in the European Union. Methods, Data and Theory. *European Union Politics*. 9(1). P. 167–179. DOI: 10.1177/1465116507085961
- Hage F., Kaeding M. 2007. Reconsidering the European Parliament's Legislative Influence: Formal vs. Informal Procedures. *Journal of European Integration*. 29(3). P. 341–361. DOI: 10.1080/07036330701442356
- Hagemann S., Hoyland B. 2010. Bicameral Politics in the European Union. *Journal of Common Market Studies*. 48(4). P. 811–833. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2010.02075.x

- Heisenberg D. 2005. The Institution of 'Consensus' in the European Union: Formal versus Informal Decision-Making in the Council. *European Journal of Political Research*. №44. P. 65–90. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2005.00219.x
- Hix S. 2008. The EU as a Political System. Caramini D. (ed.) *Comparative Politics*. Oxford University Press. P 573–601.
- Hix S., Kreppel A., Noury A. 2003. The Party System in the European Parliament: Collusive or Competitive? *Journal of Common Market Studies*. 41(2). P. 309–331. DOI: 10.1111/1468-5965.00424
- Hix S., Noury A., Roland G. 2009. 'Voting Patterns and Alliance Formation in the European Parliament'. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 364 p. P. 821–831. DOI: 10.1098/rstb.2008.0263
- Kasack C. 2004. The Legislative Impact of the European Parliament under the Revised Co-Decision Procedure Environmental, Public Health and Consumer Protection Policies. *European Union Politics*. 5(2). P. 241–260. DOI: 10.1177/1465116504038138
- König T. 2008. Analysing the Process of EU Legislative Decision-Making. To Make a Long Story Short. *European Union Politics*. 9(1). P. 145–165. DOI: 10.1177/1465116507085960
- König T. 2008. Why do Member States Empower the European Parliament, *Journal of European Public Policy*. 15(2). P. 167–88. DOI: 10.1080/13501760701817674
- König T., Lindberg B., Lechner S., Pohlmeier W. 2007. Bicameral Conflict Resolution in the European Union: An Empirical Analysis of Conciliation Committee Bargains. *British Journal of Political Science*. №37. P. 281–312. DOI: 10.1017/S0007123407000142
- Mariotto C., Franchino F. 2011. *Explaining Outcomes of Conciliation Committee's Negotiations*. Paper prepared for the 'Decision-making before and after Lisbon workshop'. Leiden University. №3–4.
- Mattila M. 2009. Roll Call Analysis of Voting in the European Union Council of Ministers after the 2004 Enlargement. *European Journal of Political Research*. 48(6). P. 840–857. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2009.01850.x
- Moser P. 1997. The European Parliament as a Conditional Agenda Setter: What are the Conditions? A Critique of Tsebelis (1994). *The American Political Science Review*. 90(4). P. 834–838. DOI: 10.2307/2945846
- Novak S., Rozenberg O., Bendjaballah S. 2020. Enduring Consensus: Why the EU Legislative Process Stays the Same. *Journal of European Integration*. DOI: 10.1080/07036337.2020.1800679
- Nugent N. 2003. *The Government and Politics of the European Union*. 5th ed. Oxford. 555 p.
- Rasmussen A. 2008. The EU Conciliation Committee: One or Several Principals. *European Union Politics*. №9. P. 87–113. DOI: 10.1177/1465116507085958
- Rasmussen A. 2012. Twenty Years of Co-decision since Maastricht: Inter- and Intra-institutional Implications. *European Integration*. 34(7). P. 735–751. DOI: 10.1080/07036337.2012.726012
- Rasmussen A., Reh C. 2013. The Consequences of Concluding Co-Decision Early: Trilogues and Intra Institutional Bargaining Success. *Journal of European Public Policy*. 20(7). P. 1006–1024. DOI: 10.1080/13501763.2013.795391
- Raunio T., Shackleton M. 2003. Co-decision since Amsterdam: a Laboratory for Institutional Innovation and Change. *Journal of European Public Policy*. 10(2). P. 171–187. DOI: 10.1080/1350176032000058982
- Reh C., Heritier A., Bressanelli E. et al. 2013. The Informal Politics of Legislation: Explaining Secluded Decision Making in the European Union, *Comparative Political Studies*. 46(9). P. 1112–1142. DOI: 10.1177/0010414011426415

Ripoll Servent A. 2012. Playing the Co-Decision Game? Rules' Changes and Institutional Adaptation at the LIBE Committee. *Journal of European Integration*. 34(1). P. 55–73. DOI: 10.1080/07036337.2011.566332

Rittberger B. 2000. Impatient Legislators and New Issue-Dimensions: a Critique of the Garrett-Tsebelis 'Standard Version' of Legislative Politics. *Journal of European Public Policy*. 7(4). P. 554–575. DOI: 10.1080/13501760050165361

Roederer-Rynning C. 2019. Passage to Bicameralism: Lisbon's Ordinary Legislative Procedure at Ten. *Comparative European Politics*. №17. P. 957–973. DOI: 10.1057/s41295-018-0141-2

Roederer-Rynning C. and Greenwood J. 2017. The European Parliament as a Developing Legislature: Coming of Age in Trilogues? *Journal of European Public Policy*. 24(5). P. 735–754. DOI: 10.1080/13501763.2016.1184297

Roederer-Rynning C., Greenwood J. 2020. Black Boxes and Open Secrets: Trilogues as 'Politicised Diplomacy'. *West European Politics*. DOI: 10.1080/01402382.2020.1716526

Scully R.M. 1997. The European Parliament and Co-Decision: a Rejoinder to Tsebelis and Garrett. *Journal of Legislative Studies*. 3(3). P. 93–103. DOI: 10.1080/13572339708420520

Shackleton M. 2000. The Politics of Codecision. *Journal of Common Market Studies*. 38(2). P. 325–342. DOI: 10.1111/1468-5965.00222

Stie A.E. 2010. Co-Decision – the Panacea for EU Democracy? *ARENA Report*.

Strøm K. 2003. 'Parliamentary Democracy and Delegation'. Strøm K., Müller W.C., Bergman T. (eds). *Delegation and Accountability in Parliamentary Democracies*. Oxford: Oxford University Press. P. 55–107.

Thomson R. 2009. Actor Alignments in the European Union before and after Enlargement. *European Journal of Political Research*. 48(6). P. 756–781. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2009.00848.x

Thomson R., Hosli M. 2006. Who Has Power in the EU? The Commission, Council and Parliament in Legislative Decision-making. *Journal of Common Market Studies*. 44(2). P. 391–417. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2006.00628.x

Thomson R. et al. 2012. A New Dataset on Decision-Making in the European Union before and after the 2004 and 2007 Enlargements (DEUII). *Journal of European Public Policy*. 19(4). P. 604–622. DOI: 10.1080/13501763.2012.662028

Toshkov D. 2017. The Impact of the Eastern enlargement on the Decision-Making Capacity of the European Union. *Journal of European Public Policy*. 24(2). P. 177–196. DOI: 10.1080/13501763.2016.1264081

Toshkov D., Rasmussen A. 2012. Time to Decide: The Effect of Early Agreements on Legislative Duration in the EU. *European Integration Online Papers*. 16(11). P. 1–20. DOI: 10.1695/2012011

Kaveshnikov N.Yu. 2010. *Transformaciya institucional'noj struktury Evropejskogo soyuza* [Transformation of the Institutional Structure of the European Union]. Moskva: Navona. 480 p. (In Russian).

Kaveshnikov N. 2015. *Metody upravleniya v Evropejskom soyuze* [Management Practices in the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. №8. P. 49–60. (In Russian).

Kaveshnikov N. 2020a. *Vliyanie transformacii partijno-politicheskogo prostranstva Evrosoyuza na organizaciyu i funkcionirovanie Evroparlamenta* [The Impact of the Transformation of the EU Party and Political Space on the Organization and Functioning of the European Parliament]. *Sovremennaya Evropa*. №2. P. 163–175. DOI: 10.15211/soveurope22020163175. (In Russian).

Kaveshnikov N. 2020b. Evolyuciya procedur prinyatiya reshenij v ES kak parametr glubiny integracii [The Evolution of Decision-Making Procedures in the EU as a Parameter of the Depth of Integration]. *Sovremennaya Evropa*. №5. P. 77-88. DOI: 10.15211/soveurope520207788. (In Russian).

Kamalova R.U. 2016. Ocenka raspredeleniya vliyaniya mezhdru politicheskimi gruppami v Evropejskom parlamente v 1979-2014 gg. [Assessment of the Distribution of Influence between Political Groups in the European Parliament in 1979-2014]. *Polis*. №4. P. 147-161. (In Russian).

Klochova Yu.A. 2006. Nekotorye osobennosti prinyatiya reshenij v Sovete Evropejskogo soyuza [Some Features of Decision-Making in the Council of the European Union]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. №3. P. 9-22. (In Russian).

Levi D.A. 2009. *Sovremennoe lobbirovaniye v Evropejskom soyuze: v poiskah obshchih cennoy i tochek soprikosnoveniya* [Modern Lobbying in the European Union: in Search of Common Values and Common Ground]. Sankt-Peterburg: Sezam Print. 182 p. (In Russian).

Pimenova O.I. 2019. Princip subsidiarnosti v Evropejskom soyuze: peripetii prakticheskogo primeneniya [The Principle of Subsidiarity in the European Union: the Vicissitudes of Practical Application]. *Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*. №4. P. 144-163. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.144.163. (In Russian).

Rudenkova D.E. 2015. Lobbizm v institutah Evropejskogo soyuza. *Mezhdunarodnye processy* [Lobbying in the Institutions of the European Union]. 13(1(40)). P. 68-80. (In Russian).

Stel'nikova N.A. 2017. Procedura prinyatiya delegirovannykh aktov v Evropejskom soyuze [Lobbying in the Institutions of the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. №4. P. 99-110. (In Russian).

Strezhneva M.V. 2009. Strukturirovaniye politicheskogo prostranstva v Evropejskom soyuze (mnogourovnevoe upravleniye) [Structuring the Political Space in the European Union (Multi-Level Governance)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. №12. P. 38-49. (In Russian).

Strezhneva M.V. 2010. Praktika nadnacional'nosti v Evrosoyuze [The Practice of Supranationalism in the European Union]. *Mezhdunarodnye processy*. 3(24). P. 57-69. (In Russian).

Strezhneva M.V. 2015. Rol' nacional'nykh parlamentov v upravlenii Evropejskim soyuzom [The Role of National Parliaments in the Governance of the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. №1. P. 52-62. (In Russian).

Strezhneva M.V. 2016. Nadnacional'nost' i princip subsidiarnosti v ES i za ego predelami [Supranationality and the Principle of Subsidiarity in the EU and beyond]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 60(6). P. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Кавешников Н.Ю. 2010. *Трансформация институциональной структуры Европейского союза*. Москва: Навона. 480 с.

Кавешников Н. 2015. Методы управления в Европейском союзе. *Мировая экономика и международные отношения*. №8. С. 49–60.

Кавешников Н. 2020а. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента. *Современная Европа*. №2. С. 163–175. DOI: 10.15211/soveurope22020163175

Кавешников Н. 2020б. Эволюция процедур принятия решений в ЕС как параметр глубины интеграции. *Современная Европа*. №5. С. 77-88. DOI: 10.15211/soveurope520207788

- Камалова Р.У. 2016. Оценка распределения влияния между политическими группами в Европейском парламенте в 1979-2014 гг. *Полис*. №4. С. 147-161
- Клочкова Ю.А. 2006. Некоторые особенности принятия решений в Совете Европейского союза. *Международное публичное и частное право*. №3. С. 9-22.
- Леви Д.А. 2009. *Современное лоббирование в Европейском союзе: в поисках общих ценностей и точек соприкосновения*. Санкт-Петербург: Сезам Принт. 182 с.
- Пименова О.И. 2019. Принцип субсидиарности в Европейском союзе: перипетии практического применения. *Право. Журнал высшей школы экономики*. №4. С. 144-163. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.144.163
- Руденкова Д.Э. 2015. Лоббизм в институтах Европейского союза. *Международные процессы*. 13(1(40)). С. 68-80.
- Стельникова Н.А. 2017. Процедура принятия делегированных актов в Европейском союзе. *Вестник Московского университета*. Серия 11: Право. №4. С. 99-110.
- Стрежнева М.В. 2009. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (многоуровневое управление). *Мировая экономика и международные отношения*. №12. С. 38-49.
- Стрежнева М.В. 2010. Практика наднациональности в Евросоюзе. *Международные процессы*. 3(24). С. 57-69
- Стрежнева М.В. 2015. Роль национальных парламентов в управлении Европейским союзом. *Мировая экономика и международные отношения*. №1. С. 52-62.
- Стрежнева М.В. 2016. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами. *Мировая экономика и международные отношения*. 60(6). С. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14

Глобализация занятости на фоне пандемии COVID-19

А.Б. Гусев, М.А. Юревич

Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского
Финансовый университет при Правительстве РФ

В 2019-2020 гг. мировая экономика пережила период форс-мажорной удалённой занятости, ставшей беспрецедентной по своим масштабам для нового времени. Возможности дистанционной работы, раскрытые новыми информационными технологиями, до недавних пор достаточно осторожно внедрялись даже в передовых технологических компаниях, чья деятельность концентрируется вокруг анализа и обработки данных. Внезапный толчок в развитии удалённого труда обладает значительным реформаторским потенциалом не только для стран, испытавших на себе модель массовой дистанционной занятости, но и формирует новые контуры глобального рынка труда: создаются предпосылки для зарубежного аутсорсинга рабочей силы по широкому кругу профессий. Одновременно с этим новые тренды становятся дополнительными вызовами для нормативно-правового регулирования трудовых отношений на уровне государств и международных организаций (МОТ и ООН).

Исследовательский вопрос заключается в выявлении социально-экономических последствий случившегося всплеска дистанционной занятости в границах государств и на международном уровне.

Методология исследования состоит в проведении межстрановых сопоставлений социального поведения работодателей и работников, а также анализа реагирования международных организаций и государств с точки зрения адаптации нормативно-правового регулирования к изменившимся общественным отношениям. В работе использованы методы нормативно-правового анализа, инструменты статистических и социологических исследований.

По итогам проведённой работы показано, что рывок удалённой занятости не преодолел «точку невозврата» в организации трудовых отношений. Эффект закрепления повышенного масштаба удалённой занятости наблюдается точно только в рамках отдельных и даже весьма крупных компаний. Однако на уровне национальных экономик ситуация с формой занятости возвращается в значительной степени на докризисный уровень, хотя и не полностью. Обоснован тезис о том, что социально комфортная, на первый взгляд, модель удалённой занятости запускает системные риски, которые при дальнейшем её форсировании в полной мере проявятся в обозримом будущем.

Удалённая занятость объективно является одним из инструментов глобализации рынка труда, и толчок в её развитии, вызванный COVID-19, выступил ускорителем для разрастания трансграничной удалённой занятости. В этой связи следует ожи-

УДК: 339.977

Поступила в редакцию: 10.12.2020 г.

Принята к публикации: 02.02.2021 г.

дать активизацию международной дискуссии о необходимости и достаточности национальных законодательных границ, сдерживающих глобализацию рынка труда, нуждающуюся в либерализации удалённой занятости с участием иностранных граждан.

Ключевые слова: удалённая занятость; дистанционная работа; рынок труда; пандемия; коронавирус; COVID-19, глобализация рынка труда

Дистанционная форма занятости является естественным эволюционным процессом развития взаимоотношений работодателей и работников в условиях расширяющихся возможностей информационных технологий и их массовой доступности. Более того, в некоторых сферах удалённая занятость практиковалась задолго до появления интернета. К числу таковых можно отнести, например, часть академической науки, транспортные перевозки, туристический бизнес.

В 2019-2020 гг. эпидемиологическая волна COVID-19 придала серьёзный импульс развитию дистанционных форм работы. Во-первых, она стала катализатором давно назревших изменений и ускорила переход на удалённую трудовую деятельность организаций, которые уже технически и функционально (но, возможно, не ментально!) были готовы к такому сценарию. Во-вторых, имевшее место добровольно-принудительное внедрение дистанционной работы протестировало множество работодателей из самых разных сфер на предмет имплементации и востребованности нового режима занятости и фактически выполнило так называемую разведку боем в интересах масштабирования удалённой занятости.

Относительно продолжительный период сохранения антикризисной дистанционной работы обеспечил эффект привыкания и определённую степень её закрепления в практике работодателей и в жизни самих работников. В целом прирост востребованности дистанционной формы занятости, состоявшийся благодаря COVID-19, и устойчивость этого эффекта ещё предстоит оценить, но, очевидно, что даже полная отмена введённых ограничений уже не вернёт рынок труда в исходное «доковидное» состояние. При этом опыт применения удалённой занятости неизбежно будет учтён в последующих корпоративных и государственных решениях.

Например, компания PricewaterhouseCoopers летом 2020 г. опросила управляющих и сотрудников американских предприятий и получила следующие выводы. Во-первых, 73% руководителей компаний считают успешным вынужденный эксперимент с переводом работников на дистанционный режим. Во-вторых, 55% работодателей планируют оставить на «удалёнке» более половины сотрудников. В-третьих, 83% работников хотели бы работать из дома как

минимум один в день в неделю¹. В Facebook подавляющая часть работников будет находиться на удалённой работе как минимум до середины 2021 г., а к 2030 г. планируется держать на постоянной «удалёнке» половину штата. В Twitter уже принято решение перевести весь персонал на перманентную удалённую работу (за исключением тех сотрудников, которые обязаны присутствовать физически в зданиях компании)².

Исследовательский вопрос данной работы состоит в оценке и прогнозе социально-экономических последствий для отдельных государств и в международном контексте, вызванных внезапным и довольно масштабным переходом к удалённой занятости работников.

Для национальной экономики данный вопрос представляется весьма актуальным, поскольку расширение дистанционной работы означает не только эффективное использование современных технологий, но одновременно открывает тренд на маргинализацию части работников в силу недостаточно высокой их востребованности, второстепенности профессиональных функций, уменьшения социальной нагрузки и ответственности работодателей. В этом контексте удалённую занятость можно рассматривать и как субститут полноценной очной занятости, которая становится эффективна в условиях избытка предложения на рынке труда и полезна для сглаживания потенциально высокой безработицы.

Для глобализированной мировой экономики удалённая занятость, стирающая национальные границы государств, является потенциально востребованным инструментом организации рынка труда. Однако в настоящее время тренд развития удалённой занятости выражается в основном в расширении перечня охваченных стран, а сама «удалёнка» пока остаётся контролируемой в границах национальных государств, за исключением ряда теневых рынков услуг, например, в сфере информационных технологий. Логичным следующим этапом развития дистанционной работы, скорее всего, станут системные попытки либерализовать и легализовать трансграничную удалённую занятость с необходимыми изменениями в государственном регулировании трудовых отношений местных (иностраных) работодателей с иностранными (местными) работниками.

Сегодняшние масштабы трансграничной удалённой занятости трудно поддаются статистическому наблюдению и, скорее всего, являются существенно меньшими по сравнению с внутренними рынками дистанционного труда. Однако потенциал трансграничного распространения удалённой работы становится серьёзным глобальным вызовом и неоднозначным явлением для национальных государств.

¹ When everyone can work from home, what's the office for? PwC's US Remote Work Survey. 2020. June 25. *PricewaterhouseCoopers*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/us/remotework.html> (accessed 25.02.2021).

² Friedman Z. Google Employees Will Work From Home Until Summer 2021. *Forbes*. 2020. July 27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/zackfriedman/2020/07/27/google-amazon-facebook-microsoft-twitter/?sh=34a6f79435c8> (accessed 25.02.2021).

Методологическую базу исследования образует межстрановой анализ реагирования рынков труда и национальных систем государственного управления на внезапно возникшие форс-мажорные обстоятельства, вызванные пандемией COVID-19. Методический аппарат данной работы складывается из методов социологических, статистических исследований, а также прогнозирования развития социальных процессов на макроуровне и международном уровне.

Международный опыт перехода рынка труда в дистанционный режим

Процесс трансформации института удалённого трудоустройства в период пандемии коронавируса попал в фокус исследований по всему миру. С одной стороны, вирус дал толчок массовому переходу на новую модель взаимодействия работника с работодателем (Cohen 2020), а с другой – обнажил массу проблем, свойственных постоянной занятости без очных контактов с трудовым коллективом (Hodder 2020). Краткосрочный эффект от вынужденного перевода на удалённый режим уже проявился в сохранении занятости и смягчении экономического ущерба на уровне отдельных предприятий и стран в целом (Staboulis, Lazaridou 2020; Kashyap, Raghuvanshi 2020; Fadinger, Schymik 2020).

Кроме того, была обнаружена необходимость в гармонизации современных форм трудовых отношений с соответствующим нормативно-правовым регулированием (Paraciani, Rizza 2021). В частности, во многих странах национальное трудовое законодательство по-прежнему не обеспечивает или не обеспечивало до недавних пор должными гарантиями работников, перешедших на удалённую модель работы (Vartolomei 2020; Battista 2020). Ещё больше законодательных лакун возникло при регулировании трансграничной дистанционной занятости (Medeiros et al. 2020).

Особое внимание в зарубежных научных публикациях уделяется состоянию рынка труда после окончания пандемии или отмены мер по её сдерживанию (Schur et al. 2020). Так, исследователи прогнозируют конфликтные ситуации между работником и работодателем, возникающие вследствие несовпадения приоритетной модели занятости для тех или других (Bick 2020; Putri, Amran 2021). Очевидно, что при сочетании снижения производительности наёмного персонала с повышением удовлетворённости рабочим процессом в ходе вынужденно удалённой работы, скорее всего, произойдёт переход к стандартной форме занятости по инициативе работодателя, что едва ли удовлетворит работников (Abdullah et al. 2020).

Реакция международных организаций

Глобальный масштаб распространения пандемии COVID-19 активизировал деятельность международных организаций в области подготовки советов и рекомендаций по снижению риска заражения и уменьшению экономического ущерба. Так, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) начиная

с марта 2020 г. стала активно пропагандировать удалённую работу как один из наиболее важных механизмов минимизации контактов между людьми³. Причём снижение очного общения достигается не только непосредственно на рабочем месте, но и на улице, в общественном транспорте, т.к. дистанционная занятость побуждает работников реже покидать место проживания.

Ключевой реакцией Международной организации труда (МОТ) стала публикация «Дистанционная работа во время и после пандемии COVID-19 – Практическое руководство»⁴. В этом документе расписываются основные направления повышения эффективности удалённых рабочих мест и комфортности рабочего процесса. В частности, внимание уделено планированию рабочего времени, использованию передовых цифровых технологий, организации коммуникации между работниками, охране труда, правовым аспектам трудовой деятельности и др. Кроме того, МОТ призывает национальные правительства оказывать всестороннюю поддержку предприятиям в переводе персонала на дистанционный режим работы. Среди конкретных мер называются выделение субсидий на покупку технических средств для удалённой работы; снижение процентных ставок, отсрочка платежей по кредитам для компаний, внедряющих дистанционную занятость; облегчение бюрократических процедур, связанных с регулированием трудовой деятельности. В целом авторы Руководства считают, что после завершения пандемии глобальный рынок труда вполне может перейти к «новой нормальности», в рамках которой гибкая и дистанционная работа вытеснит традиционные формы «офисного» труда.

Международная организация работодателей также опубликовала Руководство по организации дистанционной занятости в период COVID-19⁵, которое хоть и уступает в подробности описания предлагаемых мер аналогичному документу МОТ, но имеет очень схожую идеологию. Системообразующий посыл этого документа сводится к тому, что эффективная организация процесса дистанционной занятости работников в чрезвычайных ситуациях является залогом поддержания уровня производительности труда предприятия, непрерывности бизнеса и сохранения рабочих мест.

Под эгидой Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) был разработан «План действий из 10 пунктов по укреплению международной торговли и упрощения процедур перевозок во время пандемии»⁶. В одном из этих

³ Getting your workplace ready for COVID-19. 2020. March 19. *World Health Organization*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/advice-for-workplace-clean-19-03-2020.pdf> (accessed 25.02.2021).

⁴ 2020. Дистанционная работа во время и после пандемии COVID-19. Практическое руководство. *Международная организация труда*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_754535.pdf (дата обращения 25.02.2021).

⁵ IOE Guidance on teleworking in the times of Covid-19. 2020. April. *International Organisation of Employers* [Электронный ресурс]. URL: https://www.ioe-emp.org/fileadmin/user_upload/COVID-19/2020.04.03.IOE_Guideline_on_Teleworking_in_the_times_of_COVID-19.FINAL.pdf (accessed 25.02.2021).

⁶ COVID-19: a 10-point action plan to strengthen international trade and transport facilitation in times of pandemic. Policy Brief № 79. 2020. *United Nations Conference on Trade and Development*. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/presspb2020d3_en.pdf (accessed 25.02.2021).

пунктов содержится призыв к национальным государственным органам обеспечить доступность информации для всех участников торговых сделок, а также постоянно обновлять необходимые сведения. Торговые информационные системы должны обеспечивать полноценный удалённый доступ ко всем ресурсам.

Согласно позиции Всемирного экономического форума (ВЭФ), массовый перевод сотрудников компаний на удалённую работу стал очередным этапом трансформации бизнеса и демонстрацией так называемого капитализма заинтересованных сторон (*stakeholder capitalism*) на практике⁷. Успешность внедрения модели удалённой работы, по мнению экспертов ВЭФ, зависит от оперативности проведения организационных преобразований в компании, уровня зрелости цифровой трансформации, внедрения культуры инклюзивности среди работников и установления доверительных отношений на протяжении всей вертикальной структуры предприятия. Кроме того, важнейшее значение имеет юридическое оформление дистанционной работы, чтобы в необходимой степени контролировать и мотивировать работника, с одной стороны, и обеспечить комфортность реализации трудовых функций, с другой⁸.

Реализация трудовых функций в домашних условиях для работников с семьями может быть затруднена сложностью создания рабочей обстановки. Международные организации с гуманитарной ориентацией, стремясь помочь в таких ситуациях, выпускают рекомендации по продуктивному совмещению удалённой работы и семейной жизни. Например, ЮНИСЕФ определил семь важных аспектов совмещения работы на дому с уходом за маленькими детьми⁹. В их число вошли: формирование гибких рабочих планов, разделение домашних обязанностей, организация личного времени и т.д. Кроме того, авторы документа призывают работодателей оказывать содействие семейным работникам путём максимальной либерализации рабочего графика.

Вдобавок к выпускаемым рекомендациям для широкого круга лиц различные международные организации существенно меняют модель занятости собственных служащих. Массовые переводы сотрудников на гибкий или дистанционный режим работы, например, в ЮНЕСКО был сопровождён публикацией руководства по эффективной организации удалённого рабочего места, а также уточнением списка ответственных лиц, принимающих решение о моделях за-

⁷ How to navigate the transition to remote work during the COVID-19 pandemic. 2020. March 19. *World Economic Forum*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/covid-19-transition-to-remote-work/> (accessed 25.02.2021).

⁸ *World Economic Forum*. Workforce Principles for the COVID-19 Pandemic Stakeholder Capitalism in a Time of Crisis. 2020. March [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_NES_COVID_19_Pandemic_Workforce_Principles_2020.pdf (accessed 25.02.2021).

⁹ Recommendations to families on how to combine working from home with caring for young children. 2020. April. *UNICEF*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/lac/media/11251/file/Teleworking-and-caring-for-children.pdf> (accessed 25.02.2021).

нятости¹⁰. Таким образом, международные организации демонстрируют применимость и адекватность режима удалённой работы на собственном примере, что подкрепляет выпускаемые ими руководства дополнительным авторитетом.

Масштаб внедрения удалённой занятости на зарубежных рынках труда

Основная трудность мониторинга масштабов удалённой занятости на глобальном рынке труда заключается в отсутствии единых международных стандартов статистического наблюдения этой категории трудящихся. В МОТ уже осознали эту проблему и в июне 2020 г. выпустили руководство по измерению дистанционной занятости¹¹, в котором, помимо прочего, устранена терминологическая путаница видов внеофисной работы (Matli 2020). Во-первых, были определены категории «удалённая работа» (remote work), «удалённая работа с использованием телекоммуникации» (telework), «работа, привязанная к дому» (work at home) и «работа на дому» (home-based work). В первом случае трудовые функции полностью или частично выполняются на рабочем месте, отличном от места работы по умолчанию. Второй термин от первого отличается обязательным использованием в рабочем процессе личных электронных устройств, таких как компьютер, планшет или телефон. Работой, привязанной к дому, считается работа, которая полностью или частично выполняется по месту жительства работника, т.е. дом является фактическим рабочим местом (например, фермерские хозяйства). Надомные работники – это те, кто обычно выполняет свою работу дома, независимо от того, может ли собственный дом рассматриваться как место работы по умолчанию. Таким образом, надомная работа является подкатегорией в категории работы, привязанной к дому. Во-вторых, МОТ сформулировали перечень вопросов для опроса населения с целью определения численности каждой категории работников с нестандартной занятостью. Есть все основания полагать, что предложенные стандарты сбора статистических данных в ближайшие годы помогут сформировать контуры «новой нормальности» рынка труда.

На данный момент статистические ведомства используют различные подходы к сбору данных о дистанционной занятости. Евростат агрегирует информацию о работниках, которые обычно работают из дома (рис. 1).

¹⁰ Guidelines for telework during the Covid-19 crisis. 2020. March 13. *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ictp.it/media/1858217/guidelines-for-telework.pdf> (accessed 25.02.2021).

¹¹ COVID-19: Guidance for labour statistics data collection. 2020. June 20. *International Labour Organization*. [Электронный ресурс]. URL: https://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/publication/wcms_747075.pdf (accessed 25.02.2021).

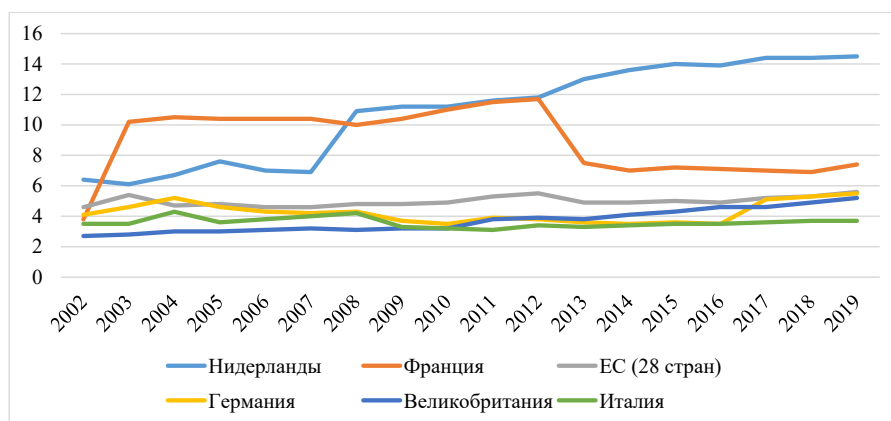

Рис. 1. Динамика доли работников в возрасте 15-64 лет, обычно работающих на дому, в общей численности занятых, %

Fig. 1. Share of employees aged 15-64 years, usually working at home, in the total number of employees, %

Источник: Евростат.

В среднем по ЕС доля удалённых работников в период с 2002 по 2019 гг. выросла всего на 1 п.п. и достигла 5,6%. Однако в ряде стран эта величина оказалась значительно выше: Нидерланды и Финляндия – 14,5% (рост на 8,1 п.п. и 5,9 п.п. соответственно), Австрия – 10,3 % (-0,9 п.п.), Дания – 8,2% (+4,2 п.п.). Для сравнения, ОЭСР на основе данных Евростата подсчитал долю удалённых работников, использующих средства телекоммуникации каждый день или почти каждый день¹². В 2018 г. среднее значение по ЕС составило около 12%, а лидерами стали Норвегия, Финляндия и Греция – примерно по 17% в каждой из стран. В США похожую статистику собирает Бюро статистики труда. В 2006 г. доля работников, выполняющих на дому часть или весь объём трудовых обязанностей по основному месту занятости, составляла 21,1%, в 2012 г. – 23,2%, а в 2019 г. – 24%¹³.

Оценить масштаб воздействия пандемии на рынок труда на основе данных официальной статистики, к сожалению, пока не представляется возможным. Эта проблема полностью нивелируется множеством социологических исследований работников и управляющих по поводу новых моделей занятости, которые уже завершены, проводятся и, видимо, будут запускаться, пока «новая

¹² Measuring the Digital Transformation. A Roadmap for the Future. 2019. Organisation for Economic Co-operation and Development. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/4fc47cd9-en/index.html?itemId=/content/component/4fc47cd9-en> (accessed 25.02.2021).

¹³ 24 percent of employed people did some or all of their work at home in 2015. 2016. July 8. U.S. Bureau of Labor Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bls.gov/opub/ted/2016/24-percent-of-employed-people-did-some-or-all-of-their-work-at-home-in-2015.htm> (accessed 25.02.2021); American Time Use Survey Summary. 2020. June 25. U.S. Bureau of Labor Statistics. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bls.gov/news.release/atus.nr0.htm> (accessed 25.02.2021).

нормальность» рынка труда окончательно не утвердится. Например, опросив 12 000 работников из США, Германии и Индии, крупнейшая консалтинговая корпорация Boston Consulting Group пришла к выводу, что на удалённую работу во время пандемии были переведены 40% трудящихся¹⁴. По данным Deloitte, в Швейцарии во время пика заболеваемости доля удалённых работников выросла двукратно по сравнению с началом 2020 г.¹⁵. Ощутимый рост доли работников, выполняющих свои обязанности в удалённом режиме, был зафиксирован и в Канаде (Gallacher, Hossain 2020). В ЮАР, согласно результатам исследования агентства Michael Page Africa, только 26% респондентов имели свободу работать из дома до кризиса COVID-19, с ростом числа заболевших 79% респондентов работали удалённо¹⁶. Правда, в некоторых странах, которые пандемия не обошла стороной, рост доли дистанционных работников был едва заметен. В частности, японские работодатели в марте 2020 г. держали на «удалёнке» всего 10% сотрудников (в январе было 6%), но в этой стране пик заболеваемости пока зафиксирован в августе¹⁷.

Ещё одним опросом, позволяющим установить деформацию рынка труда во время пандемии, является Real-Time Population Survey. Если в феврале 2020 г. доля американцев, работающих из дома каждый день, составляла 8,2%, то в мае эта величина достигла 35,2%. Максимальные доли были зафиксированы в следующих отраслях: финансы и страхование (в мае – 60,6%, в феврале – 10,9%), профессиональные и деловые услуги (60% и 13,1%), образование (58,9% и 4,6%). Минимальные значения отмечены в области транспорта и складского хранения (8,7% и 6,5%), питания и гостиничного бизнеса (10% и 7,6%), строительства (12% и 4,9%) (Bick et al. 2020).

Европейский фонд по улучшению условий жизни и труда провёл в апреле-мае 2020 г.¹⁸ опрос. До начала пандемии коронавируса в среднем по ЕС ежедневно удалённо работали 9,2% опрошенных, несколько раз в неделю – 6,6%. Более трети всех респондентов ответили, что перешли на дистанционный режим занятости во время обострения эпидемиологической обстановки. В рамках второй волны исследования участники опроса высказали предпочтения относительно режима занятости без учёта ограничений COVID-19. Каждый день работать из дома хотели бы 13,3%, несколько раз в неделю – 31%. Более 50% опрошенных

¹⁴ What 12,000 Employees Have to Say About the Future of Remote Work. 2020. August 11. *Boston Consulting Group*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/valuable-productivity-gains-covid-19> (accessed 25.02.2021).

¹⁵ How Covid-19 contributes to a long-term boost in remote working. 2020. *Deloitte*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ch/en/pages/human-capital/articles/how-covid-19-contributes-to-a-long-term-boost-in-remote-working.html> (accessed 25.02.2021).

¹⁶ Mzekandaba S. Remote working increases workers' productivity, says survey. *Business Continuity Management*. 2020. September 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itweb.co.za/content/KBpdgvpzEdMLEew> (accessed 25.02.2021).

¹⁷ Okubo T. 2020. Spread of COVID-19 and Telework: Evidence from Japan. *Covid Economics*. [Электронный ресурс]. URL: <https://cepr.org/content/covid-economics-vetted-and-real-time-papers-0> (accessed 25.02.2021).

¹⁸ Working during COVID-19. 2020. *Eurofound*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/data/covid-19/working-teleworking> (accessed 25.02.2021).

склонились к ежедневно удалённому или смешанному типу занятости в Испании, Бельгии, Ирландии и Португалии.

Эти и другие результаты показывают, что пандемия демонстрирует большой потенциал и ёмкость рынка труда в плане перевода работников на удалённый тип занятости. Таким образом, COVID-19 можно рассматривать в качестве импульса трансформации и перехода к «новой нормальности» глобальной трудовой деятельности.

Удалённая занятость в России в период COVID-19

В 2013 г. в Трудовой кодекс Российской Федерации была включена глава 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Конечно, удалённая занятость как форма трудовой деятельности стала естественным образом развиваться задолго до внесения изменений в нормативное регулирование. С течением времени накопленная судебная практика по трудовым спорам работников и работодателей при фактически дистанционной форме занятости, в конечном итоге, вылилась в дополнительные нормы права.

В «доковидный» период естественный уровень удалённой занятости в России был крайне низким. Однако в отдельных компаниях удалённая занятость могла лежать в основе бизнес-модели. По данным Росстата, в 2019 г. дистанционной работой было охвачено всего лишь 30 тыс. человек из 67,1 млн занятых¹⁹, что является близким к статистической погрешности. В данном случае под дистанционной работой понималось выполнение работы по трудовому договору на дому с использованием сети Интернет.

В условиях внезапно возросшей важности этого социально-экономического явления источником официальной информации стало федеральное Министерство труда и социальной защиты. Так, по словам главы Минтруда России, по состоянию на май 2020 г. численность дистанционных работников составляла около 5,5 млн человек (11% занятых граждан)²⁰, и по сравнению с уровнем 2019 г. возросла в 180 раз. В октябре 2020 г. значение этого показателя снизилось до 3,7 млн человек, или 7% от общего числа занятых²¹. Допуская верность такой экспертной оценки, можно сделать вывод о том, что по долевого показателю дистанционных работников РФ вполне сопоставима с Францией (рис.1).

Социологические опросы показывают расширенную характеристику удалённой занятости. По данным исследования ВЦИОМ «Цифровая грамотность и удалённая работа в условиях пандемии», в конце апреля 2020 г. удалённой ра-

¹⁹ См. пояснительную записку к законопроекту. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения 25.02.2021).

²⁰ Соловьева О. 2020. Россияне устали от дистанционной занятости. *Независимая газета*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-08-02/4_7925_distance.html (дата обращения 25.02.2021).

²¹ Глава Минтруда назвал количество работающих удалённо россиян. 2020. Октябрь, 21. *Известия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1076590/2020-10-21/glava-mintruda-nazval-kolichestvo-rabotaiushchikh-udalennno-rossiiian/> (дата обращения 25.02.2021).

ботой были заняты 16% граждан, в том числе 9% полностью, а 7% — частично. В Москве и Санкт-Петербурге «дистанционка» охватила 29% занятых, в других городах-миллионниках – 21%, в сельской местности – 10%²².

На федеральном уровне официальная реакция на введение вынужденной удалённой занятости выразилась в двух законодательных инициативах о внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс РФ. Во-первых, с содержательной точки зрения, они были продиктованы отсутствием формальных оснований у работодателей в одностороннем порядке и в авральном режиме переводить работников на удалённый режим и сложностями в официальном разрешении трудовых споров в случае отказа работников от добровольного удалённого режима. Во-вторых, поправки в законодательство уже не успевали отрегулировать текущую ситуацию и были рассчитаны на перспективу с учётом возможного повторения событий.

Хронологически первая попытка совершенствования федерального нормативно-правового регулирования трудовых отношений в кризисный период принадлежала Мосгордуме. Её законопроект, внесённый в Госдуму РФ 2 июня 2020 г., был призван обеспечить закрепление в трудовом договоре дополнительной возможности временно или частично выполнять работником свою работу в дистанционной форме²³. Однако спустя полтора месяца данная инициатива была отозвана её субъектом.

Предложенный Мосгордумой законопроект фактически столкнулся с законопроектотом от 16 июня 2020 г., продвигаемым совместно группой депутатов Госдумы и членов Совета Федерации²⁴. Помимо «классической» дистанционной работы в документе предлагалось рассматривать временную и комбинированную дистанционную работу. В законопроекте нашёл отражение отказ от использования работником квалифицированной электронной цифровой подписи в отношениях с работодателем, а также ряд других предложений (Лютов 2018), проработанных ещё в 2018 г.

Претерпев существенные изменения, законодательная инициатива в конечном итоге воплотилась в федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удалённой) работы и временного перевода работника на дистанционную (удалённую) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях». Принципиальным новшеством стало право работодателя временно перевести работника без его согласия на дистанционную работу, в том числе, если такая команда поступит работодателю от государственных или

²² Цифровая грамотность и удалённая работа в условиях пандемии. 2020. Май, 15. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения 25.02.2021).

²³ Законопроект № 966659-7. 2020. Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/966659-7> (дата обращения 25.02.2021).

²⁴ Законопроект № 973264-7. 2020. Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения 25.02.2021).

муниципальных органов. При этом время нахождения в режиме удалённой работы детерминируется продолжительностью сохранения форс-мажорных обстоятельств либо может вовсе не иметь ограничений.

Преимущества и риски дистанционной работы

Как показывают социологические исследования и полевые эксперименты, режим удалённой занятости имеет свои достоинства и недостатки как для работников, так и для работодателей. Например, в одном из таких экспериментов около 1 000 из порядка 16 000 сотрудников крупнейшей китайской туристической компании девять месяцев проработали в дистанционном режиме (Bloom et al. 2015). По итогам наблюдения был зафиксирован рост продуктивности удалённых работников, который сложился из увеличения полезного рабочего времени из-за меньшего количества перерывов и дней потери трудоспособности по причине болезни, а также большей интенсивности работы – возросло количество звонков на единицу времени. Сами работники сообщили о повышении удовлетворённости рабочим процессом, снижении усталости. Однако у дистанционных работников было зафиксировано снижение темпов продвижения по службе.

Помимо выгод компании, сопряжённых с ростом мотивации и увеличением рабочего времени сотрудников, появляется возможность сэкономить в расходах на аренду и обслуживание помещений, затратах на офисную технику и т.д. Удалённый формат занятости существенно расширяет предложение рабочей силы, позволяя находить персонал с более высокой квалификацией и меньшими требованиями по заработной плате (Clancy 2020). На примере обследования немецких предприятий выяснилось, что дистанционные работники более ответственно относятся к возложенным на них обязанностям и проявляют большую креативность в их решении (Godart et al. 2017).

К самому очевидному достоинству дистанционной работы для сотрудников компаний относится возможность гибкого управления балансом времени, которое расходуется на работу и досуг (Paporović, Paporović 2020). Это в конечном счёте трансформируется в повышение удовлетворённости работой, т.е. укрепляет общее благополучие.

Эмпирически один час времени на дорогу от дома на работу делает соответственно первый час офисного трудового дня фактически потерянным, поскольку он расходуется на восстановление потраченных сил. При этом даже личный автотранспорт, отличающийся повышенной комфортностью по сравнению с общественным, принципиально не сокращает этот реабилитационный период. Отсюда систематическое непроизводительное начало рабочего дня ведёт к его неконтролируемому продлению, переработкам и перегрузкам либо приводит к увеличению срока решения производственных задач. В научной литературе существует ряд исследований о влиянии продолжительности дороги к месту

работы на производительность труда (Wang, Ozbilen 2020; Gimenez-Nadal et al. 2019).

К группе возможных рисков со стороны работодателя следует отнести сложность поддержания корпоративной культуры среди сотрудников, затруднённость влияния на их мотивацию (Pretti et al. 2020) и в случае коллективных задач сложность отслеживания вклада каждого участника (Peters et al. 2016). В ряде исследований было обнаружено, что снижение частоты личных контактов уменьшает плотность коммуникации, препятствует взаимному обучению сотрудников и осложняет передачу «социальных подсказок» (Roghanizad, Bohns 2017).

Недостатки удалённой занятости для работника, как показывают зарубежные исследования, концентрируются преимущественно вокруг опасения социальной изоляции, т.е. возникновения острого дефицита профессионального и бытового общения (Charalampous et al. 2019; Gomez et al. 2020). Недавнее исследование итальянских работников, перешедших на «удалёнку», показало, что затворнический образ жизни, усугублённый опасениями заразиться коронавирусом, погрузил значительную часть опрошенных в стрессовое состояние и свёл на нет все достоинства работы на дому (Toscano, Zappala 2020). Вдобавок уменьшаются возможности повышения квалификации и развития профессиональных навыков (Leslie et al. 2012; Wood et al. 2020). В некоторых исследованиях было обнаружено, что дистанционная работа с высокой степенью автономности нередко приводит к росту нагрузки, которую принимает на себя работник, или возникновения так называемого парадокса автономности (Perez-Zapata et al. 2016). Следствием снижения двигательной активности, мобильности работников является повышенный риск здоровью, что проявляется в возникновении повышенного уровня стресса и тревоги, усталости, эмоционального выгорания, головных болей и напряжения глаз (Voell et al. 2016).

Массовой переход на удалённый режим работы приводит и к масштабным положительным экстремальям, которые повышают качество жизни не только самих работников, но и других граждан. Прежде всего, речь идёт о разгрузке транспортной сети (особенно в мегаполисах), как следствие – улучшении экологической обстановки, а также снижении плотности населения в высоко урбанизированных районах.

По данным социологических опросов, проведённых в РФ, отношение к полученному опыту работников, испытавших весной 2020 г. принудительную дистанционную занятость, является далеко не однозначным. Результаты исследования ВЦИОМ «Цифровая грамотность и удалённая работа в условиях пандемии» (апрель 2020 г.) показали, что 61% опрошенных высказался отрицательно о дистанционной работе. По мнению респондентов, работа из дома не только исключает необходимый прямой контакт с людьми, но и отягощена негативными организационными, техническими, бытовыми и моральными факторами. Сторонники же удалённой занятости (31% участников опроса) довольны

экономией времени на дорогу к месту работы и возможностью организовать своё время. Удобство домашних условий для исполнения трудовых функций отметили меньшинство²⁵. Представленная пропорция сторонников и противников удалённой работы подтверждается также результатами исследования ФОМ «Удалённая работа в цифрах» (май 2020 г.²⁶).

Необходимо отметить, что перечисленные достоинства и недостатки усиливаются и, наоборот, смягчаются в зависимости от отрасли и рода деятельности работника (Adams-Prassl 2020). Очевидно, что в широком круге видов деятельности дистанционные модели работы пока невозможны в принципе. Согласно недавнему глобальному исследованию Всемирного банка, около четверти всех работников могут выполнять свои трудовые функции в дистанционном режиме (Daniel et al. 2020). Так, удалённый труд наиболее распространён в области услуг высококвалифицированных специалистов (например, в секторе ИКТ), и значительно менее в промышленной сфере. Соответственно, высококвалифицированные работники оказываются заметно чаще вовлечёнными в дистанционный труд по сравнению с работниками средней и низкой квалификации, причём последние две группы примерно в равной степени сочетают традиционную занятость с удалённой²⁷. Кроме того, результаты ряда исследований указывают на то, что крайне важным фактором, определяющим баланс выгод и издержек удалённой занятости для самого работника, является самодисциплина (Wang et al. 2020).

В целом масштабирование удалённой занятости несёт в себе ряд латентных, но кардинальных перемен в организации жизни общества.

Прежде всего, дистанционная работа размывает понятие «трудовой коллектив». Данный тренд становится опасным в связи с тем, что после семьи как первичной ячейки общества трудовые коллективы выступают второй опорой социума, обеспечивающей ему дополнительную устойчивость и профессиональную функциональность.

Удалённая занятость автоматически исключает понятие карьеры работника. Корпоративные системы карьерных лифтов и мотивации обесцениваются, трудовая иерархия ослабевает или минимизируется. В результате трудовые отношения, выстраиваемые в дистанционном формате «работодатель – работник», дрейфуют к гражданско-правовым отношениям «заказчик – исполнитель», что неизбежно выльется в понижение социальной защищённости работников и, в конечном счёте, уменьшение социальной нагрузки на работодателей.

²⁵ Цифровая грамотность и удалённая работа в условиях пандемии. 2020. Май, 15. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10280> (дата обращения 25.02.2021).

²⁶ Удалённая работа в цифрах. 2020. Май, 13. ФОМ. [Электронный ресурс]. URL: <https://covid19.fom.ru/post/udalennaya-rabota-v-cifrah> (дата обращения 25.02.2021).

²⁷ Productivity gains from teleworking in the post COVID-19 era: how can public policies make it happen? 2020. Organisation for Economic Co-operation and Development. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/productivity-gains-from-teleworking-in-the-post-covid-19-era-a5d52e99/> (accessed 25.02.2021).

В свою очередь ослабление трудовых коллективов и организация дистанционной работы в домашних условиях неизбежно нанесёт ущерб институту семьи вследствие смешения профессионального и семейного функционала. Данное обстоятельство предъявит весьма высокие требования к личностным качествам людей, одновременно совмещающим эти роли. Скорее всего в долгосрочной перспективе такой смешанный режим жизнедеятельности приведёт к значительным ментальным изменениям.

Важно отметить, что профессионально грамотный сотрудник, работающий в дистанционном режиме, является, как правило, продуктом очной занятости, где он смог накопить достаточный профессиональный капитал, чтобы в дальнейшем успешно применять его независимо от местоположения работодателя. Возможность для нового поколения сотрудников именно в дистанционном режиме наработать «с нуля» компетенции аналогично высокого уровня представляется весьма неочевидной.

Если сравнивать низкоквалифицированный удалённый труд и такой же низкоквалифицированный труд в месте присутствия работодателя, то с социальной точки зрения, более предпочтительным представляется второй вариант по причине меньшего расслоения общества. Потенциальная проблема состоит в том, что открывающаяся возможность низкоквалифицированного удалённого труда создаст новый социальный слой с весьма сложным мировосприятием. При этом ещё один дискуссионный вопрос заключается в том, в какой степени «дистанционные работники» в рамках конкретного государства являются лишними людьми для внутреннего рынка труда.

Будущее удалённого образования и трудоустройства глазами российских экспертов

Следует отметить, что в сфере дополнительного образования, отличающейся повышенной степенью свободы от государственного нормативного регулирования, дистанционный режим обучения прижился достаточно давно и обзавёлся соответствующей инфраструктурой в виде профильных интернет-площадок (Coursera, Stepik и др.). Работающие же по государственным образовательным стандартам вузы и средние школы в части внедрения дистанционных форм обучения придерживались в «доковидный» период, как правило, осторожных консервативных стратегий. Если в средних школах удалённое обучение до недавнего времени было редкостью, то масштаб внедрения «дистанта» в университетах зависел преимущественно от решений их руководителей. COVID-19 привёл к окончательному устранению в государственном секторе образования остававшейся административной предубеждённости к дистанционной форме прохождения обучения и, соответственно, к удалённой работе преподавателей.

В разгар весеннего пика заболеваемости коронавирусом в РФ Финансовый университет провёл экспертный опрос относительно наблюдаемых и ожидае-

мых воздействий пандемии на экономику и общество в нашей стране²⁸. Выборку респондентов составили порядка 500 авторов статей в наиболее престижных отечественных научных журналах по экономике, социологии и политологии. В одном из вопросов участники исследования описали перспективы удалённого образования и дистанционной занятости после нормализации эпидемиологической обстановки (рис. 2).

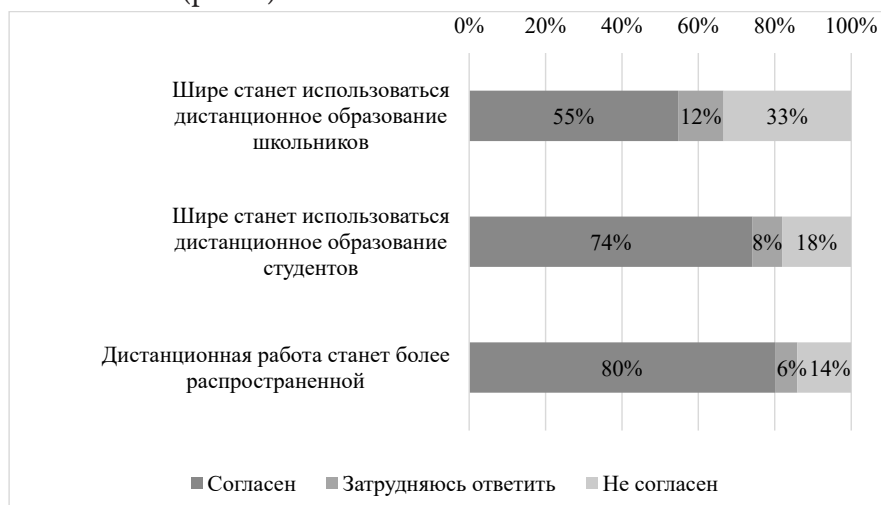

Рис. 2. Эффекты пандемии COVID-19: учёба и работа в удалённом режиме
Fig. 2. Effects of the COVID-19 pandemic: learning and working remotely

Ожидания российских экспертов полностью коррелируют с зарубежными прогнозами. Если в образовательном процессе, особенно на школьном уровне, очное взаимодействие между преподавателем и учащимися всё же очень важно для поддержания мотивации школьников к учёбе, их воспитания, лучшего усвоения материала, то в рабочей сфере личное общение уже не столь критично. Примечательно, что уровень согласия с расширением распространённости удалённой работы почти не зависит от возраста респондентов.

Вместе с тем мнения наиболее молодых и возрастных экспертов разошлись в вопросе, указывает ли перевод работника на «удалёнку» фактически на второстепенность его профессии для организации-работодателя (рис. 3). В возрастных группах до 30 лет и от 31 до 40 лет восприятие режима работы почти не сопряжено с отношением к самому работнику или его специальности. Эксперты более зрелых возрастов такую связь отмечают, но лишь примерно в одном из пяти случаев.

²⁸ Балацкий Е.В., Гусев А.Б., Екимова Н.А., Юревич М.А. 2020. Коронавирус глазами учёных. *Интерфакс*. [Электронный ресурс]. URL: https://academia.interfax.ru/attachment/61/200507.pdf?g_download=1 (дата обращения 25.02.2021).

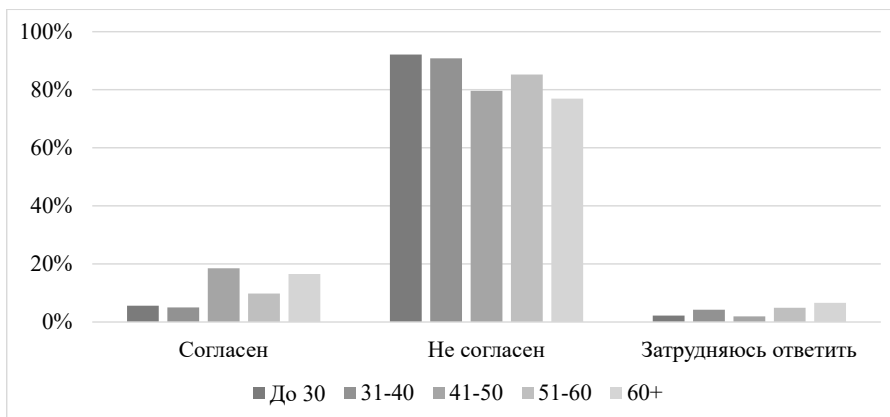

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Указывает ли перевод работника в режим самоизоляции на второстепенность его профессии для организации-работодателя?» в разрезе возрастных групп

Fig. 3. Distribution of answers to the question «Does the transfer of an employee to self-isolation mode indicate that his profession is secondary for the employer organization?» by age group

Для государства апробированный дистанционный режим занятости и связанный с ним удалённый формат оказания государственных услуг потенциально является способом существенного снижения бюджетных расходов на реализацию образовательных программ средней школы, как зоне конституционной ответственности государства. «Дистанционное образование должно стать постоянной частью образовательного процесса в школах» – весьма неоднозначный тезис, который в естественных условиях вряд ли когда-либо был бы официально озвучен. Теперь в новой реальности эта рискованная траектория развития среднего образования стала потенциально возможной²⁹.

Трансграничная удалённая занятость: барьеры и риски их преодоления

При сохранении политического тренда на глобализацию за освоением потенциала удалённой занятости внутри государств следующим этапом может стать дистанционная работа, преодолевающая национальные границы. В пределах глобализованная удалённая занятость должна позволить компании-работодателю заключать трудовой договор на условиях дистанционной работы с гражданином любого государства.

²⁹ Голикова рассказала о будущем дистанционного обучения в школах. 2020. Октябрь, 22. *РИА Новости*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201022/shkola-1580976520.html> (дата обращения 25.02.2021).

Теоретически это возможно и даже в некоторой степени реализуется в сегодняшних условиях. Например, в закрытом режиме национальные разведывательные службы рекрутируют и поддерживают зарубежную агентурную сеть из местного населения. В открытом легальном бизнесе такая схема сопряжена со значительными расходами на представительства центральной компании-работодателя в зарубежных странах и может быть ограничена санкционной политикой в отношениях между государствами. Вместе с тем давно получила распространение практика трансграничного фриланса программистов из развивающихся стран с «серыми» выплатами.

Однако действительный шаг в глобализованной трансграничной удалённой занятости произойдёт, когда обязательная регистрация работодателя в странах, из которых привлекаются «удалённые» работники, упрощается или вовсе исключается, а налоговый учёт «дистанционных» работников в стране организации-работодателя не осуществляется.

Риски такого шага представляются крайне высокими для государств, защищающих национальные интересы. Во-первых, иностранные конкуренты получат упрощённый доступ к наиболее квалифицированным кадрам страны и смогут реализовать в отношении них политику «платы за бездействие». Во-вторых, низкоквалифицированный удалённый труд может быть массово использован из-за рубежа, и государство утратит контроль за соответствующей социальной группой. Таким образом, относительно безопасная трансграничная удалённая занятость может иметь шансы на дополнительное развитие в рамках межгосударственных объединений и предполагает высокий уровень интеграции, совместимости нормативно-правового регулирования.

В настоящее время трансграничная удалённая занятость с сохранением национального законодательства стран в регулировании трудовых отношений уже возникает в рамках межгосударственных политико-экономических объединений. Например, в Европейском союзе, где функционирует общий рынок труда, вопросы нормативного регулирования дистанционной занятости приобрели актуальность именно в трансграничном аспекте. В 2002 г. страны ЕС приняли ряд рамочных документов по вопросам регулирования удалённой работы (Люттов 2018). Следует отметить, что это произошло практически с началом массового внедрения интернет-технологий.

Тем не менее общие правила найма иностранцев остаются неизменными, невзирая на очный либо дистанционный режим трудовой деятельности. То есть либо иностранный гражданин должен официально встать на налоговый учёт в стране пребывания работодателя, имея разрешение на работу, либо работодателю следует официально зарегистрироваться в стране пребывания иностранного работника. В зависимости от выбранного варианта реализуются различные сценарии уплаты подоходного налога и страховых взносов на оплату труда в соответствии с законодательством конкретной страны.

В нормативно-правовом поле Российской Федерации трансграничная удалённая занятость является недоопределённой (Andrianova 2020³⁰), в связи с чем на уровне федеральных органов исполнительной власти возникла заочная дискуссия. Минтруд придерживается позиции о том, что действующее трудовое законодательство РФ разрешает дистанционную работу, когда и работник, и работодатель присутствуют на территории страны. Иначе работодатель не может отвечать за безопасные условия труда работника, находящегося за рубежом. По мнению Минфина, заинтересованного в налоговых поступлениях, дистанционная работа физического лица на территории иностранного государства в интересах российского работодателя допускается. Условие о наличии у физического лица разрешения на работу не отменяется.

Как правило, трансграничная удалённая занятость, организованная национальным работодателем с гражданами, фактически находящимися за рубежом, не вызывает особых вопросов. В «серую» зону скорее попадают трансграничные трудовые отношения национальных работодателей с иностранными гражданами. Они выстраиваются на устных договорённостях, а платежи могут носить теневой характер.

Например, компания выходит на новый рынок в зарубежной стране. Она выбирает тактику не спешить с официальной регистрацией в новой юрисдикции, но заинтересована в найме нескольких торговых представителей из местных специалистов. В такой ситуации официальное оформление трудовых отношений является невозможным, но это никак не мешает компании технически доводить оплату труда до своих дистанционных работников. Например, одним из способов становится предоставление дистанционным работникам доступа к банковским счетам, которые на территории их страны открывают официальные работники компании в статусе физических лиц. Для доступа к банковскому счёту дистанционному работнику выписывается нотариальная доверенность на срок, эквивалентный сроку его фактического найма. Перечисление средств на открытые банковские счёта производит компания в размере заработной платы, оговорённой с дистанционными работниками. Степень рискованности этой модели для конечных получателей вознаграждений зависит от активности налоговых органов и внутренней политики контроля за расходами резидентов.

Национальные системы регулирования налогообложения, трудовых отношений с иностранными гражданами выступают гарантией защиты внутреннего рынка труда и соответственно препятствием для глобализованной трансграничной удалённой занятости. В настройках национальных систем регулирования трудовых отношений ключевыми количественными показателями являются

³⁰ Трудовой договор о дистанционной работе за пределами РФ в 2019 году? 2020. Июль, 17. *Правовест-аудит*. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/trudovoy-dogovor-o-distsionnoy-rabote-za-predelami-rf-v-2019-godu/> (дата обращения 25.02.2021).

ставки подоходного налога и размер страховых взносов на оплату труда, от которых зависит пенсионное, медицинское и социальное обеспечение, а также уровень доходного неравенства граждан в конкретной стране.

Развивая трансграничную удалённую занятость среди государств – стратегических союзников, в целях соблюдения национальных интересов можно договориться об уплате подоходного налога в бюджеты государств, гражданство которых имеет «дистанционный» работник.

Перечисление страховых взносов на оплату труда может следовать путём подоходного налога. Другой вариант состоит в разделении уплачиваемых работодателем страховых взносов на оплату труда между его юрисдикцией и юрисдикцией работника. В этом случае финансовое взаимодействие переходит на уровень национальных фондов, аккумулирующих соответствующие платежи и производящие взаимные расчёты по факту обращения соответствующего лица за государственными услугами в той или иной стране. Предметом таких отношений могут стать пенсионные вопросы, оплата медицинских услуг для работника, участие работника в социальных программах. Альтернативой традиционным взносам на оплату труда работника может стать комплексная страховка, предоставляемая работодателем и действующая в стране проживания работника.

Использование сторонами трудового договора специальных криптовалют открывает новые возможности развития трансграничной удалённой занятости. Наряду с национальными валютами специальные криптовалюты могут приниматься сформированной сетью медицинских, образовательных и иных учреждений в договаривающихся странах. В данном случае национальная или интернациональная криптовалюта, персонифицированная по отношению к работнику, по своим свойствам становится заменой страховым взносам работодателя на оплату труда, произведённым традиционными платёжными средствами.

Разница в подоходном налоге и размере страховых взносов на оплату труда между государствами, договаривающимися о трансграничной дистанционной занятости, в сегменте высококвалифицированных работников приведёт к конкуренции за более дешёвый труд в краткосрочной и среднесрочной перспективе до момента выравнивания финансовых условий занятости: «оплата труда – подоходный налог – страховые взносы на оплату труда». Детали прогноза развития трансграничной дистанционной занятости, положительные и отрицательные эффекты будут определяться социально-экономическими показателями договаривающихся государств.

Безусловно, в трансграничной удалённой занятости привычное позиционирование работника как физического лица становится далеко не оптимальным решением. Не исключено, что для таких «дистанционных» занятых международными договорами может быть предусмотрен особый правовой статус. Более того, в международных отношениях накоплена значительная практика работы

со спецсубъектами, к числу которых, например, можно отнести моряков, реализующих особую модель «подвижной» трансграничной удалённой занятости³¹.

* * *

Эволюционное развитие удалённой занятости было прервано этапом ускоренного внедрения дистанционного труда под давлением ограничительных «антиковидных» мер. Перманентная угроза COVID или других инфекций в перспективе будет способствовать новым виткам и формам экспансии «заочной» трудовой деятельности.

Социологические опросы показывают, что дистанционная занятость как вынужденно-принудительный вариант трансформации современного рынка труда имеет неоднозначное восприятие со стороны участников трудовых отношений в РФ и за рубежом. По данным опросов в РФ, сторонниками удалённой занятости выступило не более одной трети респондентов.

В 2020 г. в Российской Федерации произошла достаточно быстрая доработка системы регулирования трудовых отношений, легализующая введение удалённой занятости по инициативе работодателя, в том числе в связи с принятыми государственными решениями. Таким образом, нормативно-правовое поле подготовлено к возможному повторению масштабного перехода к дистанционной работе. По данным проведённых наблюдений, в 2020 г. введение в городах-миллионниках РФ принудительной удалённой занятости оставило дома от 20 до 30% от общего числа занятых, что подчёркивает существенный потенциал нового инструмента регулирования общественной жизни.

Практика показала, что экстренный и масштабный ввод удалённой занятости привёл к заметным экономическим потерям, в том числе в доходах семей, а также сопровождался относительным снижением качества социальных услуг, оказываемых в дистанционном и полудистанционном режиме. Ярким примером тому служит дистанционное образование школьников и студентов. Данные обстоятельства указывают на неготовность общественных систем к форсированному освоению удалённой занятости.

Реальная жизнь также подтвердила, что часть экономических и социальных рисков вынужденной удалённой занятости государство взяло на себя, расходуя общественные ресурсы, накопленные в прежние периоды. Вместе с тем ключевая задача государственного управления состоит в недопущении или минимизации экономического ущерба при повторении масштабной дистанционной занятости. Очевидных социально-экономических трансформаций, повышающих одновременно гибкость и прочность всей системы, не наблюдается. Наиболее простым решением, снижающим экономический ущерб, пока остаётся страте-

³¹ Конвенция, пересматривающая Конвенцию 1958 г. об удостоверениях личности моряков (2003 год). [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902244282> (дата обращения 25.02.2021).

гия уклонения от навязывания экономике удалённого труда даже под влиянием форс-мажорных обстоятельств.

В целом ответ на поставленный исследовательский вопрос о последствиях ускоренного внедрения удалённой занятости под влиянием COVID-19 состоит из двух частей.

Во-первых, комфортная, на первый взгляд, модель дистанционной работы запускает крупные социальные риски, которые при дальнейшем её форсировании в полной мере проявятся в обозримом будущем. В частности, к таковым угрозам можно отнести размывание трудовых коллективов, корпоративной культуры и социальной ответственности работодателей, проблему воспроизводства профессионального потенциала в режимах удалённой занятости, негативные последствия разрастания низкоквалифицированного удалённого труда; снижение качества социальных услуг дистанционного характера. Повышенная вероятность реализации указанных рисков обусловлена избытком предложения на национальных рынках труда, а в ряде стран – ещё и продолжающимся ростом численности населения. В таких условиях востребованность дистанционного труда как формы маргинальной занятости населения становится весьма рабочим вариантом для внутренней государственной политики.

Во-вторых, форсируемая удалённая занятость превращается в один из инструментов продвижения идеи о повышении уровня глобализации рынка труда. Развитие международных платёжных систем и распространение цифровых валют позволяют конструировать нетривиальные, но прозрачные и легальные модели финансовых транзакций для трансграничной удалённой занятости при любых комбинациях национальной принадлежности участников трудовых отношений в треугольнике «работник – работодатель – государство». До настоящего времени национальные границы трудового, налогового законодательства, нормативно-правовой базы об иностранных гражданах успешно сдерживают эти процессы, влекущие не только серьёзные социально-экономические последствия, но и имеющие высокое значение для национальной безопасности вовлечённых государств. В лучшем случае первые шаги к глобализации рынка труда с применением удалённой занятости наиболее вероятны в рамках устойчивых межгосударственных политико-экономических союзов с большим горизонтом планирования.

Об авторах:

Александр Борисович Гусев – кандидат экономических наук, начальник отдела аналитического и организационного сопровождения, Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского, 140180 Московская обл., Жуковский, ул. Жуковского, 1. E-mail: a_goose@mail.ru

Максим Андреевич Юревич – научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49. E-mail: mayurevich@fa.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект No 18-78-10123. Авторы выражают глубокую признательность Балацкому Евгению Всеволодовичу за комментарии и замечания к статье.

Received: December 10, 2020

Accepted: February 02, 2021

Globalization of Employment Amid COVID-19 Pandemic

A.B. Gousev, M.A. Yurevich

[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-148-173](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-148-173)

Central Aerohydrodynamic Institute

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: In 2019-2020 the global economy faced an unprecedented transition to remote employment. New information technologies have made this transition possible, but prior to the pandemic it was implemented with great hesitation even in technologically advanced companies, whose activities are focused on data analysis. The sudden push toward remote work has formed a new reality of the global labor market – mass foreign outsourcing of labor in a wide range of professions. New trends are adding additional challenges for the legal regulation of labor relations at the level of states and international organizations (ILO and UN).

The article asks what the socio-economic consequences of the surge in remote employment on a state and international level will be.

The methodology of the study consists in conducting cross-country comparisons of the social behavior of employers and employees, as well as analyzing the response of international organizations and states in terms of adapting the regulatory framework to the changed social relations.

The results show that the "point of no return" in the organization of labor relations has not been reached yet. The effects of the increased scale of remote employment is observed only in individual and usually very large companies. However, at the national level the situation with remote employment returns to a large extent to the pre-crisis level, although not completely. At first glance socially comfortable model of remote employment triggers systemic risks, which, if further accelerated, will fully manifest themselves in the foreseeable future.

Remote employment is one of the means of labor market globalization, the pandemic of COVID-19 has acted as an accelerator for the growth of cross-border remote employment. In this regard, we should expect an intensification of the international discussion on the need and sufficiency of national legislative borders that restrain the globalization of the labor market, which needs to liberalize remote employment with the participation of foreign citizens.

Keywords: remote employment, home-based work, telework, labor market, pandemic, COVID-19, globalization of the labor market

About the authors:

Alexandr B. Gousev – Candidate of Economics, Head of analytical and organizational support Department, Central Aerohydrodynamic Institute, 1, Zhukovsky Street, Zhukovsky, Moscow Region, Russia, 140180. E-mail: a_goose@mail.ru

Maxim A. Yurevich – research fellow, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993. E-mail: mayurevich@fa.ru.

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 18-78-10123. The authors extend their deepest thanks to Evgeny Balatsky for his comments on the article.

References:

- Abdullah N. et al. 2020. Coping with Post COVID-19: Can Work from Home be a New Norm? *European Journal of Social Sciences Studies*. 5(6). P. 61-81. DOI: 10.46827/ejsss.v5i6.933
- Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Rauh C. 2020. Work That Can be Done from Home: Evidence on Variation within and across Occupations and Industries. *IZA Discussion Papers*. №13374.
- Andrianova M.A. 2020. Legal Regulation of Remote Work in Russia. *International Scientific and Practical Conference*. DOI: 10.1007/978-3-030-53277-2_81
- Battista L. 2020. COVID-19 and Labour Law: Republic of San Marino. *Italian Labour Law e-Journal*. 13(18). DOI: 10.6092/issn.1561-8048/10835
- Bick A., Blandin A., Merten, K. 2020. Work from Home after the COVID-19 Outbreak. *Working Paper 2017*. DOI: 10.24149/wp2017
- Bloom N., Liang J., Roberts J., Ying Z.J. 2015. Does Working from Home Work? Evidence from a Chinese experiment. *The Quarterly Journal of Economics*. 130(1). P. 165-218. DOI: 10.1093/qje/qju032
- Boell S.K., Cecez Kecmanovic D., Campbell J. 2016. Telework Paradoxes and Practices: the Importance of the Nature of Work. *New Technology, Work and Employment*. 31(2). P. 114-131. DOI: 10.1111/ntwe.12063
- Charalampous M., Grant C.A., Tramontano C., Michailidis E. 2019. Systematically Reviewing Remote E-Workers' Well-Being at work: a Multidimensional Approach. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 28(1). P. 51-73. DOI: 10.1080/1359432X.2018.1541886
- Clancy M. 2020. The Case for Remote Work. *Economics Working Papers*. №20007.
- Cohen G.D. 2020. Measuring Employment during COVID-19: Challenges and Opportunities. *Business Economics*. 55(4). P. 229-239. DOI: 10.1057/s11369-020-00190-4
- Daniel D., Nicolas N., Ozden C., Rijkers B., Viollaz M., Winkler H. 2020. Who on Earth Can Work from Home? *Policy Research Working Papers*. №9347.
- Fadinger H., Schymik J. 2020. The Effects of Working from Home on COVID-19 Infections and Production a Macroeconomic Analysis for Germany. *Covid Economics*. 9(24). P. 107-139.

Gallacher G., Hossain I. 2020. Remote Work and Employment Dynamics under COVID-19: Evidence from Canada. *Canadian Public Policy*. 46(1). P. 44-54. DOI: 10.3138/CPP.2020-026

Giménez-Nadal J.I., Molina J.A., Velilla J. 2019. Work Time and Well-Being for Workers at Home: Evidence from the American Time Use Survey. *International Journal of Manpower*. 41(2). P. 184-206. DOI: 10.1108/IJM-04-2018-0134

Godart O.N., Görg H., Hanley A. 2017. Trust-Based Work Time and Innovation: Evidence from Firm-Level Data. *ILR Review*. 70(4). P. 894-918. DOI: 10.1177/0019793916676259

Hodder A. 2020. New Technology, Work and Employment in the Era of COVID-19: Reflecting on Legacies of Research. *New Technology, Work and Employment*. 35(3). P. 262-275. DOI: 10.1111/ntwe.12173

Judene P.T., Etmanski B., Durston A. 2020. Remote Work-Integrated Learning Experiences: Student Perceptions. *International Journal of Work-Integrated Learning*. 21(4). P. 401-414.

Kashyap A., Raghuvanshi J. 2020. A Preliminary Study on Exploring the Critical Success Factors for Developing COVID-19 Preventive Strategy with an Economy Centric Approach. *Management Research: Journal of the Iberoamerican Academy of Management*. 18(4). P. 357-377. DOI: 10.1108/MRJIAM-06-2020-1046

Leslie L.M., Manchester C.F., Park T.Y., Mehng S.A. 2012. Flexible Work Practices: A Source of Career Premiums or Penalties? *Academy of Management Journal*. 55(6). P. 1407-1428. DOI: 10.5465/amj.2010.0651

Madero Gómez S., Ortiz Mendoza O. E., Ramírez J., Olivas-Luján M.R. 2020. Stress and Myths Related to the COVID-19 Pandemic's Effects on Remote Work. *Management Research*. 18(4). P. 401-420. DOI: 10.1108/MRJIAM-06-2020-1065

Matli W. 2020. The Changing Work Landscape as a Result of the COVID-19 Pandemic: Insights from Remote Workers' Life Situations in South Africa. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 40(9-10). P. 1237-1256. DOI: 10.1108/IJSSP-08-2020-0386

Medeiros E., Guillermo Ramírez M., Ocskay G., Peyrony J. 2020. Covidfencing Effects on Cross-Border Deterritorialism: the Case of Europe. *European Planning Studies*. P. 1-21. DOI: 10.1080/09654313.2020.1818185

Paraciani R., Rizza R. 2021. When the Workplace is the Home: Labour Inspectors' Discretionary Power in the Field of Domestic Work – an Institutional Analysis. *Journal of Public Policy*. 41(1). P. 1-16. DOI: 10.1017/S0143814X19000254

Pérez-Zapata O., Pascual A.S., Álvarez-Hernández G., Collado C.C. 2016. Knowledge Work Intensification and Self-Management: the Autonomy Paradox. *Work Organisation, Labour and Globalisation*. 10(2). P. 27-49. DOI: 10.13169/workorgalaboglob.10.2.0027

Peters P., Ligthart P.E., Bardoel A., Poutsma E. 2016. 'Fit' for Telework? Cross-Cultural Variance and Task-Control Explanations in Organizations' Formal Telework Practices. *The International Journal of Human Resource Management*. 27(21). P. 2582-2603. DOI: 10.1080/09585192.2016.1232294

Popovici V., Popovici A.L. 2020. Remote Work Revolution: Current Opportunities and Challenges for Organizations. *Ovidius University Annals, Economic Sciences Series*. 20(1). P. 468-472.

Putri A., Amran A. 2021. Employees' Work-Life Balance Reviewed from Work from Home Aspect During COVID-19 Pandemic. *International Journal of Management Science and Information Technology*. 1(1). P. 30-34. DOI: 10.35870/ijmsit.v1i1.231

Roghanizad M.M., Bohns V.K. 2017. Ask in Person: You're less Persuasive than you Think over Email. *Journal of Experimental Social Psychology*. №69. P. 223-226. DOI: 10.1016/j.jesp.2016.10.002

Staboulis M., Lazaridou I. 2020. The Impact of COVID-19 on Economy, Employment and New Skills. *Journal of European Economy*. 19(3). P. 409-422.

Schur L.A., Ameri M., Kruse D. 2020. Telework after COVID: A “Silver Lining” for Workers with Disabilities? *Journal of occupational rehabilitation*. 30(4). P. 521-536. DOI: 10.1007/s10926-020-09936-5

Toscano F., Zappalà S. 2020. Social Isolation and Stress as Predictors of Productivity Perception and Remote Work Satisfaction during the COVID-19 Pandemic: the Role of Concern about the Virus in a Moderated Double Mediation. *Sustainability (Switzerland)*. 12(23). P. 1-14. DOI: 10.3390/su12239804

Vartolomei B. 2020. Considerations Regarding Work from Home and Telework. *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. 14(1). P. 1217-1221. DOI: 10.2478/picbe-2020-0115

Wang B., Liu Y., Qian J., Parker S.K. 2020. Achieving Effective Remote Working during the COVID-19 Pandemic: a Work Design Perspective. *Applied Psychology*. DOI: 10.1111/apps.12290

Wang K., Ozbilen B. 2020. Synergistic and Threshold Effects of Telework and Residential Location Choice on Travel Time Allocation. *Sustainable Cities and Society*, №63. DOI: 10.1016/j.scs.2020.102468

Wood Y.I., Zegwaard K.E., Fox-Turnbull W. 2020. Conventional, Remote, Virtual and Simulated Work-Integrated Learning: a Meta-Analysis of Existing Practice. *International Journal of Work-Integrated Learning*. 21(4). P. 331-354.

Ljutov N.L. 2018. Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России [Remote Work: Experience of the European Union and Problems of Legal Regulation in Russia]. *Lex russica*. 10(143). P. 30-36. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.030-039 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Лютов Н.Л. 2018. Дистанционный труд: опыт Европейского союза и проблемы правового регулирования в России. *Lex russica*. 10(143). С. 30-36. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.143.10.030-039

Роль зарубежных малых и средних предприятий Китая в модернизации национальной экономики

Д.Б. Калашников

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Исследование успешного перехода Китая на инновационный путь развития обнаруживает, что стратегия модернизации китайской экономики включает стимулирование ускоренной транснационализации местного бизнеса. При этом основной формой её реализации становится создание многочисленных зарубежных малых и средних предприятий (ЗМСП). В научной литературе освещены задачи модернизации национальной экономики в условиях глобализации, а также преимущества ТНК и участия в глобальных цепочках стоимости (ГЦС). Однако вопрос о связи догоняющего развития и транснационализации местного бизнеса, особенно малого и среднего, малоисследован. Гипотеза исследования предполагает, что в условиях глобализации модернизация требует активных действий субъектов национальной экономики за рубежом, и именно ЗМСП способны трансформировать отраслевую структуру экономики КНР и принимающих стран, обеспечить спрос на национальные инновации и высококвалифицированный труд. Методология исследования опирается на междисциплинарный, многоуровневый и системный подход. Новизну составляет анализ структурных сдвигов зарубежной деятельности китайских ТНК в контексте масштаба бизнеса их филиалов, анализ проблем участия китайских ТНК в западных ГЦС. Выявлено, что создание ЗМСП является ответом на вызовы глобализации, тормозящие модернизацию экономики Китая. Мощная государственная поддержка ЗМСП одновременно ставит их в зависимость и направляет даже частные предприятия на решение национальных задач развития. Основу деятельности китайских ЗМСП представляет сбыт про-изведённой в КНР продукции в США и странах Европы, что способствует развитию национальной инновационной системы, перераспределяет добавленную стоимость в пользу национальных производителей, стимулирует развитие высокотехнологичных отраслей КНР. В развивающихся странах в рамках Инициативы «Один пояс, один путь» преобладают торговые и производственные ЗМСП Китая, они приходят в виде «второй волны», кластерами, в координации с национальным крупным бизнесом, создают китайские ГЦС. Роль ЗМСП в модернизации экономики КНР заключается в обеспечении национальных экономических интересов, включающих промышленный суверенитет и рост благосостояния граждан как основу инновационного спроса. В современном международном разделении труда это достигается сдвигом к операциям с высокой добавленной стоимостью, сопровождающимся борьбой за рынки развитых стран и за площадки для низших звеньев китайских ГЦС в развивающихся странах.

УДК: 339.9

Поступила в редакцию: 05.02.2020 г.

Принята к публикации: 08.04.2020 г.

Ключевые слова: Китай, «Один пояс, один путь», ТНК, малый и средний бизнес, модернизация экономики, ГЦС, национальные экономические интересы, глобализация

Теоретические подходы к исследованию взаимосвязи модернизации экономики и транснационализации местного бизнеса

Удельный вес Китая в мировых показателях деятельности ТНК всё ещё ниже его доли в мировом ВВП, однако, по темпам прироста основных показателей транснационализации бизнеса Китай со значительным отрывом опережает как развитые, так и развивающиеся страны. Так, индекс роста накопленных прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) Китая в период 2005–2019 гг. составил 3670%, в то время как среднемировое значение – 290%¹. Объём накопленных ПЗИ китайских ТНК увеличился с 57 до 2100 млрд долл., или с 0,5 до 6,1% от мировых накопленных ПЗИ за указанный период. Также увеличилось количество и объём сделок китайских компаний как на мировом рынке слияний и поглощений уже существующего бизнеса, так и новых проектов².

На первый взгляд, в этих цифрах нет ничего удивительного: стали известными во всём мире десятки китайских торговых марок, в деловой прессе регулярно встречаются сообщения о крупнейших в мире приобретениях китайскими ТНК. Кроме того, с 2005 по 2018 гг. корпорации материковой КНР (без Тайваня и Гонконга) заняли более 20% мест в рейтингах крупнейших компаний мира *Forbes 2000*³ и *Fortune Global 500*⁴, и это с учётом двукратного увеличения пороговых значений показателей рейтингов.

Но *Forbes 2000* и *Fortune Global 500* никак не оценивают наличие зарубежной деятельности вошедших в них компаний. Показатели транснационализации являются основой специализированных рейтингов ТНК, составляемых ЮНКТАД. В Китае по такой же методике *China Enterprise Confederation – China Enterprise Directors Association* составляет рейтинги ста нефинансовых ТНК, где основой ранжирования выступают зарубежные активы⁵. И 56 из ста крупнейших ТНК Китая не присутствуют среди 104 крупнейших корпораций Китая из *Fortune Global 500*. Это свидетельствует о том, что не все крупнейшие компании КНР развивают зарубежную деятельность, и наоборот, лидеры транснационализации не обязательно являются «национальными чемпионами». Этим объясняется и малое количество ТНК Китая в рейтингах ста крупнейших ТНК мира

¹ Рассчитано по: World Investment Report 2020.

² World Investment Report. 2020. Annex Tables. UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/World_Investment_Report.aspx (accessed 16.02.2021).

³ *Forbes*. URL: <http://www.forbes.com/global2000> (accessed 16.02.2021).

⁴ *Fortune* (China). URL: http://www.fortunechina.com/fortune500/node_65.htm (accessed 16.02.2021).

⁵ Чжунго куаго гунсы 100 да цзи куаго чжишу (100 крупнейших ТНК Китая и индекс транснационализации). 2011–2018 гг. URL: <http://www.cec-ceda.org.cn/> (accessed 16.02.2021).

по версии ЮНКТАД: шесть и девять в 2018 и 2019 гг. соответственно, и две–три в 2010–2017 гг.

Примерно 70% китайских ТНК обладают только единственным зарубежным филиалом с активами от 7 до 20 млн долл. В Евросоюзе максимальные значения величины активов для отнесения к малому и среднему бизнесу составляют 10 и 43 млн евро, в США – 38,5 и 1000 млн долл. Следовательно, по западным стандартам, большая часть филиалов китайских ТНК являются малыми и средними предприятиями. При этом по темпам роста доходов зарубежные малые и средние предприятия (ЗМСП) в 2010–2018 гг. в два раза опережали крупные филиалы⁶. Таким образом, увеличение агрегированных макроэкономических показателей зарубежной деятельности компаний Китая обеспечено, в основном, ростом многочисленных ЗМСП.

Транснационализация бизнеса в Китае осуществляется планомерно в рамках национального проекта, известного как стратегия «выхода вовне», озвученного в докладе будущего председателя КНР Цзян Цзэминя в 1992 г., где модернизация экономики была увязана с вывозом капитала⁷. В 2001 г. эта стратегия транснационализации стала частью комплексного Плана развития экономики и общества Китая (наряду с тремя другими национальными проектами – развитие городов, освоение запада Китая, развитие талантов)⁸.

Однако в официальных текстах нет объяснения взаимосвязей между конкретными задачами экономической модернизации и «выходом вовне» китайских компаний, особенно путём создания ЗМСП, у которых не может быть существенной доли рынка, а в то время не могло быть ни прорывных продуктов, ни способности воспринимать технологии. Таким образом, цель исследования – раскрыть роль ЗМСП Китая в модернизации национальной экономики.

Гипотеза исследования предполагает, что в условиях глобализации процесс модернизации экономики КНР сталкивается с проблемой обеспечения национальных экономических интересов (НЭИ), для решения которой уже недостаточно, или даже невозможно без потери статуса рыночной экономики, «держат оборону» национальных рынков. Для этого стимулируется создание ЗМСП, которые своими активными действиями за рубежом оказывают воздействие на отраслевую структуру экономики КНР и принимающих стран, а также обеспечивают занятость высококвалифицированных трудовых ресурсов в националь-

⁶ Рассчитано по: Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао (Отчёт о развитии ПЗИ и зарубежного сотрудничества КНР). 2010–2018 гг. *Министерство коммерции КНР*. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (accessed 16.02.2021).

⁷ Цзян Цзэминь. Цзякуай гайгэ кайфан хэ сяньдайхуа цзяньшэ буфа доцюй ю чжунго тэсэ шэхуэйчжуй дэ гэн да шэнли (Ускорить темпы реформ открытости и модернизации, одержать великую победу социализма с китайской спецификой): доклад на 14-м Национальном конгрессе КПК 12.10.1992 г. *Жэньминь жибао*. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64567/65446/4526308.html> (accessed 16.02.2021).

⁸ Чжунгун чжунъян гуаньюй чжидин гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань ди шигэ унянь цихуа дэ цзяньи (Рекомендации ЦК КПК по составлению 10-го пятилетнего плана развития национальной экономики и общества). *Госсовет КНР*. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60538.htm (accessed 16.02.2021).

ной экономике. Важным условием является подчинение деятельности ЗМСП, независимо от форм собственности бизнеса, стратегическим целям развития КНР.

Долгое время в теории преобладали имитационные модели догоняющего развития, основанные на допущении о том, что развивающиеся страны экономят усилия и время, заимствуя наиболее совершенные технологии. Делался вывод о преимуществах использования зарубежных ноу-хау, «открытые инновации» противопоставлялись модели замкнутого развития на основе использования внутренних ресурсов (Chesbrough 2003). Однако, гарвардский профессор М. Портер убедительно показал, что конкурентоспособные фирмы являются лидерами благодаря наличию передового оборудования и технологий и чаще всего отказываются их продавать покупателям из других стран (Porter 1990). Академик В. Ивантер проводит аналогию между мировым рынком инновационной продукции и закрытым клубом, доказывает, что мало желания и наличия финансов, приобретение иностранных инноваций возможно лишь теми странами, которые обладают собственными сопоставимыми технологиями (Ивантер 2015).

Таким образом, модернизация экономики не должна сводиться только к созданию современных производств в стране. Два сборочных завода, производящих одинаковую высокотехнологичную продукцию в двух разных странах, не являются доказательством одинакового уровня их технологического развития. Более важным является ответ на вопрос, какая часть производимой национальными предприятиями продукции обеспечена собственными технологиями и комплектующими. Как следствие, имитационное догоняющее развитие показало свою нежизнеспособность, особенно на этапе перехода к постиндустриальному обществу, показало неспособность создать инновационные отрасли национальной промышленности. Так появились модели инновационного догоняющего развития, в основе которых находится национальная инновационная система (НИС).

Датский экономист Бенгт-Аке Лундвалл показал, что при всей важности участия в глобализационных процессах и в технологическом обмене с иностранными ТНК, успешное инновационное развитие и технологическая конкурентоспособность компаний страны, прежде всего, тесно связана с национальными институтами и их качеством (Lundvall 2016). Сторонники теории институционализма обосновывают, что развития образования, науки и технологий недостаточно для модернизации экономики, более важным является правильно организованное взаимодействие общественных институтов с элементами НИС (Smith 2007).

Однако эти теории не смогли объяснить, почему не все страны, развивающие НИС и институты, добиваются успехов в модернизации экономики. Значит, существуют другие факторы, препятствующие развитию и приближению к клубу развитых стран. Учёные обратили внимание на тот факт, что за-

траты развивающихся государств на развитие человеческого капитала часто оказываются бесполезными, приводят к созданию прослойки специалистов избыточного уровня квалификации, которые не востребованы сложившейся структурой экономики (Douglass 2010). Другие исследования доказали, что вложения в развитие человеческого капитала и повышение квалификации сотрудников, занятых в старых отраслях, представляют напрасную трату ресурсов, и способны увеличить инновационную активность и прибыльность только в высокотехнологичном секторе (Zhang et al. 2018).

Таким образом, было найдено недостающее звено – бедность населения, тормозящая восприимчивость общества к инновациям. Так, стимулы бизнеса для совершенствования продукции и технологического перевооружения ограничиваются 1) спросом населения на самую дешёвую продукцию и 2) относительно дешёвой, по сравнению с развитыми странами, стоимостью рабочей силы (Клинов 2011). Как следствие, возникают «ловушки развития» и «замкнутые круги»: потребители не могут позволить себе приобретение высокотехнологичной продукции, бизнес не нуждается в квалифицированных кадрах, и образованные специалисты либо заняты неквалифицированным трудом, либо уезжают за границу (Галищева 2014).

По этой же причине нельзя заимствовать самые совершенные технологии, а также опыт работы передовых институтов. Несмотря на описанные в литературе достоинства использования иностранных разработок, общество не готово к их внедрению и использованию, подавляющее большинство стран с этой задачей не справляются (Полтерович 2009). Затраченные на развитие образования, науки и техники ресурсы не дают результатов, либо в отдельных случаях пользователями достижений НИС становятся ТНК развитых стран (Мельянцев 2016).

Неолиберальные теории пытаются доказать, что участие в глобализации равно выгодно всем странам. Китайские учёные указывают на многочисленные несбыточные допущения, лежащие в основе этих теорий, а также на статистические данные, которые свидетельствуют об увеличении разрыва между странами по уровню доходов и производительности с ходом процесса глобализации⁹. Таким образом, найдено второе недостающее звено успешной модернизации – участие в глобализации и координация хода процесса модернизации национальной экономики с изменением места страны в международном разделении труда (МРТ).

Автор мирсистемной теории Фернан Бродель обосновал, что лидерство стран в мировом хозяйстве обеспечивается таким участием в МРТ, которое позволяет освободить их экономики от использования национальных ресурсов в отраслях, производящих дешёвую продукцию. И наоборот, закрепить за

⁹ China Modernization Report 2005: Economic Modernization. *Research Group for China Modernization Strategies*. Beijing: Peking University Press. 118 p.

отсталыми странами специализацию на самых невыгодных сферах хозяйства. Именно специализация в МРТ позволяет развитым странам использовать высвободившиеся ресурсы на развитие новейших отраслей и технологий, что, в свою очередь, ведёт к росту доходов населения (Бродель 1993).

В основе современного МРТ находятся Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦС), основоположником теоретического исследования которых является американский профессор Гарри Джереффи (Gereffi 1999). Значительная часть современных товаров и услуг производятся не просто путём последовательных производственных операций в разных странах на предприятиях одной ТНК, но с участием большого количества независимых фирм. Даже в одной стране ТНК может выполнять часть операций самостоятельно, а ряд – отдать на аутсорсинг местным или иностранным компаниям. Более важным и неочевидным становится вопрос о том, кто контролирует весь процесс создания и сбыта товара. Нередко организаторами производственных ГЦС выступают не производители, а продавцы (Кондратьев 2015).

Таким образом, развитыми странами в современной мировой экономике могут считаться те страны, чьи фирмы заняты в операциях с наибольшей добавленной стоимостью в существующих ГЦС, а товарная номенклатура экспорта всё меньше свидетельствует о месте страны в мировом хозяйстве и о глобальной конкурентоспособности национальной экономики (Osgood 2018). Увеличить создаваемую экономикой добавленную стоимость могут ТНК страны, зарубежные филиалы которых способны расширять спрос на национальную продукцию через включение производителей принимающих стран в свои ГЦС (Идрисова, Литвинова 2016).

Поэтому страны-лидеры разрабатывают стратегии, перераспределяющие мировую добавленную стоимость с помощью подконтрольных им ГЦС, нередко в ущерб развивающимся странам. Конкурентоспособность государства отражается в проведении такой политики, которая ведёт к росту благосостояния только своих граждан, своих предприятий, и МРТ сопровождается столкновением национальных экономических интересов (НЭИ) участников (Ивантер, Комков 2007).

Определение НЭИ входит в понятие экономическая безопасность, и означает способность национального устойчивого развития в свете воздействия внешних факторов¹⁰. Набор аспектов НЭИ чрезвычайно широк, от отраслевой структуры хозяйства до взаимодействия предпринимателей с государством, и дополняется по мере развития процесса глобализации (Селиванов 2017).

В современном МРТ заметными акторами являются ТНК. Исторически теории транснационализации пытались обосновать развитие ТНК с позиций микроэкономики, были направлены на поиск сильных сторон предприятий.

¹⁰ О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Федеральный закон РФ от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 13.07.2015). 2003. *Собрание законодательства РФ*. 15 декабря. № 50. Ст. 4850.

Однако японский и корейский опыт доказал, что в основе процесса транснационализации могут стоять государственные интересы, макроэкономические цели развития. Поэтому выход местного бизнеса за рубеж может быть не от избытка конкурентоспособности, а для приобретения конкурентоспособности, не ради прибыли частного бизнеса, а в качестве совместного ответа компаний и государства вызовам глобализации (Ребрей 2015). Поэтому в мире растёт количество ТНК с государственным участием, а основными мотивами их создания являются и экономические, вызванные несовершенством рынков, и политические, связанные с идеологией и НЭИ (Cuervo-Cazurra 2014).

Раньше ТНК воздействовали на хозяйства принимающих стран через приобретение активов с помощью прямых инвестиций. В эпоху ГЦС они могут контролировать целые отрасли и экономики и без инвестиций – зависимостью от иностранных технологий, поставок материалов и субпродуктов, доступом к заказам и рынкам сбыта, контрактным производством, аутсорсингом услуг, франчайзингом и лицензированием, что называется неакционерными формами (*non-equity modes, NEMs*) экономического вторжения¹¹. Таким образом, ТНК обладают новым большим набором вариантов управления иностранным производством помимо ПЗИ и экспорта, что обостряет вызовы НЭИ принимающих стран и затрудняет защиту национальной промышленности от корпораций развитых стран.

Можно ли развивающимся странам эффективно защититься от ТНК развитых стран? Ответ на вопрос видится в транснационализации местного бизнеса, который должен стать проводником НЭИ, обеспечить безопасную интеграцию страны в мировое хозяйство (Шевченко и др. 2010). Профессор Терутомо Озава даёт развивающимся странам рекомендацию по проведению такой внешнеэкономической политики, которая бы включала создание национальных ТНК для получения выгод глобализации. При этом интересы частного бизнеса должны быть подчинены целям национального развития, как минимум до тех пор, пока экономика не станет развитой (Ozawa 2014: 11).

Ведётся дискуссия о пользе экспорта капитала как развитыми, так и развивающимися странами. Всё больше исследований поддерживают вывод о том, что ПЗИ ведут к ускорению темпов роста экономики, повышению благосостояния населения и являются ключевым фактором, обеспечивающим лидирующие позиции стран Запада в МРТ (Пичков 2015). Исследования установили, что осуществление прямых инвестиций ведёт к росту конкурентоспособности национального бизнеса и приносит пользу экономике даже при дефиците капитала в самой стране, осуществляющей ПЗИ. При этом важнейшим фактором результативности ПЗИ является эффективность государственной политики в области движения капитала (Kuznetsov 2016).

¹¹ World Investment Report 2011: Non-equity Modes of International Production and Development. 2011. UNCTAD. Geneva: UN Publications. P. 124–184.

Известный биржевой аналитик Нассим Талеб считает, что основными причинами нежелания частных инвесторов финансировать инновационную деятельность является стремление избежать рисков, соответственно, рынок перераспределяет свободные ресурсы в устаревшие, но нерискованные отрасли хозяйства (Taleb 2012). Поэтому страхование рисков бизнесменов также является важнейшей функцией государства, решающего задачу модернизации экономики.

С позиций системного подхода модернизация национальной экономики бесперспективна и невозможна путём модернизации компаний, преследующих собственные цели развития. Требуется пересмотр их взаимодействия с системами государственных институтов, финансов, подготовки кадров, распределения благ (Татаркин 2008). Одним из путей достижения цели в условиях глобализации является формирование системного комплекса НЭИ, к обеспечению которого должны привлекаться зарубежные филиалы частных компаний. В отличие от государственных органов, частный бизнес способен вести хозяйственные операции за рубежом, быть носителем НЭИ.

В синологической литературе хорошо показана системная роль малого и среднего бизнеса в китайской экономике, его планомерная вовлечённость в стратегию государственного развития, приоритет социальных целей функционирования над экономическими (Чуванкова 2018). Также освещены задачи изменения модели участия КНР в международном разделении труда, в связи с чем инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹² представлена не как проект развития транспорта и прочей инфраструктуры, а как план создания и поддержки китайских предприятий за рубежом (Чубаров 2018). Международный коллектив учёных обосновал преимущества выхода за рубеж именно малых и средних предприятий Китая и показал многочисленные каналы государственной и негосударственной поддержки этого процесса (Цигелкова и др. 2019), но представляется дискуссионной позиция этих авторов, видящих цель китайских ЗМСП, преимущественно, во включении в ГЦС крупных западных предприятий.

Таким образом, в научной литературе описаны теоретические взаимосвязи между модернизацией и глобализацией, а также между глобализацией и транснационализацией. Однако вопрос о связи модернизации и транснационализации компаний развивающихся стран ещё недостаточно освещён. Попытка найти ответ на примере Китая составляет теоретическую новизну настоящего исследования.

Проверка рабочей гипотезы осуществляется путём решения следующего ряда задач: оценка влияния глобализации на набор задач экономической модернизации КНР и методов их решения; определение особенностей транснаци-

¹² Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. *Государственный комитет по развитию и реформам КНР*. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed 16.02.2021)).

онализации компаний Китая во взаимосвязи с модернизацией экономики; проверка наличия механизмов координации общественных и частных интересов китайских ЗМСП; выявление сфер и регионов деятельности ЗМСП Китая, их вклад в обеспечение НЭИ и решение задач модернизации экономики на рынках развитых и развивающихся стран и др. Хронологические рамки исследования охватывают период современных реформ КНР 1978–2018 гг.

Методология исследования обусловлена обширным предметом исследования и представляет собой междисциплинарный (использование экономических, политических, географических и социологических исследований), многоуровневый (анализ отдельных компаний и макроданных КНР; значение деятельности китайских ТНК для КНР и мировой экономики) и системный (взаимосвязь институтов, финансов, промышленности, внешнего сектора) подход. Исследование мировой экономики опирается на модель центр – периферия.

В исследовании применяется определение ЮНКТАД, характеризующее транснациональную компанию (ТНК) как любую компанию, независимо от масштаба деятельности и организационной формы, у которой имеется одно или более зарубежных подразделений, в которых контролируется более 10% капитала. Зарубежные подразделения всех типов упоминаются как филиалы (*affiliates*)¹³. В экономической литературе КНР редко применяются термины «транснационализация» (跨国化) и «ТНК» (跨国公司), чаще используются синонимы – «выход вовне» (走出去) и «предприятие КНР, осуществляющее инвестиции за рубеж» (中国境外投资者), у которого имеется «зарубежное предприятие» (境外企业)¹⁴.

Исследование опирается на материалы и статистические данные Всемирного банка, ЮНКТАД, органов власти КНР, сайтов ТНК Китая, научные труды отечественных и зарубежных учёных.

Вызовы глобализации и задачи ТНК Китая в модернизации национальной экономики

С самого начала современных реформ (1978 г.) китайское руководство понимало, что главной целью «открытия» экономики является не включение в мировую экономику, а развитие собственного рынка, используя для этого внешнеэкономические связи. При этом обозримой целью догоняющего развития ставилась не задача постиндустриализации, а сокращение разрыва с передовыми странами в уровне национального технологического развития (Salitskii et al. 2017).

¹³ World Investment Report 2009: Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. 2009. UNCTAD. Geneva: UN Publications. P. 243.

¹⁴ Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао (Статистический ежегодник ПЗИ КНР). 2015. С. 3. Министерство торговли КНР. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/> (accessed 16.02.2021).

Китайское правительство знало о негативном опыте включения в МРТ, в результате которого развивающиеся страны не модернизировали экономику, а создали анклавные – отдельные сектора промышленного производства, обслуживающие нужды внешних рынков, и не связанных с внутренними. Масштабный приток иностранного капитала в КНР серьёзно воздействовал на запланированное развитие отраслевой структуры хозяйства, и национальная промышленная безопасность вошла в список ключевых проблем модернизации экономики (Huang, Wang 2004). Были сделаны выводы, что с приходом западных ТНК возникла проблема обеспечения национального промышленного суверенитета, так, от половины до 99% производства важных отраслей машиностроения, фармацевтики, химической и электронной промышленности находились под контролем западных компаний (Wang, Wu 2006).

При изучении воздействия глобализации на ход экономической модернизации, китайскими учёными глобализация разделена на четыре этапа (Сао 2017). На первом этапе, с 1980 по 1991 г., доминировал торговый капитал, преобладало межотраслевое разделение труда. Источником воздействия на процесс модернизации была внешняя торговля, и в качестве ответа КНР повысила эффективность производства. На втором этапе, с 1991 по 1999 г., доминировал производственный капитал, преобладало внутриотраслевое МРТ, а в его основе – также добавленная стоимость. Источником воздействия была индустриализация, и КНР отреагировала, усовершенствовав финансовую систему. На третьем этапе, который продолжается с 1999 г. по настоящее время, доминирует финансовый капитал, преобладает внутриотраслевое горизонтальное МРТ, а его основа – разница технологического уровня развития. Источником воздействия выступила финансиализация, и КНР отреагировала, усовершенствовав информационный обмен.

На четвертом этапе глобализации, который возможно начался с 2020 г., доминирует информационный капитал, социальные сети станут основой МРТ (Сао 2017: 114). Разрыв между развитыми и развивающимися странами только увеличивается, ещё большее количество стран будет экспортировать товары с небольшой добавленной стоимостью. При этом граница между высокой и низкой добавленной стоимостью всё чётче будет проходить между производством и услугами. В основе нового МРТ конкуренция будет определяться не низкими ценами, а качеством продукции. Сравнительное преимущество стран-лидеров, обеспечивающее их возможности получать высокую добавленную стоимость, не изменится – развитый человеческий капитал (Li 2015).

Накануне нового этапа глобализация прошла два «объединения»: 1) ГЦС и внутреннего рынка, результатом стало формирование внутренних цепочек стоимости с человеческим капиталом, рынком и технологиями в их основе; 2) стратегии модернизации и промышленной политики. Ответную реакцию Китая составили: 1) перенос центра тяжести развития на реальный сектор экономики; 2) ставка на рынок капитала, малые банки и интернет-финансы;

3) экономика конвергенции, интегрирующая промышленность и информацию. Китайские экономисты утверждают, что задача финансов и сферы услуг – перераспределение богатства и обслуживание промышленности, которая и создаёт богатство (Jingji 2019).

На предыдущих трёх этапах глобализации КНР предугадывала направления дальнейшего развития этого процесса и принимала опережающие меры, благодаря чему извлекала выгоды. Но в 2017–2019 гг. в китайской литературе встречается фраза «кризис промышленности». Китайские компании, участвующие в ГЦС развитых стран, перестали вносить вклад в модернизацию и структурную перестройку хозяйства, их экспорт также не приносит былой прибыли – снижение на 53% в 2017 г. (Jingji 2019). Даже самые высокотехнологичные фирмы КНР не продвигаются дальше низкооплачиваемых операций ГЦС развитых стран. Это связано с тем, что НЭИ развивающихся стран на этапе перехода к постиндустриальному обществу вступают в противоречие с интересами развитых стран в связи с началом конкуренции на рынках их продукции. Как следствие, Китай включился в экономическую конкуренцию с развитыми странами, что сразу же ознаменовалось политическим противостоянием (Kwan 2020), и дальнейшее развитие КНР требует защиты своей модели модернизации, как за рубежом, так и на домашнем рынке, который после «открытия» экономики стал частью мирового (Калашников 2019b). Китайские экономисты определяют этот этап экономической модернизации глобальной конкуренцией за место в МРТ, за рынки сбыта, и предсказывают жёсткую борьбу между развитыми и развивающимися странами, вступающими в данный этап (He 2012).

Китайские экономисты пишут, что изучение опыта США им подсказало идею использовать местные ТНК для борьбы с иностранными ТНК, а также понимание того, что во главе транснационализации местного бизнеса должна быть не инициатива компаний, а государственная поддержка (Guo et al. 2002: 360). После этого началось практическое изучение опыта работы западных ТНК, в т.ч. путём экспериментов со слияниями и поглощениями, создания совместных предприятий с ними с главной целью – освоить их методы ведения бизнеса для последующей конкуренции с ними (Chen, Fan 2014).

Основой собственных ГЦС является обеспеченный ростом доходов внутренних потребительский спрос (Huang et al. 2012), что не противоречит участию в экономической глобализации, а является передовой формой модернизации открытой экономики. По планам реформаторов ГЦС сначала должны стать «Национальными цепочками стоимости» (NVC), а далее поэтапно стать «Глобальными инновационными цепочками» (GIC). Так, китайские компании получили новую задачу – покинуть западные ГЦС, ограничив тем самым их доступ к имеющимся в КНР сравнительным преимуществам, и затем, закрепившись на огромном внутреннем рынке, который является их главным конкурентным преимуществом, приступить к созданию своих ГЦС (Cha 2015).

Ещё одним главным конкурентным преимуществом КНР называют «большую комплексность» (大全面), которую также можно назвать промышленным суверенитетом, способностью производства всего спектра товаров опираясь только на собственные силы, и напоминают, что КНР является единственной страной мира, имеющей все известные отрасли промышленности (Lang et al. 2018: 160). Китай собирается вынести низкодоходные отрасли и операции за рубеж и с помощью ТНК и ГЦС сохранить промышленный суверенитет.

В свете вышесказанного новую китайскую Инициативу ОПОП следует воспринимать как очередной этап экономической модернизации, в ходе которого отраслевая структура хозяйства КНР будет совершенствоваться через стимулирование выхода китайских компаний за рубеж, как план подготовки инфраструктуры, связывающей участвующие страны в единое пространство для последующей работы ГЦС китайских ТНК. Таким образом, цель Инициативы ОПОП, которую ещё называют «международная модернизация КНР»¹⁵ – создать благоприятные внешние условия для модернизации национальной экономики. Начало реализации этого масштабного проекта говорит о том, что Китай теперь не объект, а субъект глобализационных процессов, снова способен воздействовать на ход всемирной экономической истории (Лю, Авдокушин 2019).

Особенности зарубежной деятельности ТНК Китая в контексте соотношения форм бизнеса

К началу 2019 г. 27091 компания КНР имела 42872 филиала в 188 странах и территориях мира¹⁶. На протяжении всего исследуемого периода среднее число зарубежных филиалов, приходящихся на материнскую компанию, составляло 1,4–1,6 единиц. Малые и средние предприятия преобладали среди зарубежных филиалов с самого начала реализации стратегии «выхода вовне». Так, на конец 2001 г. накопленные ПЗИ Китая составили 12,3 млрд долл., из них 61,3% в сфере оптовой торговли, и из 6610 филиалов 90% имели инвестиции менее 1 млн долл. (Guo et al. 2002: 21).

Важно отметить, что в Китае статистическое наблюдение охватывает компании с выручкой от основной деятельности свыше 20 млн юаней в год¹⁷ (примерно 3 млн долл.). Это означает, что компаний, имеющих зарубежные филиалы, в Китае намного больше, что подтверждается исследованиями. Так, в африканских странах обнаружены тысячи китайских ЗМСП, не учтённых в статистических данных Китая, так как инвестиции объёмом менее 10 млн долл. не требовали разрешения центральных властей и зачастую не регистрировались, но были

¹⁵ China Modernization Report 2008: International Modernization. 2008. *Research Group for China Modernization Strategies*. Beijing : Peking University Press. С. 170–176.

¹⁶ Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао (Статистический ежегодник ПЗИ КНР). 2007–2018 гг. *Мин-во коммерции КНР*. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/tzhzcj/tzhz/> (accessed 16.02.2021).

¹⁷ *Национальное статистическое бюро КНР*. URL: <http://data.stats.gov.cn> (accessed 16.02.2021).

отражены в статистике принимающими странами (Shen 2015). По оценкам, благодаря таким ЗМСП объём ПЗИ КНР только в африканских странах в три-семь раз превышает официальные цифры.

Особенности статистики Китая таковы, что государственной компанией может считаться только организация со 100%-м государственным капиталом (по требованиям ЮНКТАД достаточно 10%-й доли). Государство активно участвует в работе многих компаний КНР, обладая контрольными пакетами их акций. На протяжении 2006–2018 гг. наблюдалось увеличение доли «негосударственных» компаний в накопленных ПЗИ КНР, с 19 до 45,7%, но доля полностью частных компаний выросла с 1 до 9%. Количество негосударственных ТНК выросло с 74 до 95,1% за тот же период, и даже полностью частных – с 12 до 27%. Наибольшее снижение веса государственных компаний произошло после 2016 г., когда их доля в потоках ПЗИ сократилась до 32%¹⁸.

Анализ структуры капитала китайских ТНК всех форм собственности и всех отраслей установил преобладание заёмных средств, от 50 до 80% валюты баланса. В условиях государственной финансовой системы КНР это означает фактическую принадлежность их бизнеса кредитору – государству. Открытие ЗМСП сопровождается льготным кредитованием, кроме того, государственные структуры и банки оказывают информационно-консультационную поддержку, вплоть до определения места открытия зарубежного филиала и сферы деятельности. Также государством осуществляется страхование предпринимательских рисков, налоговое стимулирование, подготовка высококвалифицированных кадров для ЗМСП и их политическая поддержка за рубежом (Luo et al. 2010). Китай помогает работе филиалов развитием глобальной инфраструктуры для деятельности ТНК, особенно финансово-расчётной, способной проводить безналичные платежи с использованием интернета. Все эти механизмы поддержки ЗМСП одновременно ставят их в зависимость от государства и направляют деятельность даже частных предприятий в русло решения стратегических задач модернизации национальной экономики.

Анализ отраслевых структурных сдвигов через призму масштабов деятельности головных компаний и зарубежных подразделений на основе официальных статистических данных¹⁹ выявляет, что примерно 40% потоков прямых инвестиций стабильно наблюдаются в сфере финансов, лизинга и деловых услуг. В этих же сферах сосредоточены 45–50% объёма накопленных ПЗИ КНР, и они вместе с добывающей промышленностью сконцентрировали деятельность крупного бизнеса. Например, в сфере финансов средний размер инвестиций в

¹⁸ Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунци гунбао (Статистический ежегодник ПЗИ КНР). 2007–2018 гг. *Министерство коммерции КНР*.

¹⁹ Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао (Отчет о развитии ПЗИ и зарубежного сотрудничества КНР). 2017; Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунци гунбао (Статистический ежегодник ПЗИ КНР). 2017. *Министерство коммерции КНР*.

один филиал составляет 372 млн долл. при 5,2 филиалах на одну ТНК, в добывающей промышленности – 100 млн долл. при 2,7 филиалах на ТНК.

По количеству материнских компаний и филиалов лидируют торговля (27% и 28% соответственно) и обрабатывающая промышленность (32% и 20% соответственно). Торговля и обрабатывающая промышленность также выделяются минимальными значениями числа филиалов: 1,6 и 1 соответственно, и размера инвестиционных проектов (16 млн долл. в торговле и 14 млн долл. в обрабатывающей промышленности), т.е. это сфера деятельности ЗМСП.

Анализ географической структуры также выявил интересные закономерности. Так, крупнейшие ПЗИ китайских ТНК направляются в Латинскую Америку, в многочисленные офшоры. Гонконг является транзитным пунктом крупных и средних инвестиций. Небольшие инвестиции, как правило, идут не в офшоры, но до стран назначения всё равно доходят через несколько стран (На пути 2018).

С 1990-х гг. исследователи обнаруживают чёткое разделение потоков ПЗИ КНР, целями которых являются доступ к ресурсам в развивающихся странах, и доступ к богатым рынкам в развитых странах (Kolstad, Wiig 2012). По данным альтернативной статистики, ПЗИ Китая имели сильно диверсифицированную географическую структуру до 2013 г. включительно, после чего ПЗИ резко сконцентрировались на США и европейских странах, на которые пришлось до 55% инвестиций в 2014–2015 гг. и до 75% в 2016–2017 гг.²⁰ Анализ географической структуры в разрезе соотношения размера бизнеса филиалов китайских ТНК, по данным официальной статистики КНР выявляет, что основу ЗМСП ТНК Китая представляет сбыт произведённой в КНР продукции в США и странах Европы. Также ЗМСП работают в сфере торговли и обрабатывающей промышленности в развивающихся странах, сотрудничающих с Китаем в рамках Инициативы «Один пояс, один путь» (63 государства). На фоне уменьшения суммарных потоков ПЗИ Китая в 2017–2018 гг. поток прямых инвестиций на данном направлении в 2018 г. показал прирост 42,6% в обрабатывающей промышленности и 37,7% в торговле.

Выход малых ТНК на рынки развитых стран, причём не с «прорывными» и инновационными, а с простыми, но имеющими устойчивый спрос товарами – проверенная практика (Brown, Bell 2001). В случае с Китаем это также позволило улучшить качество экспортной продукции, поднять на неё цены, увеличить объём и географический охват экспорта (Yang, Wu 2016). При этом китайский экспорт всё больше опирается на собственные разработки и компонентную базу, и уже практически не отличается от «нормальной» торговли, свойственной развитым странам (Lemoine, Unal 2017). Способности ЗМСП успешно конкурировать на зарубежных рынках объясняются их очень узкой специализацией,

²⁰ Рассчитано по: The American Enterprise Institute and The Heritage Foundation. URL: <https://www.aei.org/data/China-Global-Investment-Tracker> (accessed 16.02.2021).

скоростью внедрения организационных и маркетинговых инноваций, установлением особо близких отношений с клиентами и персоналом, повышающими качество обслуживания (Din et al. 2013).

Установлено, что по сравнению с традиционным экспортом, многочисленные ЗМСП Китая на рынках развитых стран имеют больше рычагов совершенствования национальной отраслевой структуры (Калашников 2019а). 1) Предпочтения и финансовые возможности импортёра, а также политическая конъюнктура имеют меньшее значение для производителя, который получает возможность целенаправленно развивать экспортную номенклатуру. 2) Перераспределение добавленной стоимости в торговле в пользу китайской экономики благодаря исключению импортёров-посредников. На богатых рынках развитых государств идентичная продукция стоит в 5–10 раз дороже, чем в развивающихся странах. 3) Прямые контакты с клиентами помогают совершенствованию продукции и НИС. Исследователи выявили, что в отличие от японских и корейских, китайские малые предприятия совершенствуют продукцию, главным образом, опираясь на отзывы пользователей, а не на результаты НИОКР (Chung, Tan 2017). 4) Появляется возможность заниматься послепродажным сервисным обслуживанием и обновлять программное обеспечение, необходимое для современной продукции *Интернета вещей*. 5) Создаётся дополнительный спрос на связанные с основной экспортной продукцией высокотехнологичные товары и услуги (Chen, Tang 2014).

Интернет стал важным инструментом торговли, снизил капитальные затраты, необходимые для открытия бизнеса, позволил ЗМСП стать преобладающим типом филиалов ТНК. Торговые и сервисные ЗМСП Китая десятками тысяч используют развитие телекоммуникаций, без официальных процедур напрямую выходят на производителей и разработчиков товаров, экономические границы стираются. Эта тенденция называется «глобализация снизу», или потребительская глобализация (Хейфец 2018). В связи с этим продвижение товаров на мировых рынках будет всё больше уходить от традиционного инструмента выставок и ярмарок к современному – платформенным решениям, что приведёт к кардинальному реформированию института торгового представительства (Мантуров 2018).

Значительно отличается стратегия выхода китайских ЗМСП на перспективные рынки индустриализирующихся стран. Китайские ТНК выходят за рубеж в рамках комплексного подхода. Так, Министерством коммерции, Министерством иностранных дел и Национальной комиссией развития и реформ была разработана совместная программа по комплексному освоению стран, участвующих в Инициативе ОПОП²¹. Первый этап предусматривает участие

²¹ Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Государственный комитет по развитию и реформам КНР. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed 16.02.2021).

крупнейших корпораций в строительстве всех видов инфраструктуры. На втором этапе на готовую инфраструктуру, пользуясь преференциальным доступом к ней, в принимающие страны заходят малые производственные и торговые ТНК (Wang 2017).

Китайские ЗМСП «выходят вовне» кучно, объединившись, создают многоотраслевые кластеры и многочисленные отраслевые союзы компаний по «совместному выходу за рубеж», при неформальном содействии государственных органов координируют свою работу²². Преимущества такой стратегии давно известны экономистам. Так предприятия избегают конкуренции между собой, стараются негласно разделить рынки, распределить затраты и риски, добиваются полной загрузки и окупаемости объектов, получают эффект масштаба относительно разрозненных местных производителей (Johansson, Mattsson 1988: 38).

Зарубежные малые и средние предприятия: борьба за место КНР в международном разделении труда

По совокупности проведённых анализов параметров развития китайских ТНК можно резюмировать, что деятельность ЗМСП Китая, даже частных форм собственности, полностью находится в русле поставленных им правительством и учёными стратегических задач развития экономики и общества. Как это ни удивительно, но все особенности хода процессов модернизации и транснационализации в КНР укладываются в те или иные известные теоретические концепции и рекомендации. Китайские ЗМСП целенаправленно содействуют изменению места Китая в МРТ, сдвигу к специализации на операциях с большей добавленной стоимостью, и, соответственно, росту доходов населения. Как следствие, развивается источник инноваций – человеческий капитал, и крупнейший розничный рынок мира создаёт спрос на достижения национальной науки и техники, делает востребованной крупнейшую в мире армию китайских инженеров.

Китай старается адаптировать методы защиты национальных интересов и получения выгод глобализации, используемые развитыми странами и их ТНК, обеспечивающими специализацию в современном МРТ. Продвижение даже примитивной продукции на рынки через ЗМСП разоряет бизнес принимающих стран, перераспределяет значительную добавленную стоимость, создаваемую его традиционной сферой торговли, в пользу китайской экономики.

Инициатива «Один пояс, один путь» имеет важную цель – создание китайскими ТНК собственных ГЦС в развивающихся странах, что обеспечивает национальный промышленный суверенитет после того, как отрасли и операции, генерирующие низкую добавленную стоимость, вынесены за рубеж, сохраняют

²² Агентство Синьхуа. 27.10.2015. URL: <http://www.xinhuanet.com/> (accessed 16.02.2021).

национальный контроль над ними. Кроме того, вместе с индустриализацией Инициатива несёт развивающимся странам долгосрочное закрепление специализации в МРТ на отраслях с меньшей добавленной стоимостью.

При строительстве ГЦС крупным национальным компаниям отведена роль создания основы последующего экономического вторжения, что включает освоение производства капиталоемкой, стандартизированной и наукоёмкой промежуточной продукции, строительство инфраструктуры. Для ЗМСП предусмотрено место в производстве потребительской продукции, требующей быстроты реагирования на изменения спроса и способности удовлетворять индивидуальные предпочтения покупателей, а также высокотехнологичных промежуточных товаров, ставящих потребителей в зависимость в рамках китайских ГЦС. К преимуществам ЗМСП также можно отнести небольшие риски в случае потери репутации торговой марки, и практические трудности введения против них экономических санкций.

* * *

Таким образом, в статье на теоретическом и эмпирическом уровнях подтверждена гипотеза исследования, объясняющая массовое создание за рубежом китайских предприятий малых и средних форм бизнеса задачами изменения модели участия Китая в международном разделении труда для модернизации национальной экономики. Показано, что переход предприятий Китая к операциям с большей добавленной стоимостью перспективен только в рамках полностью китайских ГЦС. При этом возможность создания национальных ГЦС появляется при наличии двух условий – национальный промышленный суверенитет и рост доходов населения, обеспечивающий спрос внутреннего рынка на инновации. В условиях глобализации это достигается в ходе борьбы за рынки развитых стран и за площадки для низших звеньев ГЦС в развивающихся странах, где наиболее эффективны малые и средние предприятия сферы конечной потребительской продукции и услуг.

Об авторе:

Денис Борисович Калашников – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: February 05, 2020
Accepted: April 08, 2020

The Role of Chinese Small and Medium TNCs in the Modernization of the National Economy

D.B. Kalashnikov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-174-196](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-174-196)

Moscow State Institute of International Relations (university)

Abstract: Why does the Chinese economic modernization strategy include transnationalization of Chinese enterprises, the creation of numerous Small and Medium Foreign Affiliates (SMFAs)? The research hypothesis suggests that in the context of globalization, modernization requires influencing other participants in the global economy beyond national borders. SMFAs are able to transform the structure of the economy of the PRC and host countries to ensure demand for national innovations and highly skilled labor. The literature review highlights the challenges of modernizing the national economy in the context of globalization, as well as the advantages of TNCs and participation in global value chains (GVCs). However, the question of the connection between catchup development and transnationalization of local business, especially small and medium-sized ones, has been understudied. The novelty of the study is in the analysis of the sectoral and geographical structure of the foreign activities of Chinese TNCs and the analysis of the problems of the participation of Chinese TNCs in Western global value chains (GVCs). The main findings reveal that the creation of SMFAs is a response to the challenges of globalization, which impede the modernization of the Chinese economy. Powerful state support to SMFAs makes them dependent, and thus the government is able to direct the goals of private enterprises in accordance with the national interests. The major field of Chinese SMFAs is the promotion of products manufactured in the PRC in the American and European markets, and it contributes to the development of the national innovation system, redistributes the added value in favor of national manufacturers, and stimulates the development of hightech industries of the PRC. In developing countries SMFAs are represented by trade and manufacturing outlets within the "Belt and Road Initiative". They come after the infrastructural projects of large business, grouped in clusters, have strong coordination with other Chinese TNCs, and create Chinese GVCs. The main role of Chinese SMFAs in the modernization of the PRC economy is to ensure national interests, including industrial sovereignty and the growth of wellbeing of citizens as the basis of innovative demand. In the modern international labor division, this is achieved by a shift to high valueadded operations, accompanied by a struggle for the markets of developed countries and for sites for the low valueadded operations inside Chinese GVCs in developing countries.

Keywords: China, Belt and Road Initiative, TNC, small and medium enterprises, economic modernization, GVC, national interests, globalization

About the author:

Denis B. Kalashnikov – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer of World Economy Department, MGIMO–University. 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

Conflict of Interests:

The author declares the absence the conflict of interests.

References:

- Brown P., Bell J. 2001. Industrial Clusters and Small Firm Internationalization. *Multinationals in a New Era*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 10-28.
- Chen W., Tang H. 2014. The Dragon Is Flying West: Micro-level Evidence of Chinese Outward Direct Investment. *Asian Development Review*. 31(2). P. 109-140. DOI: 10.1162/ADEV_a_00032
- Chesbrough H.W. 2003. *Open Innovation: The Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Boston: Harvard Business School Press. 272 p.
- Chung L., Tan KH. 2017. The Unique Chinese Innovation Pathways: Lessons from Chinese Small and Medium Sized Manufacturing Firms. *International Journal of Production Economics*. Vol. 190. P. 80-87. DOI: 10.1016/j.ijpe.2016.09.004
- Cuervo-Cazurra A. [et al.]. 2014. Governments as Owners: State-owned Multinational Companies. *Journal of International Business Studies*. №45. P. 919-942. DOI: 10.1057/jibs.2014.43
- Din FU, Dolles H, Middel R. 2013. Strategies for Small and Medium-Sized Enterprises to Compete Successfully on the World Market: Cases of Swedish Hidden Champions. *Asian Business & Management*. 12(5). P. 591-612. DOI: 10.1057/abm.2013.19
- Douglass J.A. 2010. Creating a Culture of Aspiration: Higher Education, Human Capital and Social Change. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2(5). P. 6981-6995. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.05.050
- Gereffi G. 1999. International Trade and Industrial Upgrading in the Apparel Commodity Chain. *Journal of International Economics*. 48(1). P. 37-70. DOI: 10.1016/S0022-1996(98)00075-0
- He Chuanqi. 2012. *Modernization Science: The Principles and Methods of National Advancement*. London; New York: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 648 p. DOI: 10.1007/978-3-642-25459-8
- Johansson J., Mattsson L. 1988. Internationalization in Industrial Systems – a Network Approach. *International Studies of Management Organization*. Vol. 17. P. 34-48.
- Kolstad I., Wiig A. 2012. What Determines Chinese outward FDI? *Journal of World Business*. 47(1). P. 26-34. DOI: 10.1016/j.jwb.2010.10.017
- Kuznetsov A.V. 2016. Foreign Investments of Russian Companies: Competition with West European and East Asian Multinationals. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 86(2). P. 77-85. DOI: 10.1134/S1019331616020039
- Kwan Ch. 2020. The China-US Trade War: Deep-Rooted Causes, Shift-ing Focus and Uncertain Prospects. *Asian Economic Policy Review*. 15(1). P. 55-72. DOI: 10.1111/aepr.12284
- Lemoine F., Unal D. 2017. China's Foreign Trade: A «New Normal». *China and World Economy*. 25(2). P. 1-21. DOI: 10.1111/cwe.12191
- Lundvall B. 2016. *The Learning Economy and the Economics of Hope*. London; New York: Anthem Press. 406 p. DOI: 10.26530/OAPEN_626406
- Luo YD, Xue QZ, Han BJ. 2010. How Emerging Market Governments Promote outward FDI: Experience from China. *Journal of World Business*. 45(1). P. 68-79. DOI: 10.1016/j.jwb.2009.04.003
- Osgood I. 2018. Globalizing the Supply Chain: Firm and Industrial Support for US Trade Agreements. *International Organization*. 72(2). P. 455-484. DOI: 10.1017/S002081831800005X
- Ozawa T. 2014. *Explaining the Rise of East Asian Multinationals: State-Industry Links, a Stages Model of Structural Change, and Japan as a Precedent Setter*. Columbia University. Center on Japanese Economy and Business. Working Paper №337. 27 p.

Porter M.E. 1990. *Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press. 896 p. DOI: 10.1007/978-1-349-11336-1

Salitskii A.I., Sin Zhao, Yurtaev V.I. 2017. Sanctions and Import Substitution as Exemplified by the Experience of Iran and China. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 87(2). P. 205-212. DOI: 10.1134/S1019331617020058

Smith K. 2007. The Systems Challenge to Innovation Policy. *Industries und Glueck. Paradigmenwechsel in der Industrie und Technologie politik*. №3. P. 45-54.

Taleb N.N. 2012. *Antifragile: Things that gain from disorder*. New York. 519 p.

Shen X. 2015. Private Chinese Investment in Africa: Myths and Realities. *Development Policy Review*. №33. P. 83-106. DOI: 10.1111/dpr.12093

Zhang S., Yang D., Qiu S. [et al.]. 2018. Open Innovation and Firm Performance: Evidence from the Chinese Mechanical Manufacturing Industry. *Journal of Engineering and Technology Management – JET-M*. Vol. 48. P. 76-86. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2018.04.004

Cao Jianfei. 2017. *Jingji quanqiuhua yu woguo chanye youhua shengji* [Economic Globalization and China's Industrial Optimization and Upgrade]. Beijing: Jingji guanli chubanshe. 234 p. (In Chinese).

Cha Risheng. 2015. Zhongguo canyu quanqiu jingji zhili moshi yanjiu [Research on China's Participation in Global Economic Governance Model – From the Perspective of Global Value Chain Governance]. *Hongguan jingji yanjiu* [Macroeconomics]. №5. P. 9-17. (In Chinese).

Chen Huaqiao, Fan Jianhong. 2014. Zhidu juli, Zhongguo kuaguo gong-si jinru zhanlue yu guojihua jixiao: jiyu zuzhi hefaxing shiqiao [Institutional Distance, Chinese MNCs' Entry Strategy and Internationalization Performance: From the Perspective of Organizational Legitimacy]. *Nankai jingji yanjiu* [Nankai Economic Studies]. №2. P. 99-117. (In Chinese).

Guo Temin, Wang Yulong, Yu Shan. 2002. *Zhongguo qiye kuaguo jingying* [China Enterprise International Operation]. Beijing: Zhongguo fazhan chubanshe. 411 p. (In Chinese).

Huang Yuchun, Zheng Jianghui, Yang Yiwen. 2012. Quanqiu jiazhilian shijiao xia zhang sanjiao chukou daoxiangxing chanye jiqunde shengji longjing yanjiu [Research on the Upgrade Path of Export-oriented Industrial Clusters in the Yangtze River Delta from the Perspective of Global Value Chain]. *Keji jinbu yu duice* [Science & Technology Progress and Policy]. №17. P. 45-50. (In Chinese).

Huang Zhiyong, Wang Yubao. 2004. FDI yu woguo chanye anquande bianzheng fenxi [Dialectical Analysis of FDI and China's Industrial Security]. *Shijie jingji yanjiu* [World Economy Studies]. №6. P. 35-41. (In Chinese).

Jingji da qiju, Zhongguo zenma ban [The Economic Grand Chessboard, what should China do]. 2019. Xinhua News Agency Think Tank. Beijing : Xiandai chubanshe. 343 p. (In Chinese).

Lang Xianpin, Wang Mudi, Wang Jin et al. 2018. *Zhongguo zhizaoye xia yibu: cong zhizao dao yingzao* [China's Manufacturing Industry Next Step: From Manufacturing to Creation]. Beijing: Dongfang chubanshe. 179 p. (In Chinese).

Li Xiaohua. 2015. Guoji chanye fengong geju yu zhongguo fengong diwei fazhan qushi [The Pattern of International Division of Labor and the Development trend of China's Status of Division of Labor]. *Guoji jingmao tansuo* [International Economics and Trade Research]. №6. P. 4-17. (In Chinese).

Wang Huiyao, Miao Lu. 2017. *Zhongguo qiye quanqiuhua baogao (2017) lanpishu* [Report on Chinese Enterprises Globalization (2017)]. Beijing: Shekeyuan kexue wenxian chubanshe. 360 p. (In Chinese).

Wang Junhao, Wu Jingjing. 2006. Jiyu guojia jingji anquande kuaguo gongsi binggou guanzhi [M & A Control of Transnational Corporations Based on National Economic Security]. *Jingji yu guanli yanjiu* [Research on Economics and Management]. №10. P. 19-25. (In Chinese).

Yang Yaping, Wu Zhuhong. 2016. Zhongguo zhizaoye qiye OFDI dailai "diu zhizaoye" ma – qi yu weiguan shuju he touzi dongjide shizheng yanjiu [Does OFDI in Chinese Manufacturing Enterprises Bring "De-manufacturing" – An Empirical Study Based on Micro-data and Investment Motivation]. *Guoji maoyi wenti [Journal of International Trade]*. №8. P. 154-164. (In Chinese).

Brodel F. 1993. *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: Poligramma. 128 p. (In Russian).

Galishcheva N.V. 2014. Model' «Kerala» – model' ustoichivogo razvitiia indiijskoi ekonomiki [Kerala Model as a Model of Sustainable Development of Indian Economy]. *Mirovoe i natsional'noe khoziaistvo*. №3. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014-03/model-kerala-model-ustojcivogo-razvitiia-indijskoj-ekonomiki> (accessed 16.02.2021). (In Russian).

Ivanter V.V. 2015. Viktor Ivanter: «u Rossiiskoi ekonomiki est' potentsial dlia rosta» [The Russian Economy has Potential for Growth]. *Finansy: Teoriia i Praktika*. №3. P. 18-25. DOI: 10.26794/2587-5671-2015-0-3-18-25 (In Russian).

Ivanter V.V., Komkov N.I. 2007. Perspektivy i usloviia innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiia ekonomiki Rossii [Prospects and Conditions for Innovative and Technological Development of the Russian Economy]. *Problemy prognozirovaniia*. №3. P. 3-20. (In Russian).

Idrisova V.V., Litvinova Iu.O. 2016. Torgovlia dobavlennoi stoimost'iu: empiricheskii analiz [Trade in Value Added: Empirical Analysis]. *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik*. №8. P. 49-66. (In Russian).

Kalashnikov D.B. 2019a. Potentsial TNK v razvitiu eksporta: opyt Kitaia [Export Development Practices by Chinese TNCs]. *Rossiiskii vnesheekonomicheskii vestnik*. №3. P. 35-48. (In Russian).

Kalashnikov D.B. 2019b. TNK v obespechenii natsional'nykh ekonomicheskikh interesov: opyt Kitaia [Chinese MNCs in the Protection of National Interests]. *Gorizonty ekonomiki*. №2 P. 69-73. (In Russian).

Klinov V.G. 2011. Teoreticheskaiia mysl' i narodnokhoziaistvennaia politika: russkii vybor [Theoretical Thought and Economic Policy: Russian Choice]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. №3. P. 119-128. (In Russian).

Kondrat'ev V.B. 2015. Mirovaia ekonomika kak sistema global'nykh tsepochek stoimosti [World Economy as Global Value Chain's Network]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. №3. P. 5-17. (In Russian).

Liu Izhu, Avdokushin E.F. 2019. Proekt «Odin poias, odin put'» 2.0. – strategiiia stimulirovaniia global'noi ekspansii Kitaia ["One Belt One Road" Project 2.0 – A Strategy to Stimulate China's Global Expansion]. *Mir novoi ekonomiki*. 13(1). P. 67-76. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76. (In Russian).

Manturov D.V. 2018. O promyshlennoi politike Rossii na perspektivu 2018–2030 gg. [On the Industrial Policy of Russia for 2018-2030]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. №4. P. 7-22. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22. (In Russian).

Mel'iantsev V.A. 2016. Protivorechivye trendy v sovremennoi mirovoi ekonomike i razvivaiushchiesia strany. Chast' 2 [Contradictory Trends in the Modern Global Economy and Developing Countries. Part 2]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 13: Vostokovedenie*. №3. C. 3-35. (In Russian).

Na puti k Kitaiskomu miru [On the Way to the Pax Sinica]. 2018. Pod red. Sluki N.A. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 352 p. (In Russian).

Pichkov O.B. 2015. SShA v mezhdunarodnom dvizhenii priamykh investitsii [USA in the International Flows of Direct Investment]. Moscow: MGIMO-Universitet. 240 p. (In Russian).

Polterovich V.M. 2009. Mekhanizm global'nogo ekonomicheskogo krizisa i problemy tekhnologicheskoi modernizatsii [The Mechanism of the Global Economic Crisis and the Problems of Technological Modernization]. *Voprosy ekonomiki*. №6. P. 4-22. (In Russian).

Rebrei S.M. 2012. *Transnatsionalizatsiia iaponskogo biznesa* [Transnationalization of Japanese business]. Moscow: MGIMO-Universitet. 133 p. (In Russian).

Selivanov A.I. 2017. Ekonomicheskaja bezopasnost' Rossii: teoreticheskii i prakticheskii renessans sistemnogo podkhoda [Economic Security of Russia: a Renaissance of Systems Approach]. *Finansy: Teoriia i Praktika* [Finance: Theory and Practice]. №2. P. 12-22. (In Russian). DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-2-12-22

Tatarkin A. 2008. Promyshlennaia politika kak osnova sistemnoi modernizatsii ekonomiki Rossii [Industrial Policy as the Basis of Systemic Modernization of the Russian Economy]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia*. №1. P. 5-17. (In Russian).

Kheifets B.A. 2018. Globalizatsiia ne konchaetsia, ona stanovitsia drugoi [Globalization Does not End, it Becomes Another]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika pravo*. №1. P. 14-33. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-14-33

Tsigelkova E., Platonova I.N., Frolova E.D. 2019. Komparativnyi analiz podderzhki malykh i srednikh predpriatii ES i Kitaia v tseliakh povysheniia sozdavaemoi imi dobavlennoi stoimosti [Comparative Analysis of Supporting Small and Medium Enterprises for Enhancing Created Added Value in the EU and China]. *Ekonomika regiona*. №1. P. 256-269. DOI: 10.17059/2019-1-20

Chubarov I.G. 2018. Piat' sostavliaiushchikh vneshneekonomicheskogo kursa Kitaia «Odin poias, odin put'» [Five Connectivity Areas of the China's Belt and Road Initiative]. *Mezhdunarodnaia analitika*. №3. P. 45-58.

Chuvankova V.V. 2018. Kitai: rol' malogo i srednego biznesa v postroenii obshchestva «siaoakan» [China: the Role of Small and Medium Business in Creation of “Xiaokang Society”]. *Aziia i Afrika segodnia*. №4. P. 40-47. DOI: 10.7868/S0321507518040062

Shevchenko I.V., Mudrova L.I., Shcheblykin Iu.S. 2010. Problemy transnatsionalizatsii rossiiskogo biznesa [Problems of Transnationalization of Russian Business]. *Finansy i kredit*. №3. P. 2-10. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Бродель Ф. 1993. *Динамика капитализма*. Смоленск: Полиграмма. 128 с.

Галищева Н.В. 2014. Модель «Керала» – модель устойчивого развития индийской экономики. *Мировое и национальное хозяйство*. №3. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2014-03/model-kerala-model-ustojcivogo-razvitiia-indijskoj-ekonomiki> (дата обращения 16.02.2021).

Ивантер В.В. 2015. Виктор Ивантер: «у Российской экономики есть потенциал для роста»: [беседа с главным редактором «Вестника Финансового университета» Д.И. Сорокиным]. *Финансы: теория и практика*. №3. С. 18–25.

Ивантер В.В., Комков Н.И. 2007. Перспективы и условия инновационно-технологического развития экономики России. *Проблемы прогнозирования*. №3 С. 3–20.

Идрисова В.В., Литвинова Ю.О. 2016. Торговля добавленной стоимостью: эмпирический анализ. *Российский внешнеэкономический вестник*. №8. С. 49–66.

Калашников Д.Б. 2019а. Потенциал ТНК в развитии экспорта: опыт Китая. *Российский внешнеэкономический вестник*. №3. С. 35–48.

Калашников Д.Б. 2019б. ТНК в обеспечении национальных экономических интересов: опыт Китая. *Горизонты экономики*. №2. С. 69–73.

- Клинов В.Г. 2011. Теоретическая мысль и народнохозяйственная политика: русский выбор. *Мировая экономика и международные отношения*. №3. С. 119–128.
- Кондратьев В.Б. 2015. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости. *Мировая экономика и международные отношения*. №3. С. 5–17.
- Лю Ижу, Авдокушин Е.Ф. 2019. Проект «Один пояс, один путь» 2.0. – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая. *Мир новой экономики*. 13(1). С. 67–76. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76
- Мантуров Д.В. 2018. О промышленной политике России на перспективу 2018–2030 гг. *Вестник МГИМО-Университета*. №4. С. 7–22. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-7-22
- Мельянцев В.А. 2016. Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. Часть 2. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. №3. С. 3–35.
- На пути к Китайскому миру*. 2018. Под ред. Слуки Н.А. Москва: Издательство Московского университета. 352 с.
- Пичков О.Б. 2015. *США в международном движении прямых инвестиций*. Москва: МГИМО-Университет. 240 с.
- Полтерович В.М. 2009. Механизм глобального экономического кризиса и проблемы технологической модернизации. *Вопросы экономики*. №6. С. 4–22.
- Ребрей С.М. 2012. *Транснационализация японского бизнеса*. Москва: МГИМО-Университет. 133 с.
- Селиванов А.И. 2017. Экономическая безопасность России: теоретический и практический ренессанс системного подхода. *Финансы: теория и практика*. №2. С.12–22.
- Татаркин А. 2008. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России. *Проблемы теории и практики управления*. №1. С. 5–17.
- Хейфец Б.А. 2018. Глобализация не кончается, она становится другой. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика право*. №1. С. 14–33. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-14-33
- Цигелкова Е., Платонова И.Н., Фролова Е.Д. 2019. Компаративный анализ поддержки малых и средних предприятий ЕС и Китая в целях повышения создаваемой ими добавленной стоимости. *Экономика региона*. №1. С. 256-269. DOI: 10.17059/2019-1-20
- Чубаров И.Г. 2018. Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс, один путь». *Международная аналитика*. №3. С. 45-58. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-3-45-58
- Чуванкова В.В. 2018. Китай: роль малого и среднего бизнеса в построении общества «сяокан». *Азия и Африка сегодня*. № 4. С. 40-47.
- Шевченко И.В., Мудрова Л.И., Щерблюкин Ю.С. 2010. Проблемы транснационализации российского бизнеса. *Финансы и кредит*. №3. С. 2–10.

Повлияет ли робототехника на рынки труда?

О.Б. Пичков, А.А. Уланов

Научный журнал «Современные экономические процессы»

Рецензия на книгу: Matthews, P., S. Greenspan. 2020. *Automation and Collaborative Robotics: A Guide to the Future of Work*. Berkeley, CA, Apress. 285 p. DOI: 10.1007/978-1-4842-5964-1.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики, автоматизация труда, роботизация процессов, технологическая безработица, будущее сферы труда, промышленная робототехника

В 2019 г. Международная организация труда (МОТ) – специализированное учреждение ООН, в ведении которого находятся вопросы регулирования трудовых отношений, – отметила столетнюю годовщину со дня своего основания. В принятой по случаю юбилея Декларации столетия МОТ «О будущем сферы труда» указывалось, что «МОТ отмечает своё столетие во время преобразующих изменений в сфере труда, обусловленных технологическими инновациями»¹. Неслучайно к праздничной дате была приурочена реализация инициативы МОТ «Будущее сферы труда». Подготовленный в рамках инициативы доклад «Работать ради лучшего будущего» содержит ёмкую формулировку, проясняющую природу происходящих трансформаций: «Сфера труда преобразуется под воздействием новых сил. ... Благодаря технологическим достижениям – искусственному интеллекту, автоматизации и робототехнике – будут создаваться новые рабочие места, однако те, кто потеряет работу в это переходное время, возможно, будут наименее подготовленными к тому, чтобы воспользоваться новыми возможностями»².

УДК: 339.91

Поступила в редакцию: 12.01.2021

Принята к публикации: 02.02.2021

¹ ILO Centenary Declaration for the Future of Work. 2019. *International Labor Organization*. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_711674.pdf (accessed 8.02.2021)

² Work for a brighter future. 2019. *Global Commission on the Future of Work International Labour Office*. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662410.pdf (accessed 8.02.2021)

Беспокойство мирового сообщества в связи с рисками нарастания технологической и, в более широком понимании, структурной безработицы постоянно подогревается публикуемыми негативными прогнозами. Так, по оценкам компании Oxford Economics, порядка 20 млн рабочих мест в промышленности (8,5% от общего числа) могут быть автоматизированы за счёт установки промышленных роботов к 2030 г.³ Эксперты Всемирного экономического форума в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 прогнозируют вытеснение 85 млн традиционных рабочих мест уже к 2025 г. по причине расширения цифровизации и сдвига в распределении труда между людьми, машинами и алгоритмами⁴.

В данном контексте весьма своевременной представляется публикация монографии «Автоматизация и коллаборативная робототехника: путеводитель по будущему труда» П. Мэтьюза и С. Гринспэна. Авторы приступают к рассмотрению темы, проводя историческую параллель между реакцией современного общества на технологические инновации и подходами движения луддитов в первой четверти XIX в. в Англии. Слово «луддит» со временем стало именем нарицательным и использовалось в отношении людей, которые испытывали страх в отношении новых технологий и сопротивлялись их приходу. Сегодня на фоне повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта и робототехники всё большее распространение получают идеи неолуддизма. В данных условиях П. Мэтьюз и С. Гринспэн поставили цель в своей работе дать непредвзятую оценку влиянию автоматизации на будущее сферы труда.

Авторы начинают с разбора определений таких значимых для изучаемой темы терминов, как «нейронные сети», «глубокое обучение», «слияние данных», «роботизация процессов» (*Robotic Process Automation – RPA*) и коллаборативная робототехника. П. Мэтьюз и С. Гринспэн прямо указывают, что предложенные определения содержат ряд допущений, позволяющих использовать терминологический аппарат для целей их исследования.

По оценкам экспертов, широкое внедрение технологий роботизации процессов способно привести не столько к замене трудовых ресурсов, сколько к их перемещению на иные направления работы. Решения на основе *RPA* на современном этапе используются организациями для автоматизации трудоёмких, повторяющихся, формализованных задач, реализация которых сопряжена с большим количеством ошибок. Применение технологий *RPA*, по мнению П. Мэтьюза и С. Гринспэна, повлияет на рынок аутсорсинга задач, а также будет способствовать перераспределению персонала на позиции, связанные с творчеством и поиском нестандартных решений.

³ How robots change the world. 2019. *Oxford Economics*. URL: <http://resources.oxfordeconomics.com/how-robots-change-the-world> (accessed 8.02.2021)

⁴ The Future of Jobs Report 2020. 2020. *World Economic Forum*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (accessed 8.02.2021)

Переходя из абстрактной в материальную плоскость, авторы монографии обращаются к особенностям внедрения коллаборативной робототехники – «роботов, которые могут безопасно и эффективно взаимодействовать и сотрудничать с людьми при выполнении различных задач» (р. 51). Авторы представляют оригинальную модель т.н. «пятиуровневого взаимодействия» человека и различных инструментов: использование обычных инструментов, управление интерактивными устройствами, частичное взаимодействие, высокий уровень коллаборации и взаимодействие в условиях управления и координации, осуществляемых машиной. Приводя примеры полуавтономных транспортных средств, авторы приходят к выводу, что человечество стоит на пороге высокого уровня коллаборации людей и машин. Вместе с тем проникновение робототехники в различные сферы жизни чревато сломом существующих моделей взаимодействия и рабочих процессов. Данный тезис подкрепляется ярким примером нарушения внутригрупповой динамики, наблюдающегося в хирургических бригадах в случае использования робот-ассистированных хирургических систем.

Несколько выбивающимся из общего контекста выглядит раздел книги, посвящённый так называемым «роботам без манипуляторов». В целях работы П. Мэтьюз и С. Гринспэн относят к ним умные дома и беспилотные транспортные средства. Причисление данных систем и устройств к роботам происходит на основе наличия общих атрибутов, таких как сбор данных, принятие алгоритмизированных решений, взаимодействие с человеком и др. Данный подход имеет определённые недостатки, поскольку, как представляется рецензентам, ведёт к размытию как терминологической базы, так и охвата самого исследования.

Отдельного внимания заслуживают соображения П. Мэтьюза и С. Гринспэна о роли данных в использовании роботов. Наиболее совершенным «механизмом» слияния и обработки различных типов данных авторы считают человека. Эксперты указывают на необходимость улучшения работы с данными с целью расширения возможностей человеко-машинных систем. Особое внимание П. Мэтьюз и С. Гринспэн уделяют концепции периферийных вычислений, поскольку в качестве конечных устройств сети, по их мнению, могут выступать роботы. Свои идеи авторы иллюстрируют на материале научно-исследовательского проекта Европейского союза ENACT, посвящённого изучению возможностей использования «Интернета вещей» в транспорте и медицине.

Традиционно для зарубежной научной мысли, книга содержит призыв учитывать этические нормы и требования безопасности на этапе разработки устройств робототехники, а также оценивать возможное влияние технологий на общество. Вместе с тем остаётся не до конца прояснённым вопрос, какие именно нормы и требования имеются в виду.

В заключение экспозиции книги представляется необходимым привести обращаящую на себя внимание аналогию: П. Мэтьюз и С. Гринспэн выражают уверенность, что люди и машины смогут со временем выстроить отношения

взаимовыгодного сотрудничества и сосуществования, такие как сложились сегодня между человеком и некоторыми животными, к примеру, собаками.

В целом, проблематика влияния искусственного интеллекта и робототехники на занятость, производительность и деятельность организаций лежит на стыке технического и гуманитарного знания, охватывает информатику, кибернетику, экономику, социологию и другие отрасли науки. Работа П. Мэтьюза и С. Гринспэна носит обзорный характер и представляет собой яркий пример междисциплинарного подхода к организации исследования. Валидацию полученных результатов специалисты осуществляют посредством интервью с ведущими отраслевыми экспертами. Вместе с тем использование в книге исключительно дескриптивного метода кажется недостаточным.

Здесь следует обратиться к другим заметным работам в данной проблемной области. Ряд профильных исследований основан на количественных методах, но даже среди них нет единства подходов.

Так, К. Фрей и М. Осборн используют в расчётах гауссовский классификатор для оценки вероятности риска автоматизации для 702 профессий. На примере США авторы приходят к выводу, что данная тенденция может затронуть до 47% от числа всех рабочих мест (Frey, Osborne 2017).

Эксперты ОЭСР М. Арнтц, Т. Грегори и У. Циран, в свою очередь, полагают, что использование подхода, основанного на измерении риска автоматизации для целых профессий, приводит к переоценке соответствующей угрозы. В качестве альтернативы исследователи предлагают рассматривать возможность автоматизации отдельных задач в рамках профессий и использовать для вычислений обобщённую линейную модель. Так, по данным экспертов, в 21 стране, входящей в ОЭСР, всего 9% рабочих мест подвержены автоматизации. Более того, данный показатель варьируется от страны к стране (Arntz, Gregory, Zierahn 2016).

Аналитики *McKinsey Global Institute* обращаются к сценарной разработке. Согласно полученным ими данным, к 2030 г. в 46 странах доля задач, которые могут быть автоматизированы, будет наблюдаться в диапазоне от 0 до 30%, при этом средний уровень составит порядка 15% (Manuika et al. 2017).

Следует остановиться и на ограничениях работы. Ещё во введении авторы отмечают, что вне её охвата остаётся промышленная робототехника. Как представляется, рассмотрение данной темы могло бы только повысить ценность исследования, поскольку, согласно данным Международной федерации робототехники, по состоянию на 2020 г. в мире функционирует 2,7 млн промышленных роботов, что не может не отражаться на глобальных трендах в области занятости⁵. Важно понимать, что на протяжении последних лет данный показатель неуклонно растёт и, по всей вероятности, его рост продолжится и далее.

⁵ IFR presents World Robotics Report 2020. 2020. *International Federation of Robotics*. URL: <https://ifr.org/ifr-press-releases/news/record-2.7-million-robots-work-in-factories-around-the-globe> (accessed 8.02.2021)

На фоне преимущественно апокалиптических настроений в современной печати книгу отличает спокойный тон – даёт о себе знать большой опыт работы авторов в технической области, в частности над реализацией проектов в сфере информационно-коммуникационных технологий. Вместе с тем стиль изложения можно охарактеризовать как публицистический – материал не перегружен специфическими научными терминами. Представляется, что такой подход выбран авторами неслучайно и направлен на максимальное расширение целевой аудитории – выход за пределы круга отраслевых специалистов. Как представляется, книга П. Мэтьюза и С. Гринспэна «Автоматизация и коллаборативная робототехника: путеводитель по будущему труда» будет интересна не только практикам-разработчикам робототехники, но и исследователям, интересующимся экономическими и социальными аспектами современных технологий и, в целом, широкому кругу читателей.

С первых страниц книги центральное место занимает вопрос – повлияет ли робототехника на будущее труда? Авторы дают на него утвердительный ответ, подкреплённый серьёзной аргументацией и яркими примерами. Вместе с тем до последних страниц сохраняется интрига – работа содержит «открытый финал», позволяя читателю на основе изложенного материала самому ответить на вопрос, какой может быть качественная оценка происходящих трансформаций.

Об авторах:

Олег Борисович Пичков – кандидат экономических наук, доцент, главный редактор научного журнала «Современные экономические процессы». 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17, эт. 3, ком. 95, офис А1Н. E-mail: o.b.pichkov@yandex.ru

Александр Андреевич Уланов – шеф-редактор научного журнала «Современные экономические процессы». 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17, эт. 3, ком. 95, офис А1Н. E-mail: ulanov.alex.andr@yandex.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: January 12, 2021
Accepted: February 02, 2021

Will Robotics Affect the Future of Work?

O.B. Pichkov, A.A. Ulanov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-1-76-197-202](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-197-202)

Current Economic Trends Journal

Book review: Matthews, P., S. Greenspan (2020) Automation and Collaborative Robotics: A Guide to the Future of Work. Berkeley, CA, Apress. 285 p.

Keywords: digital transformation of the economy, labor automation, robotic process automation, technological unemployment, future of work, industrial robotics

About the authors:

Oleg B. Pichkov – PhD in Economics, Associate Professor, Current Economic Trends Journal Editor-in-Chief. Office A1N, room 95, floor 3, 17, Butlerova st., Moscow, Russia, 117342

Alexander A. Ulanov – Current Economic Trends Journal Editorial Director. Office A1N, room 95, floor 3, 17, Butlerova st., Moscow, Russia, 117342.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Arntz M.T. Gregory and U. Zierahn. 2016. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. №189. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5jlz9h56dvq7-en.

Frey C., Osborne M. 2017. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 114. P. 254-280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.

Manyika J. et al. 2017. *Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time of Automation*. McKinsey Global Institute. 160 p.